

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

24 2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (627) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Афанасьевич Потебня* (1835–1891), русский и украинский языковед, литературовед, философ.

Александр Афанасьевич родился в 1835 году в дворянской семье штабс-капитана на хуторе Манев, близ села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии (ныне Роменский район).

Он с отличием окончил Радомскую гимназию и поступил на юридический факультет Харьковского университета, но через год перевелся на историко-филологический факультет. Там же Потебня увлекся этнографией, стал изучать «малорусское наречие» и собирать народные песни. По окончании университета Потебня недолго проработал учителем словесности в 1-й Харьковской гимназии, а затем в 1861 году защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии» и начал читать лекции в Харьковском университете. В возрасте 26 лет он опубликовал свой труд «Мысль и язык», где сформулировал ряд оригинальных и глубоких теоретических положений. Тогда же он отправился в заграничную командировку — посещал лекции в Берлинском университете, изучал санскрит и побывал в нескольких славянских странах. В 1874 году он защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике», а в 1875 году стал профессором Харьковского университета.

Потебня находился под сильным влиянием идей Вильгельма фон Гумбольдта, однако переосмыслил их в психологическом духе. Он много изучал соотношение мышления и языка, в том числе в историческом аспекте, выявляя прежде всего на русском и славянском материале исторические изменения в мышлении народа. Занимаясь вопросами лексикологии и морфологии, ученый ввел в русскую грамматическую традицию ряд терминов и понятийных противопоставлений. В частности, он предложил различать значение слова: «дальнейшее» (связанное, с одной стороны, с энциклопедическими знаниями, а с другой — с персональными психологическими ассоциациями, и в обоих случаях индивидуальное) и «ближайшее» (общее для всех носителей языка, «народное», или, как чаще говорят теперь в русской лингвистике, «наивное»). В языках с развитой морфологией ближайшее значение делится на вещественное и грамматическое. Ученого глубоко интересовала история образования категорий существительного и прилагательного, противопоставления имени и глагола в славянских языках.

В те времена нередко одни языковые явления рассматривались в отрыве от других и от общего хода языкового развития. И поистине новаторской была мысль Потебни, что в языках и их развитии есть непреложная система и что события в истории языка надо изучать, ориентируясь на его разнообразные связи и отношения.

Александр Афанасьевич известен также своей теорией внутренней формы слова, в которой конкретизировал идеи фон Гумбольдта. Внутренняя форма слова — это его

«ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка (например, у слова «стол» сохраняется образная связь со словом «стать»); благодаря внутренней форме слово может приобретать новые значения через метафору. Именно в трактовке Потебни «внутренняя форма» стала общеупотребительным термином в русской грамматической традиции. Он писал об органическом единстве материи и формы слова, в то же время настаивая на принципиальном разграничении внешней (звуковой) формы слова и внутренней. Лишь многие годы спустя это положение было оформлено в языкознании в виде противопоставления плана выражения и плана содержания.

Одним из первых в России Потебня начал изучать проблемы поэтического языка в связи с мышлением, ставил вопрос об искусстве как особом способе познания мира. Ученый также исследовал украинские говоры (объединявшиеся в то время в лингвистике в «малорусское наречие») и фольклор, стал автором ряда основополагающих работ по этой тематике.

Потебня являлся горячим патриотом своей родины — Малороссии и осуждал правительственные притеснения украинского языка. Украинский язык и словесность он сам называл исходной точкой, которая и побудила его к занятиям языкознанием. Потебня считал необходимым для каждого украинца иметь тесную связь с украинским языком и культурой. Величайшей трагедией Украины Потебня считал то, что украинское дворянство отказалось от родного языка.

Вместе с тем он рассматривал русский язык как единое целое — совокупность великорусских и малорусского наречий, а общерусский литературный язык считал достоянием не только великороссов, но и белорусов и малороссов в равной степени; это отвечало его взглядам на политическое и культурное единство восточных славян.

Потебня создал научную школу, известную как «Харьковская лингвистическая школа». Его идеи оказали большое влияние на многих русских лингвистов второй половины XIX и первой половины XX века.

Александр Потебня являлся членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, а также действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. Он был награжден Ломоносовской премией, Уваровскими золотыми медалями и удостоен Константиновской медали Русского географического общества. Кроме того, Потебня состоял председателем Харьковского историко-филологического общества (1878–1890) и членом Чешского научного общества.

Последние свои дни знаменитый деятель науки провел в Харькове, в доме 16 по улице, которая сейчас носит его имя.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Леманова А. А.

Концепция справедливости: эволюция от античной философии к современному правоприменению..... 433

Леонов А. С.

Гарантии реализации обязанностей и защиты прав должностных лиц 436

Лодкина В. В.

Особенности применения допустимости как критерия оценки различных средств доказывания 439

Мамедли И. А.

Программирование расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств 440

Махно А. В.

Проблемы нормативного закрепления налоговой реконструкции в налоговых правоотношениях 443

Махно А. В.

Признание налоговой задолженности безнадежной к взысканию в налоговых правоотношениях 445

Машникова Д. А.

Роль Международного комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права..... 447

Медведев Н. А., Осоткин Н. В., Созинов Е. В.

Общая характеристика обязательственного законодательства..... 450

Медведев Н. А., Созинов Е. В., Чернышев К. В.

Критерии систематизации обязательств в современном гражданском обороте 451

Мельник Ж. С.

Административная преюдиция: особенности применения к военнослужащим, имеющим государственные награды 453

Минеева Е. С.

Преступления, связанные с самоубийством: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации..... 455

Николенко Э. Н.

Исследование проблем перевода земель из одной категории землепользования в другую 457

Носач Д. В.

Особенности доказывания распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию в сети Интернет 458

Овечкин В. А., Кистиченко И. К.

Правовые механизмы противодействия домашнему насилию в Российской Федерации и за рубежом..... 460

Павленко М. В.

Понятие и значение криминалистической легализации (отмывания) денежных средств 462

Попова А. Н.

Доктрина эстоппеля в английском праве: генезис, эволюция, современное значение 466

Пухова В. А., Икоева С. О., Кудаченкова Д. И.

Нуждаемость получателя алиментов: порядок доказывания, рекомендации с учетом судебной практики 468

Рустамов Р. У.

Создание и государственная регистрация юридических лиц 471

Семёнов А. У.

Особенности уголовно-правовой квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей 473

Семёнов А. У.

Информационный терроризм: криминологические и уголовно-правовые проблемы предупреждения в информационно-телекоммуникационной среде..... 474

Сиганов В. А.

Основные проблемы наследования по завещанию..... 476

Сидоркин М. Д.

Причины и условия совершения
мошенничества в сфере компьютерной
информации 478

Султонова М. З.

Право пользования жилым помещением
бывших членов семьи собственника:
формирование практики применения 480

Суплотова А. И.

Проблемы природы
и правового регулирования залога
движимого имущества 481

Сухоцкая А. В.

Злоупотребление правом на воспитание
ребенка как основание лишения
родительских прав: теоретический
и правоприменительный аспекты 485

Тимофеева Л. С., Потиха В. А.

Личность преступника в криминологической
характеристике пиратства 487

Устинова Д. В.

Преступления, совершаемые
в исправительных учреждениях, и их
предотвращение 489

Фам Минь Чинь

Правоприменение в отношении постоянного
представительства в сфере трансграничной
электронной коммерции во Вьетнаме 490

Федоров В. В.

Проблемы правового регулирования
использования искусственного интеллекта.... 493

Хакимова К. А.

Аренда жилья как экономико-правовой
институт: понятие, признаки, функции 496

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Концепция справедливости: эволюция от античной философии к современному правоприменению

Леманова Анастасия Алексеевна, студент

Научный руководитель: Петрова Ксения Евгеньевна, преподаватель

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассматривается понимание справедливости от древнегреческих философов и до современного судопроизводства.

Ключевые слова: справедливость, суд, Аристотель, Кант, закон, правоприменение.

The concept of justice: evolution from ancient philosophy to modern law enforcement

This article explores the concept of justice from ancient Greek philosophers to modern legal proceedings.

Keywords: justice, court, Aristotle, Kant, law, law enforcement.

Во все времена тема справедливости никогда не теряла своей актуальности, а на современном этапе она звучит особенно важно. Сейчас люди живут в эпоху, когда законодательство меняется очень быстро. При этом само понятие справедливости остаётся размытым.

Споры о справедливости которые ведутся сегодня, это по сути те же споры, которые вёл Сократ с софистами в V веке до н. э.. Разобравшись в античных первоисточниках, можно лучше понять, как именно работает современное право и почему судьи принимают те или иные решения.

Для античных философов справедливость не была чьим-то личным мнением. А её понимание не было общей договорённостью между людьми, она носила другой, более сакральный характер. Люди искали истину исходя из устройства мира, заглядывали в самую суть человека и опирались на существовавшие тогда законы разных полисов.

Первыми, кто попытался дать понятию справедливости научное обоснование, были последователи учения Пифагора Самосского — пифагорейцы в VI—IV вв. до н. э.. Они считали, что в основе всего лежит число. Если мир устроен математически правильно, значит и справедливость — это тоже своего рода математика, правильное соотношение частей. Пифагорейцы называли добродетель гармонией [1, с. 285].

Под этим согласием они понимали, что как в музыке — высокие и низкие ноты дают красивое звучание, так и в жизни, справедливость наступает тогда, когда всё находится в равновесии. Эта идея «равного воздаяния», также

известна как принцип талиона (от лат. talis — «такой же») потом перейдёт в право, как принцип эквивалентности. Этот принцип вытекает из закреплённого в п. 1 ст. 1 ГК РФ принципа равенства участников гражданских правоотношений.

Платон в своём известном диалоге «Государство» продвинулся своими рассуждениями дальше. Он пытается ответить на вопрос, почему быть справедливым выгодно. Философ задаётся вопросами: «Что такое справедливость?» и «Почему быть справедливым лучше, чем несправедливым?» [2, с. 215]. Именно это лежит в основе обсуждения того, как устроен наш мир и что нужно для порядка и согласия в нем. Один из его собеседников, афинский философ Главкон, высказывает очень интересную мысль о том, что люди соблюдают справедливость не потому, что она хороша сама по себе, а потому что у них нет возможности поступать несправедливо безнаказанно. В подтверждение он рассказывает миф о кольце Гига. Смысл мифа в том, что если дать любому человеку кольцо, делающее его невидимым, то даже якобы самый «справедливый» быстро начнёт пользоваться ситуацией в своих интересах.

Платон же в свою очередь не согласен и считает, что справедливость — это когда каждый человек занимается своим делом. В государстве это выглядит структурировано; правители занимаются тем, что управляют, стражи защищают население, а ремесленники заняты своим трудом. В результате, каждый из них делает то, что должен,

т. е. для чего предназначен. А раз каждый занят работой, то и не лезет в чужие дела. Это по мнению Платона и является справедливостью. Оглядываясь назад, можно сказать, что, по сути, Платон заложил саму идею разделения труда и обязанностей. Позже эта же логика перейдёт и в право; у судьи своя функция, у прокурора своя, у адвоката своя. Можно с уверенностью заявить, что только, когда каждый человек выполняет свои строго определённые задачи, то тогда и система работает справедливо.

Нужно учитывать, что Платон смотрел на справедливость как на устройство идеального государства. А тем, кто разобрал это понятие более детально, был его ученик — Аристотель. Именно его классификацией юристы пользуются до сих пор, часто даже не зная об этом.

В «Никомаховой этике» Аристотель пишет: «Мы видим, что словом «справедливость» все желают обозначить то приобретенное свойство души, в силу которого люди становятся способными к справедливым действиям» [3, с. 21]. Но дальше он делает уточнение, что справедливое бывает разным.

Во-первых, есть справедливость уравнивающая. Она работает в сделках, договорах, возмещении ущерба. Например, если один взял у другого, должен вернуть столько же. Никаких скидок на заслуги или личность. Это основа гражданского права.

Во-вторых, есть справедливость распределяющая. Тут уже работает принцип «каждому по заслугам». Почести, деньги, должности должны распределяться не поровну, а сообразно тому, кто чего достоин. Это основа публичного права, налоговой системы и государственных наград.

Самое интересное у Аристотеля — это концепт справедливости в конкретном деле. Философ понимает, что закон всегда говорит об общем, а жизнь состоит из частных случаев. Иногда общая норма не работает в конкретной ситуации. И вот тут судья должен проявить гибкость. Аристотель пишет: «Так что, когда закон составлен для общего случая, а произошло [нечто] подсудное ему, но вне общего случая, тогда поступать правильно значит: там, где у законодателя, составившего закон без оговорок, пропуск или погрешность, поправить упущение, которое признал бы даже сам законодатель, окажись он тут, а если бы знал заранее, то внес бы эту поправку в законодательство» [4, с. 27]. То есть закон, по Аристотелю, тоже должен иногда подстраиваться под конкретные обстоятельства.

Это мысль, опередившая своё время. Ведь, по сути, Аристотель дал философское обоснование судебному усмотрению и институту апелляции. Когда сегодня, когда судья назначает наказание и учитывает смягчающие обстоятельства — он действует как тот самый аристотелевский справедливый человек, который понимает, что буква закона не всегда равна правде.

Итак, античные философы искали справедливость в природе вещей — в гармонии космоса, в устройстве полиса, в добродетелях человека. Но Новое время всё изменило, ведь наука доказала, что в природе нет никакой

морали, там просто работают физические законы. А раз так, то откуда тогда берётся справедливость? Если она не встроена в мироздание, значит, её источник — в самом человеке, а точнее в его разуме. И главным ответом на этот вопрос стала философия Иммануила Канта.

Кант предложил, чтобы понять, справедлив ли твой поступок, представь, что все так делают. Если ты готов, чтобы твоё правило поведения стало всеобщим законом — это значит, ты поступаешь правильно. Если нет — то значит, ты ищешь для себя исключение, а это уже несправедливость.

Сам Кант формулирует это так: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [5, с.98].

То есть, прежде чем соврать, украсть или нарушить правило, Кант просит спросить самого себя — а что будет, если все постоянно будут врать, воровать или нарушать правила? Очевидно, что общество просто не сможет существовать. Значит, врать нельзя не потому, потому что это противоречит самому понятию разумного жития.

Для юристов, это важнейший момент. Кант переносит справедливость из области чувств и традиций в область логики и разума. Справедливо не то, что велит царь или что подсказывает сердце, а то, что может быть универсальным правилом для всех.

Но есть ещё один момент, который Кант разъяснил очень чётко и который прямо касается правоприменения. Философ разделяет легальность и моральность.

Моральность — это когда я поступаю хорошо, потому что сам считаю это правильным, у меня внутри такой принцип.

Легальность — это когда я поступаю хорошо, потому что боюсь наказания или потому что так надо по закону. Внешне поступки могут выглядеть одинаково, но внутренняя причина разная.

И вот здесь важный вывод для права. Закону важен только внешний результат — поведение, соответствующее норме. Справедливость в праве — это не про то, чтобы сделать видимость этой справедливости, а про то, чтобы обеспечить сосуществование свободы одного человека со свободой другого.

В «Метафизике нравов» Кант прямо пишет: «право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы». То есть, свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека. А задача права в данном случае — установить эти границы.

По сути, современная законотворческая техника построена на кантовской логике. Например, когда депутаты Государственной Думы выступают с законодательной инициативой, то они должны проверять применимо ли это правило ко всем. Не создаёт ли оно исключений, тем самым не нарушает ли оно баланс свободы.

И вторая вещь — это кантовское понимание человека как цели, а не средства. В праве это выражается в том, что

человека нельзя использовать как простой инструмент для достижения целей государства. За этим стоит уважение к личности, её правам и достоинству.

Таким образом, Кант дал нам то, чего не хватало после античности, чёткий критерий проверки справедливости. Если Аристотель объяснил, как справедливость работает в разных ситуациях (уравнивание, распределение), то Кант объяснил, откуда вообще берётся обязанность быть справедливым — из самого устройства разума.

Современное правоприменение устроено так, что судья постоянно балансирует между тремя вещами, (1) буквой закона (кантовская справедливость), (2) конкретными обстоятельствами дела (аристотелевская этика) и (3) необходимостью распределить блага и наказания соразмерно (аристотелевская распределяющая справедливость).

Аристотелевское деление справедливости на уравнивающую и распределяющую никуда не делось, а перешло в тексты законов.

Уравнивающая справедливость сегодня работает везде, где речь идёт о сделках, договорах и возмещении ущерба. Самый яркий пример — статья 15 Гражданского кодекса о возмещении убытков. Если моей машине нанесли ущерб, я имею право получить компенсацию. То есть столько денег, сколько стоит ремонт. Ни больше, ни меньше. Никакой зависимости от того, какой я человек. В арбитражной практике это называется принципом эквивалентности, то есть сколько взял — столько верни.

Распределяющая справедливость, — здесь уже работает принцип, где каждому по заслугам. В налоговом праве это прогрессивная шкала (кто больше зарабатывает — тот больше платит), в уголовном — индивидуализация наказания.

Особенно интересно это видно в практике Верховного суда. Например, когда ВС РФ рассматривал дело № А21-7903/2022 — вопрос о замене административного штрафа на предупреждение, он указал, что такая замена допустима только после «тщательного анализа совокупности условий, включая характер правонарушения, личность виновного и степень общественной опасности» [7]. Это и есть аристотелевский подход, то есть суд должен оценить не только факт нарушения, но и личность человека, его заслуги (или их отсутствие), чтобы наказание было соразмерным.

Справедливость в современном праве — это также про саму процедуру. Конечно, можно принять правильное решение, но, если процесс был нечестным, справедливости не будет.

Здесь вспоминается Кант с его разделением моральности и легальности. Государство не может сделать гражданина послушным, но оно может создать такие правила, чтобы внешнее поведение людей было правильным. В процессуальных кодексах это выражается через принципы состязательности, равноправия сторон, гласности, беспристрастности суда.

Вот например, цитата из определения Конституционного суда: «...правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, федеральный законодатель, устанавливая порядок его отправления, обязан предусмотреть механизм (процедуру), который гарантировал бы вынесение правосудных, т. е. законных, обоснованных и справедливых, судебных решений» [8]. И эта справедливость обеспечивается, в том числе через возможность обжалования, через институты отвода судей, через право быть выслушанным.

В российском процессуальном законодательстве принцип справедливости прямо не закреплён (кроме УПК), но он выводится из совокупности норм. Например, статья 2 ГПК РФ говорит о задачах гражданского судопроизводства, и среди них — правильное и своевременное рассмотрение дел. А «правильное» в интерпретации судов и означает «справедливое» [9].

Подводя итог, можно сказать, эволюция понятия справедливости прошла долгий путь, от абстрактной гармонии до рабочего инструмента в руках судьи. Но если присмотреться, никакой революции не случилось. Все основные идеи были сформулированы ещё Аристотелем. Современность только добавила процедуры, формальные правила и понимание, что справедливость — это всегда про баланс.

Античная философия работает здесь и сейчас — в залах судебных заседаний, в текстах определений Верховного суда, в спорах о том, справедливо ли назначили наказание. Человечество, за две с половиной тысячи лет видоизменило идеи Платона и Аристотеля в современные юридические термины, и каждый день применяет их на практике.

Литература:

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 томах / Алексей Федорович Лосев. — Москва: Искусство, 1969. — Том 1: Софисты. Сократ. Платон. — 624 с.
2. Платон. Государство / Платон; перевод с древнегреческого А. Н. Егунова. — Москва: АСТ. 2023. — 544 с. — (Эксклюзивная классика).
3. Аристотель. Этика / Аристотель; перевод с древнегреческого Э. Л. Радлова. — Москва: Эксмо, 2023. — 416 с.
4. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель; перевод с древнегреческого Э. Л. Радлова. — Москва: Эксмо, 2024. — 224 с. — (Великие идеи).
5. Кант И. Основы метафизики нравственности / Иммануил Кант; перевод с немецкого Л. Д. Б. — Санкт-Петербург: Азбука, 2024. — 224 с. — (Азбука-классика).

6. Кант И. Метафизика нравов. «Ты должен, значит, ты можешь»: сборник / Иммануил Кант. — Москва: Родина, 2024. — 270 с. — (Сила мысли).
7. Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 307-ЭС23-10623 по делу № А21-7903/2022// Судебные и нормативные акты РФ, URL <https://sudact.ru/vsrf/doc/llHX0EpPuMmx/> (Дата обращения: 20.01.2026 г.).
8. Вестник Конституционного Суда РФ// Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П — 2013. — № 5.
9. Собрание законодательства РФ // Задачи гражданского судопроизводства ГПК РФ// Статья 2.— с. 4532. — 2002. — № 46

Гарантии реализации обязанностей и защиты прав должностных лиц

Леонов Александр Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Система военного профессионального образования в России меняется: появляются новые правовые механизмы регулирования работы военных учебных заведений. При этом у таких заведений особый статус — он влияет на их место в образовательной системе страны, структуру управления и гарантии защиты прав сотрудников.

Ключевые слова: должностные лица, правовая защита, социальная защищённость, юридическая ответственность, нормативно-правовое регулирование, реализация обязанностей, компенсации и льготы, конституционные гарантии, механизмы защиты, должностной регламент, контроль и надзор, дисциплинарная ответственность, административная ответственность.

Guarantees of the implementation of duties and protection of the rights of officials

The system of military professional education in Russia is changing: new legal mechanisms for regulating the work of military educational institutions are emerging. At the same time, such institutions have a special status, which affects their place in the country's educational system, management structure, and guarantees for the protection of employees' rights.

Keywords: officials, legal protection, social security, legal liability, legal regulation, implementation of duties, compensation and benefits, constitutional guarantees, protection mechanisms, official regulations, control and supervision, disciplinary liability, and administrative liability.

Военно-учебные заведения являются самостоятельными субъектами права, чья деятельность регламентирована конституционными и отраслевыми нормами. Правовая основа их функционирования базируется на федеральном регулировании сферы образования, а разграничение полномочий между федеральными и ведомственными органами управления военным образованием закрепляется в нормативно-правовых актах различного уровня — от Постановлений правительства РФ до ведомственных подзаконных актов. Обязанности и права должностных лиц гарантируются национальным законодательством и международными правовыми нормами. Среди них можно выделить следующие:

В соответствии со статьёй 37 Конституции Российской Федерации, каждый гражданин имеет право на труд, а также защищён от принудительного привлечения к трудовой деятельности. Данная норма в полной мере распространяется на должностных лиц, обеспечивая охрану их трудовых прав.

Статья 53 Конституции РФ закрепляет обязанность государства компенсировать ущерб, который был нанесён гражданам в результате неправомерных действий или решений должностных лиц.

Правовой статус государственных служащих регламентируется Федеральным законом № 79ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Закон устанавливает правила назначения на должность, прохождения государственной гражданской службы и увольнения. Одним из ключевых гарантийных механизмов выступает законодательный запрет дискриминации по признакам пола, расы, национальности, а также религиозных убеждений.

Защита прав должностных лиц в РФ обеспечивается на двух уровнях — международном, где ключевую роль играют Конвенция ООН против пыток и других жестоких видов обращения и наказания и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, и национальном, который включает в себя систему обжалования

решений вышестоящими инстанциями, регламентацию процедуры рассмотрения заявлений и нарушении прав и право на обращение в суд для защиты своих интересов. В зависимости от тяжести нарушения предусмотрена дисциплинарная, административная либо уголовная ответственность за нарушение прав должностных лиц в РФ.

Российская Федерация придает высокую значимость вопросам защиты прав и обеспечения исполнения обязанностей должностными лицами. Обновления законодательной базы направлены на защиту правового статуса государственных и муниципальных служащих, а также последовательное укрепление принципов верховенства права в системе государственного управления. При этом результативность принимаемых мер напрямую зависит от трех ключевых факторов: четкости и однозначности формулировок нормативных правовых актов, дисциплинированности и добросовестности исполнителей, готовности самих граждан защищать свои права и законные интересы.

Гарантии для должностных лиц закрепляются на федеральном, региональном и местном уровнях и представляют собой специально установленные механизмы, обеспечивающие беспрепятственное осуществление ими своих административных прав, обязанностей и полномочий. Ключевыми элементами правового статуса должностного лица выступают его права, обязанности и поставленными перед ним задачи.

В отношении второстепенных элементов статуса должностного лица — возложенных на него функций, территории деятельности, ответственности, — можно привести позицию И. Л. Бачило [1, с. 32] о том, что функции являются основной составной части компетенции должностного лица. В обоснование позиции приводятся два правовых понятия компетенции: в первом случае в компетенцию включается, кроме функций, характеристика места органа в системе управления, его задач, объектов ведения, круга деятельности, правомочий и ответственности. Во втором случае компетенция состоит непосредственно из прав и обязанностей (правомочий) органа. Б. М. Лазарев [2, с. 17] по этому вопросу высказывает противоположное мнение. Функции должностного лица, хотя и отражают его права и обязанности, но не обязательно должны являться элементом понятия «должностное лицо».

Это свидетельствует о том, что выработать единый универсальный критерий для систематизации всех функций должностного лица на сегодняшний день не представляется возможным, поскольку они разнообразны и зависят от конкретной должности. При этом функции не составляют саму компетенцию должностного лица, но выступают самостоятельным элементом его правового статуса.

Таким образом, выделяются следующие элементы, характеризующие правовое положение должностных лиц:

основные — права, обязанности и полномочия;

второстепенные — правосубъектность, функции, гарантии реализации прав и обязанностей, правовые

формы деятельности, порядок служебных взаимоотношений, ответственность.

Таким образом, ключевой задачей современной правовой науки остается разработка унифицированных полномочий, применяемых ко всем категориям должностных лиц. Существующие на текущий момент перечни полномочий, задач и обязанностей не обладают универсальным характером, что обусловлено многообразием функциональных особенностей различных должностей. Перспективное развитие правовой доктрины и совершенствование нормативно-правовой базы потенциально могут способствовать как выявлению новых элементов правового статуса должностных лиц, так и исключению избыточных или устаревших положений из действующих нормативных актов.

В системе правового регулирования деятельности военных учебных заведений РФ особое место занимают гарантии исполнения обязанностей должностными лицами. Основными нормативными актами, регулирующими данную область, являются Федеральный закон № 79-ФЗ [3], Постановления Правительства РФ, регулирующие порядок поступления на государственную службу и её прохождение. Данный подход обеспечивает стабильность функционирования военных учебных заведений за счет четкой регламентации прав, обязанностей и механизмов поддержки должностных лиц.

Система реализации должностных обязанностей в Военном институте (военно-морском) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» (далее — ВУНЦ ВМФ) базируется на комплексном взаимодействии трех компонентов: нормативно-правовых предписаний, внутренних организационно-распорядительных стандартов и механизмов социальной поддержки персонала.

Так, назначенное на должность лицо обязуется соблюдать установленных порядок приема и исполнения обязанностей после принятия соответствующей присяги либо обязательства немедленно после вступления в должность.

В установленное рабочее время работники обязаны находиться на рабочем месте, соблюдать внутренний трудовой распорядок и нести личную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Дополнительные ограничения на поведение сотрудников накладывают специфические черты работы в военных учебных заведениях: так, существует запрет на разглашение секретной информации, ограничение на свободное передвижение вне территории учреждения и особые требования к внешнему виду и поведению.

Существует строгая система отчетности и контроля над исполнением функциональных обязанностей, который возложен на соответствующие службы и комиссии учебного заведения. Периодически проводятся ревизионные комиссии, проверяющие документацию и выясняющие причины невыполнения поручений. При этом в обязанность всех должностных лиц входит составление

отчетности о результатах своей профессиональной деятельности и предоставления отчетов в установленном порядке соответствующим вышестоящим органам и ведомствам.

Качество исполнения должностных обязанностей ежегодно оценивается специальной комиссией, в состав которой входят представители администрации и заинтересованных сторон. Итоги такой оценки прямо влияют на перспективы служебного продвижения сотрудника, а также принятия решений о начислении премиальных выплат.

При несогласии должностного лица с привлечением к ответственности, если должностное лицо полагает, что оно незаконно ограничено в правах, то в установленном порядке подается жалоба вышестоящему руководству либо обращение в суд.

В ВУНЦ ВМФ должностные лица получают предусмотренные законодательством социальные гарантии, среди которых можно выделить предоставление компенсаций, доступ к документам и специальной информации, необходимой для выполнения обязанностей, освобождение от иных обязательств на период исполнения срочных поручений. Среди широкого спектра социальных льгот можно назвать бесплатное питание, проживание в общежитиях, предоставление жилья, бесплатный проезд и медицинское обслуживание.

Каждая должность в ВУНЦ ВМФ утверждается на основании приказа Министра обороны РФ. Функциональные обязанности и зоны ответственности сотрудников детально прописаны в Уставе и положении о военно-учебном заведении.

Учреждение в установленном порядке предоставляет оборудование и все необходимые средства для осуществления должностных обязанностей своим сотрудникам. Отсутствие необходимого оборудования либо недостаточное финансирование могут служить поводом для

предъявления претензий администрации ВУНЦ ВМФ со стороны должностных лиц.

Ежегодное повышение квалификации сотрудников обеспечивает действующая в армии система непрерывного образования. Прохождение специализированных курсов и ежегодные аттестации помогают персоналу поддерживать высокий профессиональный уровень.

Таким образом, совокупность рассмотренных элементов защиты прав должностных лиц создают надежную организационную и правовую базу, обеспечивающую полноценную реализацию должностных обязанностей сотрудниками военных учебных заведений. В случаях, когда выполнение задач затрудняется из-за неблагоприятных условий труда либо ограниченного объема доступных ресурсов, предусмотрены специальные механизмы, позволяющие поддерживать высокий уровень профессиональной деятельности должностных лиц ВУНЦ ВМФ.

Основными составляющими гарантий защиты прав сотрудников военных учебных заведений являются Трудовой кодекс РФ [4], устанавливающий минимальные стандарты оплаты труда, продолжительность рабочего времени, периодичность отпуска и прочие условия, Федеральный закон № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [5], призванный защищать права и обеспечивать стабильность социального положения должностных лиц ВУНЦ ВМФ, дополнительные нормативные акты, принимаемые Правительством РФ.

В случае нарушения своих прав сотрудники могут воспользоваться такими способами защиты, как подача письменного заявления работодателю или в комиссию по трудовым спорам; обращение в суд с иском о восстановлении нарушенного права; подача жалобы в прокуратуру или иные надзорные органы.

Таким образом, российское законодательство создаёт надёжную систему защиты прав сотрудников военных учебных заведений, обеспечивая стабильные условия работы и социальную поддержку.

Литература:

1. Бачило И. Л. Административная ответственность. М., 2023. С.32.
2. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 2024. С.17.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»//Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2004 г. N 31 ст. 3215
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026)//Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 3
5. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 07.07.2025 г.)//Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. N 22 ст. 2331

Особенности применения допустимости как критерия оценки различных средств доказывания

Лодкина Виктория Викторовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей статье исследуется специфика оценки допустимости различных средств доказывания в рамках уголовного и гражданского судопроизводства. Рассматриваются ключевые критерии признания фактических данных недопустимыми, а также анализируются проблемы правоприменительной практики, возникающие при оценке производных доказательств и интеграции цифровых материалов. На основе комплексного анализа формулируются выводы о необходимости дальнейшей законодательной регламентации процессуальных форм собирания сведений, имеющих значение для правильного разрешения дел.

Ключевые слова: допустимость, доказательства, средства доказывания, уголовный процесс, гражданский процесс.

Вопросы оценки доказательств относятся к числу основополагающих в теории доказательств, которая, в свою очередь, является центральным звеном всей системы судопроизводства [5]. Базовым фундаментом для формирования института допустимости выступает часть 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации, в которой закреплено, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» [5]. В юридической науке под допустимостью понимается свойство, характеризующее пригодность и правовую значимость фактических данных с точки зрения законности источника, а также метода и приема, с помощью которых они были получены и зафиксированы [5]. Отсутствие четкого категориального определения данного критерия непосредственно в законе компенсируется правоприменительной практикой, которая строго оценивает процессуальную форму процессуальных действий для защиты прав личности от необоснованного обвинения [5].

В рамках уголовного процесса механизм оценки формализован в части 1 статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), при этом законодатель отталкивается от обратной категории недопустимых доказательств, исчерпывающе закрепленной в статье 75 УПК РФ [4]. Исследователи выделяют четыре обязательных требования, соблюдение которых делает фактические данные легитимными: получение сведений из надлежащего источника, проведение следственного действия надлежащим субъектом доказывания, соблюдение законной процессуальной формы и точное выполнение установленного порядка проведения конкретного процессуального действия [4]. Если данные требования проигнорированы, вступает в силу правило части 3 статьи 7 УПК РФ, согласно которому нарушения закона влекут признание полученных доказательств не имеющими юридической силы, что лишает их способности служить основой для процессуальных решений [4].

Специфика применения критерия допустимости к личным источникам информации, производным дока-

зательствам и результатам экспертиз требует строгого судебного контроля. Существенные трудности, связанные с реализацией и соблюдением законности, обусловлены использованием в уголовном процессе сведений, полученных из нетипичных или уязвимых источников, включая показания лиц с психическими особенностями и заключения негосударственных экспертов [1]. Согласно пункту 2 части 2 статьи 75 УПК РФ, категорически не могут быть допущены в качестве доказательств показания потерпевшего или свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, не способного указать источник своей осведомленности [1]. Однако на практике суды тщательно дифференцируют реальные процессуальные дефекты от необоснованных доводов защиты [3]. Так, Астраханский областной суд в Апелляционном определении № 22–1864/2025 от 25 декабря 2025 года отклонил доводы защиты о недопустимости показаний свидетелей, узнавших об обстоятельствах отчуждения квартиры со слов потерпевшего, признав их легитимными производными доказательствами, согласующимися с иными материалами уголовного дела [6]. В этом же решении суд отказался признать недопустимыми показания потерпевшего, страдающего слабоумием, опираясь на заключение судебно-психиатрической экспертизы, подтвердившей его способность давать показания, касающиеся внешней стороны событий [6]. Более того, суд подтвердил допустимость заключения оценочной экспертизы, выполненной специалистом негосударственного учреждения, указав, что квалификация оценщика полностью отвечает требованиям статьи 57 УПК РФ к лицу, обладающему специальными познаниями [6]. Таким образом, грамотная оценка судом источника получения информации и компетенции субъектов доказывания позволяет сохранить ценность сведений, не допуская формального разрушения доказательственной базы [3].

В гражданском судопроизводстве проблема допустимости приобретает иные векторы развития, особенно в свете внедрения цифровых технологий в деловой оборот [2]. Суть допустимости заключается в том, что в процессе доказывания используются только разрешенные зако-

нодательством средства, что императивно установлено статьей 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Актуальная судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к оценке скрытых аудио- и видеозаписей, электронных переписок и скриншотов, где суды иногда отклоняют материалы, зафиксированные без согласия оппонента, хотя для добросовестной стороны это зачастую выступает единственным

средством защиты нарушенного права [2]. Очевидна потребность в выработке универсальных критериев оценки цифровых следов и установлении четких механизмов идентификации принадлежности электронных адресов конкретным лицам, чтобы современные каналы связи могли полноценно признаваться допустимыми средствами доказывания при рассмотрении гражданско-правовых споров [2].

Литература:

1. Волков А. И. Доказательства в уголовном процессе // Выпускная квалификационная работа бакалавра. Екатеринбург. — 2017. — С. 1–61.
2. Дровяникова А. И., Чугурова Т. В. Проблемы применения правил допустимости доказательств в гражданском процессе // Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений. — 2023. — С. 337–338.
3. Калиниченко А. И., Чиковани М. А. Критерии допустимости доказательств. Взгляд практика // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 3. — С. 94–99.
4. Копейкина И. В. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник науки и образования. — 2021. — № 4 (107). — Часть 1. — С. 34–36.
5. Рогава И. Г., Яловая Д. В. Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2019. — Vol. 2–2. — С. 173–175.
6. Апелляционное определение Астраханского областного суда от 25 декабря 2025 г. № 22–1864/2025 // Судебная практика.

Программирование расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Мамедли Ибрагим Алгама оглы, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В статье рассматривается концепция программирования расследования как перспективного направления развития криминалистической науки. Анализируются достижения в теоретической проработке данного вопроса, а также ключевые проблемы внедрения программных методов в следственную практику.

Сформулированы основные проблемы внедрения программ расследования: низкая практическая применимость, размытость структуры, отсутствие данных об эффективности, невозможность создания универсальных алгоритмов и сложность типизации следственных ситуаций. Предложены направления совершенствования методико-криминалистического обеспечения расследования.

Ключевые слова: программирование расследования, криминалистика, следственные ситуации, алгоритмы расследования, незаконный оборот наркотиков, методико-криминалистические рекомендации, типизация ситуаций, эффективность расследования, цифровые технологии в криминалистике.

Введение

В последние десятилетия в криминалистической науке активно обсуждаются вопросы использования программных и цифровых средств для накопления, систематизации и применения доказательственной информации. Сформировался специальный термин — «программирование расследования», обозначающий систему криминалистических положений и рекомендаций для разрешения ти-

пичных следственных ситуаций и решения стратегических и тактических задач предварительного расследования.

На сегодняшний день положения теории программирования расследования получили всестороннюю проработку: раскрыта их сущность и задачи, показано место в системе криминалистики, предложены многочисленные классификации и даны характеристики. Однако практическое внедрение этих разработок остается ограниченным. Цель статьи — проанализировать текущее состояние

теории программирования расследования и выявить основные трудности ее реализации.

Теоретические основы и современное состояние программирования расследования

Несмотря на то что теория программирования расследования, как отмечалось выше, достигла значительного развития, все еще продолжают дискуссии о перспективах использования программно-целевого метода в расследовании.

Дальнейшее развитие этой теории невозможно без решения ряда существенных проблем, к которым относятся:

— низкая практическая применимость: за более чем 40 лет предприняты лишь отдельные попытки научной разработки программ расследования конкретных видов преступлений;

— несоответствие структуры программ базовому определению: многие «программы» представляют собой либо развернутый перечень типовых криминалистических версий, либо набор общих задач предварительного расследования, а не комплекс взаимосвязанных алгоритмов действий;

— отсутствие данных об эффективности: нет достоверной информации о внедрении программ в следственную практику и их результативности по конкретным уголовным делам;

— размытость и неконкретность алгоритмов: рекомендации, представленные в научных трудах, часто остаются лишь перечнем возможных действий, рассчитанным на творческое применение следователем;

— невозможность создания универсальных алгоритмов: быстрое изменение криминальной деятельности и законодательства требует постоянной корректировки рекомендаций, что затрудняет разработку стабильных программ;

— сложность типизации следственных ситуаций: необходимо учитывать вариативность факторов, влияющих на развитие ситуации, и их воздействие на элементы расследования, при этом традиционного выделения трех-четырех типов общих ситуаций недостаточно — требуется более развернутая типизация, в том числе в корреляции с системой типовых версий.

Кроме того, без понимания вариативности и научного прогнозирования развития следственной ситуации по каждому из возможных вариантов качественная разработка детальной программы расследования, приводящей к заранее спрогнозированному результату, невозможна.

Типовые следственные ситуации и алгоритмы действий (на примере наркопреступлений)

Рассмотрим три типичные ситуации при расследовании незаконного оборота наркотиков и соответствующие алгоритмы действий.

Ситуация 1. Лицо задержано с поличным и признается в правонарушении.

Алгоритм действий:

- осмотр места происшествия;
- задержание и личный обыск подозреваемого;
- осмотр изъятых предметов, наркотических средств или психотропных веществ;
- освидетельствование подозреваемого;
- получение у подозреваемого образцов для сравнительного исследования (отпечатков пальцев, почерка, крови и т. д.);
- допрос подозреваемого;
- проведение инвентаризации в медучреждениях, аптеках, фармацевтических предприятиях;
- допросы потерпевших, сотрудников аптек и медучреждений, свидетелей;
- предъявление для опознания;
- обыски по месту жительства и работы подозреваемого;
- назначение экспертиз (наркотических средств, дактилоскопической, генетической, криминалистических, судебно-медицинской и др.);
- при необходимости — следственный эксперимент, проверка показаний на месте;
- направление поручения органу дознания для проведении оперативно-разыскных мероприятий по установлению организаторов и участников преступления.

Ситуация 2. Признаки преступления есть, но подозреваемый скрылся.

Алгоритм действий:

- осмотр места происшествия;
- допрос потерпевших или работников аптек и медучреждений;
- назначение экспертиз: судебной экспертизы материалов, веществ и изделий из них (при обнаружении пустых флаконов, шприцев с остатками жидкости, разбросанных таблеток); судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств (при обнаружении ваты со следами крови); дактилоскопической экспертизы (при обнаружении следов пальцев рук) и др.;
- проведение инвентаризации;
- направление поручения в оперативное подразделение для проверки на причастность к краже лиц, употребляющих наркотики;
- при установлении подозреваемого — его освидетельствование, личный обыск, обыск по месту жительства и работы, назначение экспертиз, допрос, проверка показаний на месте и др.

Ситуация 3. Признаки преступления есть, но конкретное лицо не установлено.

Алгоритм действий:

- осмотр места происшествия;
- допрос потерпевших, работников аптек и медучреждений и др.;
- проведение инвентаризации;
- назначение различных экспертиз;
- направление поручения в оперативное подразделение для установления лиц, занимающихся сбытом наркотиков;

- задержание подозреваемых, их освидетельствование и личный обыск;
- допрос подозреваемых;
- обыски по месту жительства и работы подозреваемых;
- назначение необходимых экспертиз;
- допрос лиц, которые могут дать показания о незаконных действиях подозреваемых с наркотиками;
- при необходимости — предъявление для опознания, очная ставка и другие следственные действия.

Особенности расследования хищений наркотиков с использованием служебного положения

При расследовании хищений наркотических средств или психотропных веществ с использованием служебного положения возможны две типичные ситуации на первоначальном этапе.

Ситуация 1. В распоряжении следователя имеется оперативная информация о хищении, виновному об этом неизвестно.

Действия следователя:

- проведение инвентаризации или документальной ревизии;
- осторожное проведение первоначальных следственных действий (допросы свидетелей и т.д.) во избежание уничтожения доказательств;
- после сбора достаточной доказательственной информации — задержание с поличным, обыски (личные, по месту жительства, в иных местах), выемка и осмотр документов;
- осмотры производственных и складских помещений, оборудования;
- изъятие образцов сырья, готовой продукции, полуфабрикатов для экспертиз;

- наложение ареста на вклады и имущество, нажитое преступным путем;
- иные следственные действия с учетом особенностей хищения.

Ситуация 2. Уголовное дело возбуждено по материалам проверки о недостатке, виновные осведомлены.

Действия следователя: проведение следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий с целью выявления всех обстоятельств хищения, исходя из специфики конкретного преступления.

Заключение

Теория программирования расследования получила детальную проработку в криминалистической науке, но ее практическое внедрение остается ограниченным из-за ряда проблем, решение которых требует:

- разработки четкой структуры программ, включающей взаимосвязанные алгоритмы действий;
- создания механизмов быстрой корректировки рекомендаций с учетом изменений в криминальной среде и законодательстве;
- внедрения цифровых инструментов для анализа следственных ситуаций;
- проведения экспериментального внедрения программ в отдельных регионах с последующей оценкой эффективности;
- организации обучения следователей работе с программными методами расследования.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность расследования преступлений за счет стандартизации и алгоритмизации следственных действий, в том числе при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и хищений наркотиков с использованием служебного положения.

Литература:

1. Ищенко, Е. П. Криминалистика / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. — М. : Контракт : ИНФРА-М, 2010. — 784 с. — Текст : непосредственный.
2. Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. — М. : Юрист, 2005. — 781 с. — Текст : непосредственный.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.06.2026).
4. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р. С. Белкин. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2001. — 240 с. — Текст : непосредственный.
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.12.2024). — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 05.06.2026).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025). — Текст : электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.06.2026).

Проблемы нормативного закрепления налоговой реконструкции в налоговых правоотношениях

Махно Антон Владимирович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует проблему нормативного закрепления налоговой реконструкции в налоговых правоотношениях. Отмечается, что данный институт фактически сформирован судебной практикой и применяется при разрешении споров, связанных с необоснованной налоговой выгодой, однако не получил прямого закрепления в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговая реконструкция, налоговое право, налоговые правоотношения, правовая определенность, судебная практика, совершенствование налогового законодательства.

Налоговая реконструкция в последние годы заняла заметное место в российской налоговой практике, однако до настоящего времени не получила прямого и системного закрепления в Налоговом кодексе Российской Федерации. Именно в этом проявляется основная проблема: институт, который реально используется судами при разрешении споров о необоснованной налоговой выгоде, фактически существует преимущественно на уровне судебного толкования, а не в виде четко сформулированной законодательной нормы. В результате налогоплательщик и налоговый орган оказываются в ситуации, когда ключевые условия применения налоговой реконструкции, ее пределы и правовые последствия определяются не законом, а складывающейся практикой.

Нормативной основой споров, в которых обычно обсуждается возможность налоговой реконструкции, выступает статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации. При этом сама статья 54.1 не содержит ни термина «необоснованная налоговая выгода», ни тем более термина «налоговая реконструкция». ФНС России прямо указывала, что, хотя статья 54.1 НК РФ является логическим продолжением подходов, выработанных ранее судебной практикой по делам о необоснованной налоговой выгоде, сам этот термин в тексте статьи не используется. Одновременно налоговые органы разъясняли, что статья 54.1 направлена на противодействие умышленному искажению фактов хозяйственной жизни и на недопущение налоговых преимуществ, не связанных с реальным экономическим содержанием операций.

Отсюда вытекает первая фундаментальная проблема: налоговая реконструкция в российском праве выступает не как прямо закрепленный институт, а как результат судебной адаптации статьи 54.1 НК РФ к ситуациям, когда хозяйственная операция была реальной, но оформлена через ненадлежащего либо «технического» контрагента. Иначе говоря, суды пытаются определить действительный размер налоговой обязанности, если сама операция не является фиктивной, но ее документальное оформление не соответствует реальному экономическому содержанию. Такой подход позволяет уйти от чрезмерно формального разрешения спора, однако одновременно порождает высокий уровень неопределенности: отсутствует единый

законодательный ответ на вопрос, когда именно реконструкция допустима, кто обязан доказывать ее предпосылки и каковы пределы снижения доначислений.

В доктрине данная проблема оценивается неоднозначно. С одной стороны, высказывается позиция о том, что действующей редакции статьи 54.1 НК РФ и сложившейся судебной практики уже достаточно, а дальнейшая детализация может привести к чрезмерной казуистичности и создать новые способы злоупотребления со стороны недобросовестных налогоплательщиков [1]. С другой стороны, более убедительным представляется подход, согласно которому ключевые условия применения налоговой реконструкции должны быть закреплены непосредственно в Налоговом кодексе Российской Федерации [2].

Следует отметить, что отсутствие прямого нормативного закрепления налоговой реконструкции оказывает негативное влияние не только на единообразие судебной практики, но и на саму структуру налоговых правоотношений. В условиях, когда действительный размер налоговой обязанности определяется преимущественно через судебное толкование, а не через прямую норму закона, налогоплательщик оказывается в состоянии повышенной правовой неопределенности. Он не может заранее с достаточной степенью достоверности оценить, будут ли учтены реальные экономические результаты хозяйственной операции в случае спора с налоговым органом, либо формальные дефекты документооборота повлекут полный отказ в признании соответствующих налоговых последствий. Тем самым отсутствие законодательной модели налоговой реконструкции снижает предсказуемость налогового регулирования и ослабляет гарантии стабильности налоговых правоотношений.

Особую значимость налоговая реконструкция приобретает в тех случаях, когда сама хозяйственная операция не является фиктивной. В подобных ситуациях налоговый спор фактически сводится к разрешению вопроса о том, должен ли налоговый орган определять налоговые последствия исходя из формально представленных документов либо исходя из реальных обстоятельств хозяйственной деятельности. Представляется, что в условиях современного экономического оборота приоритет должен

отдаваться именно действительному экономическому содержанию операции, поскольку иное означало бы подмену материальной стороны налогового обязательства исключительно формальной проверкой документооборота. Именно налоговая реконструкция позволяет в подобных случаях сохранить баланс между публичным интересом государства в пресечении злоупотреблений и частным интересом добросовестного налогоплательщика в справедливом определении его налоговой обязанности.

Нормативное закрепление налоговой реконструкции важно и потому, что данный институт позволяет более последовательно разграничивать случаи недобросовестного поведения налогоплательщика и ситуации, при которых нарушение связано преимущественно с дефектами документального оформления сделки. Если будет доказано, что налогоплательщик умышленно создавал искусственную схему документооборота для получения необоснованной налоговой выгоды, оснований для применения реконструкции быть не должно. Однако если операция была реальной, а налогоплательщик представил доказательства фактического движения товаров, выполнения работ или оказания услуг, налоговые последствия должны определяться на основе действительного экономического результата. В этом состоит не только прикладной, но и системный смысл налоговой реконструкции как института налогового права: она позволяет связать формальные требования налогового законодательства с принципами справедливости, соразмерности и правовой определенности.

Представляется, что налоговая реконструкция должна применяться лишь при наличии совокупности строго определенных условий. Во-первых, должна быть доказана реальность самой хозяйственной операции, то есть фактическое приобретение товара, выполнение работ или оказание услуг. Во-вторых, налогоплательщик должен представить документы и сведения, позволяющие хотя бы приблизительно установить действительный экономический результат операции. В-третьих, должны отсутствовать доказательства умысла налогоплательщика, направленного на получение необоснованной налоговой выгоды путем создания искусственного документооборота. В-четвертых, невозможность точной идентификации реального контрагента не должна быть следствием недобросовестного поведения самого налогоплательщика.

При этом особое значение имеет вопрос о правовых последствиях налоговой реконструкции. В настоящее время он также решается судами не вполне единообразно. Между тем представляется очевидным, что налоговая реконструкция не должна означать автоматическое освобождение налогоплательщика от всех неблагоприятных последствий. Ее смысл состоит не в устранении налоговой ответственности как таковой, а в определении действительного размера налоговой обязанности исходя из реального экономического содержания операции. Следовательно, если операция действительно имела место, сумма доначисленного налога должна определяться не по формальной цепочке документооборота, а по фактическим

обстоятельствам и, при необходимости, по рыночной стоимости товаров, работ или услуг. В части же пеней и штрафов подход должен быть дифференцированным: при добросовестности налогоплательщика санкции не должны начисляться в том объеме, который основан исключительно на формальном разрыве между документальной и фактической конструкцией сделки.

Проблема нормативного закрепления налоговой реконструкции имеет и более широкий смысл. Она затрагивает саму модель взаимоотношений государства и налогоплательщика в налоговом праве. Если исходить из того, что налоговое регулирование должно учитывать действительное экономическое содержание операций, то соответствующий механизм не может оставаться исключительно судебным. Напротив, он нуждается в законодательной фиксации, поскольку именно закон, а не судебная практика, должен определять пределы допустимого вмешательства государства в имущественную сферу налогоплательщика. Иначе возникает ситуация, при которой один из наиболее значимых институтов современной налоговой практики оказывается лишенным четкой нормативной формы.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить Налоговый кодекс Российской Федерации самостоятельной статьей 54.2 «Налоговая реконструкция». Такая статья могла бы закрепить понятие налоговой реконструкции, условия ее применения, круг доказательств, которые вправе представить налогоплательщик, а также правовые последствия ее использования. В качестве основы можно предложить следующую авторскую редакцию: если по результатам налогового контроля установлено, что хозяйственная операция имела реальный характер, однако документы оформлены с участием лица, не являвшегося фактическим исполнителем обязательства, размер налоговой обязанности определяется исходя из действительного экономического содержания операции. Применение реконструкции допускается при доказанности реальности операции, отсутствии умысла на получение необоснованной налоговой выгоды и наличии документов, позволяющих определить фактический экономический результат. При этом размер налоговой обязанности определяется на основании подтвержденных обстоятельств сделки, а при недостаточности таких данных — исходя из рыночной стоимости соответствующих товаров, работ или услуг.

Таким образом, налоговая реконструкция в налоговых правоотношениях выступает как фактически сложившийся, но нормативно незавершенный институт. Ее существование подтверждается практикой применения статьи 54.1 НК РФ, однако отсутствие прямой законодательной регламентации приводит к правовой неопределенности и неоднородности судебных подходов. В этих условиях наиболее обоснованным представляется не отказ от данного института, а его последовательное нормативное оформление в Налоговом кодексе Российской Федерации. Это позволило бы обеспечить большую предсказуемость

налоговых последствий, усилить гарантии защиты добросовестных налогоплательщиков и одновременно сохра-

нить эффективные механизмы противодействия злоупотреблениям в налоговой сфере.

Литература:

1. Гюльбасаров Э. А. Правовые основы налоговой реконструкции — Финансовое право. 2022. № 11 — С. 22–25.
2. Бортников С. П., Евпринцев И. С. Механизм налоговой реконструкции в российском законодательстве и судебной доктрине — Молодой ученый. 2024 — № 25 (524). — С. 162–165.

Признание налоговой задолженности безнадежной к взысканию в налоговых правоотношениях

Махно Антон Владимирович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются проблемы признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию в системе налоговых правоотношений. Отмечается, что данный институт имеет существенное значение не только для прекращения налоговой обязанности, но и для обеспечения правовой определенности в отношениях между налогоплательщиком и государством. Анализируются положения статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации, современные подходы судебной практики и изменения ведомственного регулирования. Обосновывается вывод о необходимости более четкого законодательного закрепления случаев, при которых утрата налоговым органом права на принудительное взыскание должна влечь признание задолженности безнадежной к взысканию. Формулируется авторское предложение по уточнению статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, налоговая задолженность, безнадежная к взысканию задолженность, принудительное взыскание, правовая определенность, судебная практика, защита прав налогоплательщика.

Институт признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию занимает важное место в системе налоговых правоотношений, поскольку именно через него в ряде случаев завершается существование налоговой обязанности, утратившей возможность принудительной реализации. Если на стадии возникновения и исполнения налогового обязательства в центре внимания находятся вопросы исчисления и уплаты налога, то на стадии прекращения налоговых правоотношений особое значение приобретает вопрос о том, в каких случаях государство утрачивает право на дальнейшее сохранение требования к налогоплательщику. В этом смысле признание задолженности безнадежной к взысканию выступает не технической процедурой списания, а самостоятельным правовым механизмом, обеспечивающим баланс публичных и частных интересов.

Нормативную основу рассматриваемого института составляет статья 59 Налогового кодекса Российской Федерации, которая связывает признание задолженности безнадежной к взысканию с наличием прямо предусмотренных законом обстоятельств. В актуальной судебной практике особое значение получил подпункт 4 пункта 1 статьи 59 НК РФ, предусматривающий признание безнадежной к взысканию задолженности, погашение и (или) взыскание которой оказалось невоз-

можным ввиду принятия судом акта, в соответствии с которым налоговый орган утрачивает возможность взыскания задолженности в связи с истечением установленного срока ее взыскания. Тем самым законодатель уже исходит из того, что истечение сроков принудительного взыскания может иметь не только процессуальное, но и материально-правовое значение для судьбы налогового обязательства.

Вместе с тем действующее регулирование не устраняет всех вопросов, возникающих в правоприменении. На практике долгое время сохранялась неопределенность относительно того, достаточно ли самого факта утраты возможности принудительного взыскания для признания задолженности безнадежной либо необходим еще специальный внутренний акт налогового органа о списании [1]. Именно эта проблема получила развитие в судебной практике последних лет. В Тематическом обзоре Верховного Суда Российской Федерации № 3/2026 прямо указано, что утрата налоговым органом возможности предъявления к исполнению исполнительного документа о взыскании задолженности в связи с истечением установленного срока может являться основанием для признания такой задолженности безнадежной к взысканию. В обзоре приведен пример, когда налоговый орган не предъявил судебный приказ к исполнению в установ-

ленный срок, не добился восстановления этого срока, и Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что в такой ситуации возможность взыскания утрачена, а задолженность подлежит признанию безнадежной к взысканию.

Указанная правовая позиция имеет принципиальное значение для понимания природы налоговых правоотношений. Она показывает, что право государства на принудительное взыскание налоговой задолженности не может сохраняться неопределенно долго. Если налоговый орган пропустил установленные законом сроки и не воспользовался предусмотренными процессуальными механизмами их восстановления, последующее сохранение задолженности в качестве действующего публичного требования противоречило бы принципам правовой определенности и справедливости. Иными словами, в подобной ситуации прекращается не только возможность принудительного исполнения, но и сама правовая перспектива существования соответствующего требования в системе налоговых правоотношений [2].

Особую актуальность данный вопрос приобрел в условиях развития единого налогового счета. Поскольку задолженность отражается в структуре сальдо ЕНС, ее формальное сохранение даже после утраты возможности принудительного взыскания оказывает прямое влияние на правовое положение налогоплательщика. Такая задолженность может препятствовать нормальному осуществлению хозяйственной деятельности, формировать отрицательное сальдо и сохранять для лица статус должника, несмотря на то что государство уже не располагает реальными правовыми средствами для взыскания соответствующей суммы. Следовательно, институт признания задолженности безнадежной к взысканию в современных условиях выполняет не только фискально-учетную, но и гарантийную функцию.

Проблема заключается и в том, что действующее законодательство не всегда достаточно четко разграничивает момент утраты права на взыскание и момент признания задолженности безнадежной к взысканию. Формально статья 59 НК РФ связывает признание задолженности безнадежной с судебным актом либо иным подтвержденным обстоятельством. Однако в ряде случаев сама правовая ситуация уже свидетельствует о невозможности взыскания, например при пропуске срока предъявления исполнительного документа и отсутствии его восстановления. В подобных ситуациях сохранение задолженности лишь до принятия дополнительного внутреннего решения налогового органа неоправданно затягивает прекращение налогового правоотношения и делает положение налогоплательщика зависимым от административной воли органа, хотя материально-правовые основания для взыскания уже исчезли.

Следует отметить, что и ведомственное регулирование в данной сфере продолжает развиваться. Приказом ФНС России от 27.02.2026 № ЕД-1-8/126@ были внесены изменения в порядок списания задолженности, признанной

безнадежной к взысканию, а также утверждена форма решения о признании сумм задолженности безнадежными к взысканию и их списанию. Сам факт обновления процедуры подтверждает, что рассматриваемый институт остается актуальным и требует дополнительной регламентации. Однако ведомственный порядок не способен заменить собой законодательную определенность, поскольку он регулирует прежде всего техническую сторону списания, а не решает в полном объеме вопрос о материально-правовых основаниях прекращения соответствующего требования.

В этой связи представляется, что проблема признания налоговой задолженности безнадежной к взысканию должна рассматриваться прежде всего как проблема правовой определенности в налоговых правоотношениях. Если закон устанавливает пресекательные сроки для принудительного взыскания, то их истечение должно влечь четкие и понятные правовые последствия. Налогоплательщик не должен находиться в состоянии неопределенности, когда взыскание уже невозможно, но сама задолженность продолжает числиться за ним. Такая конструкция фактически превращает налоговую обязанность в бессрочное публичное обременение, что не соответствует ни смыслу статьи 59 НК РФ, ни общей логике ограничения государственного принуждения во времени.

При этом следует учитывать, что подпункт 4 пункта 1 статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации уже предусматривает возможность признания задолженности безнадежной к взысканию в связи с утратой налоговым органом возможности ее взыскания. Однако действующая редакция данной нормы не в полной мере устраняет правовую неопределенность относительно случаев, когда такая утрата обусловлена истечением сроков принудительного взыскания и отсутствием их восстановления в судебном порядке. В этой связи представляется целесообразным уточнение содержания подпункта 4 пункта 1 статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации в части прямого закрепления правила о том, что истечение указанных сроков и отсутствие их восстановления должны рассматриваться как самостоятельное и достаточное основание для признания задолженности безнадежной к взысканию. Такое уточнение позволило бы закрепить на уровне закона подход, уже получивший отражение в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации, и способствовало бы повышению правовой определенности в налоговых правоотношениях.

Предлагаемое изменение позволило бы закрепить на уровне закона тот подход, который уже получил отражение в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации. Кроме того, оно способствовало бы более четкому разграничению между ситуациями, когда задолженность сохраняет потенциал принудительного взыскания, и случаями, когда налоговый орган окончательно утратил возможность реализовать соответствующее требование.

Это, в свою очередь, усилило бы гарантии защиты прав налогоплательщиков и повысило бы предсказуемость налогового регулирования.

Таким образом, признание налоговой задолженности безнадежной к взысканию в современных налоговых правоотношениях должно рассматриваться как значимый институт прекращения налоговой обязанности, а не как вспомогательная учетная процедура [1]. Его правовая природа тесно связана с пределами государственного при-

нуждения, с принципами правовой определенности и соразмерности, а также с необходимостью защиты налогоплательщика от бессрочного сохранения неисполняемого публичного требования. Современная судебная практика уже выработала важные ориентиры в этой сфере, однако для окончательного устранения неопределенности требуется более четкое законодательное закрепление соответствующих правил в статье 59 Налогового кодекса Российской Федерации.

Литература:

1. Крохина Ю. А. Финансовое право России. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.

2. Жутаев А. С., Садчиков М. Н. Налоговое право. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.

Роль Международного комитета Красного Креста

в развитии и реализации норм международного гуманитарного права

Машникова Дарья Андреевна, студент

Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В данной статье проводится комплексный анализ многогранной деятельности Международного комитета Красного Креста в сфере формирования и практического применения норм международного гуманитарного права. Рассматривается историческая эволюция организации от частной инициативы до ключевого субъекта международных отношений, обладающего уникальным мандатом. Особое внимание уделяется правовым основам функционирования МККК, а также его непосредственному участию в разработке фундаментальных международно-правовых актов. Автор исследует современные вызовы, стоящие перед Комитетом, и его адаптацию к новым формам вооруженных конфликтов, что определяет актуальность настоящего исследования.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Международный комитет Красного Креста, правовой статус, Женевские конвенции, защита жертв войны, имплементация норм.

Возникновение Международного комитета Красного Креста было обусловлено глубоким нравственным потрясением, которое испытал Анри Дюнан после битвы при Сольферино в 1859 году. Его личный опыт лег в основу публикации, призвавшей к созданию добровольческих обществ для помощи раненым на поле боя [2, с. 56]. Эта частная инициатива довольно быстро трансформировалась в институт, получивший международное признание. Уже в 1864 году была принята первая Женевская конвенция, что знаменовало собой начало кодификации международного гуманитарного права под прямым влиянием идей, продвигаемых Комитетом. Исторический путь организации демонстрирует постепенное расширение ее мандата от исключительной заботы о раненых и больных воинах до комплексной защиты всех категорий лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях [4, с. 392].

Эволюция мандата и ключевые вехи МККК приведены в таблице 1.

Таблица 1. Эволюция мандата и ключевые вехи МККК

Год	Ключевое событие / Документ	Расширение мандата и значимость
1859	Битва при Сольферино, книга А. Дюнана «Воспоминание о Сольферино»	Зарождение идеи: создание добровольных обществ для помощи раненым на поле боя.
1863	Основание Международного комитета помощи раненым (будущий МККК)	Институционализация частной инициативы.
1864	Первая Женевская конвенция	Первая кодификация норм МГП; мандат распространяется на раненых и больных военнослужащих на поле боя.
1929	Женевская конвенция о обращении с военнопленными	Мандат расширен на новую категорию: военнопленные .

Таблица 1 (продолжение)

Год	Ключевое событие / Документ	Расширение мандата и значимость
1949	Четыре Женевские конвенции	Мандат значительно расширен: защита раненых, больных, лиц, потерпевших кораблекрушение, военнопленных, а также гражданского населения во время международных конфликтов.
1977	Дополнительные протоколы I и II к Женевским конвенциям	Мандат распространяется на жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) и уточняет защиту в международных конфликтах.

Правовая природа Международного комитета Красного Креста представляет значительный научный интерес, поскольку он не является ни межправительственной организацией, ни классической неправительственной структурой. Его статус регламентирован прежде всего Уставом Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, а также Женевскими конвенциями 1949 года и Дополнительными протоколами к ним. Государства-участники Женевских конвенций официально признают за МККК право осуществлять гуманитарную деятельность в зонах вооруженных конфликтов [6, с. 123]. Этот специальный мандат наделяет Комитет полномочиями, которые не доступны ни одной другой организации, включая право посещения мест содержания под стражей. Такой гибридный правовой статус позволяет ему выступать в качестве нейтрального посредника, пользующегося доверием различных сторон конфликта [1, с. 13].

Правовые основы деятельности и уникального статуса МККК приведены в таблице 2.

Таблица 2. Правовые основы деятельности и уникального статуса МККК

Категория правовых источников	Наименование документа / Характер нормы	Определяемая роль или полномочие МККК
Учредительные документы	Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца	Определяет миссию, принципы и внутреннюю структуру Движения, ведущую роль МККК.
Международные договоры	Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы 1977 г.	Прямо упоминают МККК и наделяют его официальным мандатом (напр., право посещения мест содержания под стражей, право на гуманитарную инициативу).
Международное обычное право	Обычные нормы МГП (кодифицированы в Исследовании МККК по обычному МГП)	Подтверждает и дополняет договорные полномочия МККК, особенно в контекстах, не урегулированных договорами.
Признание со стороны государств	Соглашения о штаб-квартире, национальное законодательство	Де-факто признание уникального гибридного статуса (ни МПО, ни НПО), предоставление дипломатических привилегий и иммунитетов.

Роль Международного комитета Красного Креста в развитии международного гуманитарного права носит в значительной степени иницирующий и подготовительный характер. Комитет традиционно выступает в качестве катализатора процесса разработки новых международных договоров, предоставляя государствам проекты соответствующих соглашений на основе своего обширного практического опыта. Например, именно эксперты МККК подготовили первоначальные тексты всех четырех Женевских конвенций 1949 года, а впоследствии и Дополнительных протоколов 1977 года [8, с. 15]. Помимо создания договорных норм, организация вносит существенный вклад в формирование обычного международного гуманитарного права, что было зафиксировано в результате масштабного исследовательского проекта, итогом которого стала фундаментальная база данных обычных норм. Непрерывная работа по комментированию существующих норм позволяет адаптировать их к новым вызовам, таким как кибервойна или автономные системы вооружений.

Роль МККК в разработке ключевых документов международного гуманитарного права наглядно отражена в таблице 3.

Одной из ключевых функций Международного комитета Красного Креста является обеспечение практического соблюдения норм гуманитарного права в самых разных точках планеты. Эта деятельность включает в себя не только непосредственную помощь пострадавшему гражданскому населению, но и систематический диалог с воюющими сто-

Таблица 3. Роль МККК в разработке ключевых документов международного гуманитарного права

Документ	Год принятия	Основная сфера регулирования	Вклад МККК
Первая Женевская конвенция	1864	Улучшение участи раненых и больных в действующих армиях	Инициирование и подготовка проекта текста.
Женевские конвенции (четыре)	1949	Защита жертв войны (раненые, больные, военнопленные, гражданские лица)	Подготовка полных проектов текстов всех четырех конвенций на основе накопленного опыта Второй мировой войны.
Дополнительные протоколы I и II	1977	Защита жертв международных (I) и немеждународных (II) вооруженных конфликтов	Организация дипломатических конференций и предоставление экспертных проектов текстов.
Исследование по обычному МГП	2005 (1-е изд.)	Кодификация обычных норм МГП, применяемых ко всем типам конфликтов	Проведение масштабного научного исследования, систематизация и публикация норм.

ронами о необходимости соблюдения их обязательств [5, с. 128]. Работа делегатов МККК в зонах активных боевых действий сопряжена с постоянными рисками и требует безусловного соблюдения принципов нейтральности, беспристрастности и независимости. Особую сложность в настоящее время представляет распространение немеждународных вооруженных конфликтов с участием множества негосударственных вооруженных групп, чье понимание и принятие норм гуманитарного права часто является ограниченным. В этих условиях разъяснительная работа и просвещение становятся не менее важными, чем материальная поддержка.

Откуда можно сделать вывод о том, что проведенное исследование позволяет констатировать, что Международный Комитет Красного Креста играет незаменимую роль в развитии и реализации норм международного гуманитарного права. Его уникальный правовой статус и репутация нейтрального гуманитарного посредника обеспечивают ему доступ в регионы, закрытые для других международных организаций. Историческая заслуга МККК заключается в фактическом создании основы современного гуманитарного права через инициирование и экспертно-техническое сопровождение процесса разработки ключевых международных договоров. На современном этапе организация сталкивается с необходимостью адаптации классических гуманитарных принципов к новым реалиям, включая асимметричные конфликты и развитие технологий ведения войны. Несмотря на существующие вызовы, МККК продолжает оставаться центральным элементом в сложной системе обеспечения защиты человеческого достоинства в условиях вооруженного насилия, демонстрируя устойчивость своей первоначальной миссии, сформулированной еще в XIX веке [7, с. 205].

Литература:

1. Асташкевич, В. А. (2023). Влияние Международного комитета Красного Креста на развитие международного гуманитарного права. Путь в науку. Юридические науки, (47), 13–14.
2. Бадулина Е. С. Международный Комитет Красного креста: история и основные направления деятельности: Законность и правопорядок в современном обществе / Е. С. Бадулина //Материалы III Всероссийской научно-практической студенческо-преподавательской конференции (г. Махачкала, 19 ноября 2015 г.).- Махачкала: Издательский дом «Наука плюс», 2015 г. — С. 56–58
3. Егоров С. Ю. Правовые основы деятельности Международного комитета Красного Креста // Экономика и социум. 2015. № 2–2 (15). С. 243–250.
4. Кравченко, Л. Е. Международный комитет Красного Креста: история образования, функции, правовой статус / Л. Е. Кравченко, А. А. Кинева // Вектор научной мысли. — 2023. — № 5(5). — С. 392–394. — EDN SCQVOS.
5. Малахов И. С. Международный комитет Красного Креста и гуманитарное действие / И. С. Малахов //Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 127–132.
6. Мамаева Э. Т., Бийгишиева Д. Ш. Роль международного Комитета Красного Креста в решении проблем международного гуманитарного права // Закон и право. 2019. № 1. С. 122–124.
7. Фастович, Г. Г. Международное движение Красного Креста / Г. Г. Фастович, Е. Н. Чистякова, А. Л. Иванова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 2 (188). — С. 205.
8. Sayarin, Sergey. Международное Право прав человека в гуманитарной деятельности Международного Комитета Красного Креста. Journal of Constitutionalism and Human Rights, 2015, pp. 8–36.

Общая характеристика обязательственного законодательства

Медведев Никита Александрович, студент;

Осоткин Николай Вячеславович, студент;

Созинов Егор Вадимович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена общей характеристике обязательственного законодательства Российской Федерации. Авторы анализируют правовую природу обязательства как сложной доктринальной категории, подчеркивая необходимость ограничения обязательств от смежных явлений (например, от джентльменских соглашений), которые не создают имущественного интереса и не регулируются нормами права. Отмечается, что законодательство не всегда содержит развернутые дефиниции, однако косвенные указания на признаки правовой природы обязательств имеют важной значение для целостности правовой системы и эффективности правовых институтов.

Ключевые слова: обязательственное законодательство, правовая природа обязательства, имущественный интерес, сфера применения обязательственного права.

Правовая природа обязательства представляет собой сложную и многогранную доктринальную категорию, которая вызывает немало дискуссий. Понимание ее сути играет ключевую роль в практическом применении соответствующих правовых норм. Важно уметь проводить грань между обязательствами и похожими на них явлениями, опираясь на общее представление об их юридической сущности. К примеру, не просто отличить обязательство от джентльменского соглашения, если не учитывать, что обязательства неразрывно связаны с имущественным интересом. Так, договоренность о совместном походе в кинотеатр, заведение общественного питания не влечет за собой возникновения обязательств, поскольку в данном случае отсутствует товарооборот. Подобные отношения не попадают под регулирование нормами права, и в случае нарушения участники могут столкнуться лишь с «моральной» ответственностью [1].

Законодательные акты по своей природе не призваны давать развернутые определения правовой природы различных юридических категорий или содержать прямые ссылки на такие дефиниции. [2]. Однако это не значит, что законодательство не должно включать косвенные указания на признаки, формирующие эту природу. Отсутствие таких маркеров или их несоответствие правовой природе явления может привести к расхождению между законом и правовой доктриной, к разрыву между формой и содержанием. Подобные несоответствия подрывают целостность правовой системы, ведь все ее элементы должны быть тесно взаимосвязаны. Утрата существенных признаков ведет к снижению эффективности правового механизма и появлению «мертвых» правовых институтов [3].

Рассматривая отечественное обязательственное законодательство, стоит начать с общей характеристики этой области права. Обязательственное право представляет собой полноценную подотрасль гражданского права, которая функционирует на основе его основополагающих принципов. Ему посвящены значительная часть третьей и отдельный раздел первой части Гражданского кодекса

Российской Федерации. Косвенные указания на правовую природу обязательства можно найти в 21 главе ГК РФ.

Ключевым является легальное определение обязательства, закрепленное в статье 307 ГК РФ. Согласно этому определению, в рамках обязательства одно лицо (должник) обязуется совершить в интересах другого лица (кредитора) определенное действие — передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместное предприятие, уплатить денежные средства либо воздержаться от какого-либо действия. В свою очередь, кредитор вправе требовать от должника исполнения его обязанности [4]. Это определение считается исчерпывающим и не вызывает существенных нареканий. Оно подчеркивает относительный характер обязательства (упоминание кредитора и должника) и указывает на то, что обязательства представляют собой динамические имущественные отношения.

При этом перечень действий, приведенных в статье, не является исчерпывающим. Верховный Суд подчеркивает, что закон не устанавливает полный список действий, которые могут выступать предметом обязательства.

В некоторых случаях закон может возлагать на сторону обязательства ответственность за наступление или ненаступление определенных обстоятельств, даже если они не зависят от ее поведения. Например, это может произойти при предоставлении недостоверных сведений об обстоятельствах в ходе предпринимательской деятельности или при изъятии товара у покупателя третьими лицами [5].

Статья 307.1 ГК РФ определяет сферу применения обязательственного права и пытается упорядочить использование соответствующих норм. В ней решается вопрос о соотношении общих и специальных норм в рамках обязательственного права. Приоритет отдается специальным. Например, при применении права к договору поставки сначала используются соответствующие нормы о поставке, затем положения о договоре купли-продажи, после — общие положения о договоре и только потом — общие положения об обязательствах.

Статья 308 ГК РФ раскрывает особенности содержания и субъектного состава обязательственных право-

отношений. В ней отмечается, что обязательство не налагывает обязанностей на лиц, которые не являются его сторонами. Однако в отдельных случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, обязательство может предоставлять права третьим лицам в отношении одной или обеих сторон.

Таким образом, отечественное обязательственное законодательство учитывает правовую природу обязательства [6]. Законодатель стремится отразить ее признаки и дать на них ссылки, чтобы повысить эффективность норм и облегчить понимание обязательства как правового института.

Литература:

1. Суханов Е. А. Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право. — М.: Статут, 2011. С. 37.
2. Асланян Н. П., Новикова Т. В. Прологомены к интерпретации термина «правовая природа» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2017. Т. 8. № 4. С. 29.
3. Соломин С. К. К вопросу о недостоверности ряда правовых конструкций в обязательственном праве. // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2018. № 3 (56). С. 75–79.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». // СПС КонсультантПлюс.
6. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств. — М.: Статут, 2016. С. 14.

Критерии систематизации обязательств в современном гражданском обороте

Медведев Никита Александрович, студент;

Созинов Егор Вадимович, студент;

Чернышев Кирилл Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена проблеме систематизации обязательств в современном гражданском обороте. Авторы обосновывают необходимость надлежащей классификации обязательственных правоотношений ввиду их многочисленности и разнообразия. Выделяются три ключевых значения систематизации: для надлежащего правового регулирования, для правоприменительной деятельности и для изучения обязательственного права.

Ключевые слова: систематизация обязательств, критерии систематизации, смешанные обязательства, группы обязательств.

Основу обязательственного права составляют универсальные принципы, применимые ко всем видам обязательств. Они включают в себя определение понятия обязательств, их категоризацию, условия возникновения, механизмы исполнения и способы прекращения. Учитывая ключевую роль договора в формировании обязательственных отношений, в эту же категорию интегрированы основополагающие аспекты договорных отношений: сущность и классификация договоров, процедуры их заключения, изменения и расторжения.

Особенная часть обязательственного права представляет собой комплекс правовых институтов, которые регулируют отдельные категории обязательств, объединенные по определенным признакам.

Многообразие обязательственных правоотношений, возникающих в процессе гражданского оборота, подчеркивает необходимость их тщательной систематизации. Под системой обязательств подразумевается не только их

целостность, но и возможность разделения на категории с опорой на релевантный критерий классификации. Таким критерием становятся характеристики обязательств, существенно влияющие на специфику их правового регулирования. Благодаря этим характеристикам становится возможной структурированная классификация обязательств.

Систематизация обязательств имеет несколько ключевых аспектов:

— Обеспечение эффективного правового регулирования — систематизация дает возможность распределить нормативно-правовой материал по сегментам обязательственного права таким образом, чтобы однородные обязательственные отношения регулировались идентичными нормами, а разнородные — различными.

— Оптимизация правоприменительной практики — четкая классификация позволяет безошибочно идентифицировать тип обязательства и использовать соответствующие правовые нормы.

— Упрощение изучения обязательственного права — научно-обоснованная система обязательств значительно облегчает процесс освоения данной правовой сферы.

Структура систематизации обязательств многоуровневая: сначала все обязательства подразделяются на два основных типа; каждый тип включает в себя ряд групп обязательств; внутри каждой группы выделяются конкретные виды обязательств; отдельные виды, в свою очередь, делятся на подвиды и формы.

В зависимости от источника возникновения обязательства делятся на два типа: договорные и внедоговорные. Первые возникают на базе заключенного договора, тогда как вторые базируются на их юридических фактах. Такое разграничение имеет существенное значение. В случае договорных обязательств их содержание формируется не только на основе законодательных норм, но и с учетом договоренностей между сторонами. В то же время содержание внедоговорных обязательств определяется исключительно законом либо законом и волей одного из участников правоотношения. Благодаря юридической общности договорных обязательств возможно выделить целый ряд универсальных правовых норм, применимых ко всем их разновидностям. Совокупность таких норм формирует базовую часть договорного права.

И договорные, и внедоговорные обязательства подразделяются на группы. Среди договорных обязательств в зависимости от характера перемещения материальных благ можно выделить следующие группы: обязательства, связанные с реализацией имущества; обязательства по предоставлению имущества во временное пользование; по выполнению работ; обязательства, касающиеся перевозок; по оказанию услуг; в сфере расчетов и кредитования; обязательства, связанные со страхованием; по совместной деятельности и смешанные обязательства.

Внедоговорные обязательства можно разделить на две группы: возникающие из односторонних сделок, и охранительные обязательства. Обязательства, входящие в одну группу, обладают экономической общностью, которая отражается и на схожести их правового регулирования. К примеру, такие виды обязательств по реализации имущества, как купля-продажа, мента и рента, регулируются рядом единых правил (п. 2 ст. 567, п. 2 ст. 585 ГК РФ).

Несмотря на объединяющие признаки, обязательства внутри групп имеют и определенные различия, что предполагает дальнейшую детализацию классификации. Например, в рамках группы обязательств по выполнению работ можно выделить обязательства подряда, бытового подряда, строительного подряда, а также обязательства по выполнению проектных и изыскательских работ.

Кроме того, отдельные виды обязательств могут принимать различные формы или подразделяться на подвиды. Классификация по формам актуальна в тех случаях, когда в рамках одного вида обязательственных правоотношений видоизменяется форма их выражения. Розничная торговля может принимать разнообразные формы: товар можно приобрести в кредит, выбрать по образцам, оформить предварительный заказ, воспользоваться форматом самообслуживания или заказать товар посылочным способом. Внутри одного вида обязательств могут существовать различные подвиды, которые определяются специфическими особенностями правоотношений. К примеру, в рамках обязательств, связанных с арендой транспортных средств, выделяют два основных подвида — аренда с предоставлением экипажа и без него.

В научной сфере вопрос о классификации обязательств является предметом оживленных дискуссий. Часто классификационные системы строятся на выделении отдельных видов обязательственных правоотношений без учета их взаимосвязи с другими видами обязательств. В литературе можно встретить разделение обязательств на договорные и внедоговорные, односторонние и взаимные, простые и сложные, альтернативные и факультативные, основные и сложные.

Однако такие подходы позволяют решать лишь отдельные задачи, связанные с разграничением обязательств по выбранным критериям, но не дают возможности создать целостную систему, которую можно было бы эффективно использовать для систематизации законодательства. Именно поэтому многие исследователи стремятся разработать универсальную классификационную систему, охватывающую всю совокупность обязательств. Для построения таких систем используют различные основания. Например, С. И. Аскназий делает акцент на экономических характеристиках обязательств [1], О.А. берет за основу направленность обязательственных правоотношений [2], а М. В. Гордон применяет комбинированный критерий, сочетающий юридические и экономические аспекты [3].

Несмотря на различия в подходах, все эти классификации сталкиваются с общей проблемой: выделенные виды обязательств не обладают достаточной правовой общностью. Это неудивительно, учитывая большое количество и многообразие обязательственных правоотношений, которые невозможно упорядочить в рамках единой классификационной схемы. В связи с этим более целесообразной выглядит система, основанная на многоступенчатой классификации обязательств.

Литература:

1. Аскназий С. И. Очерки хозяйственного права СССР. // Коммун. ун-т им. тов. Зиновьева. — Ленинград: Прибой, 1926. С. 98.
2. Красавчиков О. А. Система отдельных видов обязательств. // Советская юстиция, 1960. № 5. С. 42.
3. Гордон М. В. Система договоров в советском гражданском праве. // Ученые записки Харьковского юридического института, 1954. Вып. 5. С. 66.

Административная преюдиция: особенности применения к военнослужащим, имеющим государственные награды

Мельник Жания Сансизбаевна, студент
Московский университет «Синергия»

В современном российском праве институт административной преюдиции играет ключевую роль в обеспечении преемственности между административной и уголовной ответственностью. Его суть заключается в том, что повторное совершение административного правонарушения, уже зафиксированного вступившим в законную силу решением, становится квалифицирующим признаком состава преступления. Особую актуальность административная преюдиция приобретает в контексте правового статуса военнослужащих, что обусловлено несколькими факторами:

Многоуровневая ответственность: Военнослужащие несут не только общую гражданскую ответственность, но и специальную дисциплинарную и уголовную ответственность, что требует более тонкого подхода к правовому регулированию.

Повышенные требования к законности и дисциплине: Воинская служба предполагает строжайшее соблюдение законности и поддержание высокого уровня дисциплины, что делает любые правонарушения более значимыми.

Учет государственных заслуг: Наличие у военнослужащего государственных наград свидетельствует о признанных государством достижениях, что ставит вопрос о необходимости дифференциации его правового статуса и учета этого обстоятельства при привлечении к ответственности.

Цель данного исследования — провести анализ специфики применения административной преюдиции к военнослужащим, обладающим государственными наградами, и выявить существующие правовые коллизии.

Административная преюдиция представляет собой законодательный инструмент, при котором факт привлечения лица к административной ответственности (подтвержденный вступившим в законную силу постановлением) выступает в качестве юридического факта, формирующего элемент состава преступления при повторном совершении аналогичного правонарушения. По сути, это «ступень» от административного проступка к уголовному преступлению.

Концепция административной преюдиции в уголовном праве формировалась постепенно. С 1996 года в Уголовный кодекс Российской Федерации последовательно вводятся новые статьи, использующие данный институт. Ярким примером является статья 264.1 УК РФ, вступившая в силу в июле 2015 года (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние). В данном случае, предшествующее

административное правонарушение становится квалифицирующим признаком преступления. Введение этой статьи было обусловлено следующими причинами:

– **Неэффективность административного наказания в отдельных случаях:** при привлечении к административной ответственности лиц, не имеющих права управления транспортными средствами, мировые суды зачастую назначали административный арест. Однако для лиц, склонных к злоупотреблению алкоголем и нарушению общественного порядка в состоянии опьянения, изоляция на 10–15 суток не достигала цели исправления. Такие лица, выйдя из изолятора временного содержания, могли многократно совершать аналогичные правонарушения, повышая риск ДТП и угрожая безопасности других участников дорожного движения.

– **Ограниченность мер воздействия при наличии водительского удостоверения:** в случаях, когда лицо имело водительское удостоверение, мировые суды назначали более существенные наказания, такие как лишение права управления транспортными средствами и административный штраф. Тем не менее, водители, лишённые прав, часто продолжали управлять автомобилем, игнорируя запрет и привлекаясь лишь по части 2 статьи 12.7 КоАП РФ в течение всего срока лишения.

Функции административной преюдиции:

– **Превентивная:** стимулирует правонарушителя к законопослушному поведению после применения административного наказания. Осознание вероятности перехода из статуса нарушителя в статус лица, подвергнутого уголовному наказанию, служит сдерживающим фактором для большинства водителей.

– **Дифференцирующая:** позволяет отделить единичные, случайные правонарушения от устойчивого противоправного поведения.

– **Процессуально-экономическая:** освобождает органы дознания от необходимости заново доказывать факты, уже установленные вступившим в законную силу постановлением по делу об административном правонарушении.

– **Обеспечительная:** закрепляет правовую определенность. Наличие вступившего в силу постановления по административному правонарушению создает стабильную основу для последующей правовой оценки повторного однородного нарушения.

– **Профилактическая (воспитательная):** формирует у лица понимание серьезных последствий повторных нарушений, способствуя снижению рецидива.

В контексте военнослужащих, имеющих государственные награды, применение административной пре-

юдиции порождает ряд специфических вопросов. С одной стороны, повышенные требования к дисциплине и законности, предъявляемые к военнослужащим, делают их более уязвимыми для применения данного института. С другой стороны, наличие государственных наград, как индикатора особых заслуг перед государством, может стать основанием для переосмысления строгости применения к ним мер ответственности. Например, при совершении военнослужащим административного правонарушения, которое при повторении влечет уголовную ответственность по статье с административной преюдицией, возникает дилемма: насколько оправдано применение уголовного наказания к лицу, чьи заслуги перед государством отмечены наградами? Не будет ли такое применение подрывать престиж государственных наград и демотивировать других военнослужащих?

Кроме того, следует учитывать, что военнослужащие, в отличие от гражданских лиц, находятся в особом правовом положении, которое регулируется не только общим законодательством, но и специальными нормативными актами. Это может создавать дополнительные сложности при квалификации их действий и применении административной преюдиции. Например, могут возникать вопросы о том, как учитываются дисциплинарные взыскания, наложенные в рамках военной службы, при определении наличия повторного административного правонарушения.

Таким образом, анализ административной преюдиции применительно к военнослужащим с учетом положений Федерального закона от 08.08.2024 года № 285-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», имеющим государственные награды, требует комплексного подхода, учитывающего как общие принципы правового регулирования, так и специфику правового статуса данной категории лиц. Необходимо выявить, существуют ли в действующем законодательстве механизмы, позволяющие дифференцировать ответственность с учетом наличия государственных наград, и насколько эффективно они работают.

Дальнейшее исследование может быть направлено на разработку рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере, с целью обеспечения баланса между необходимостью поддержания законности и дисциплины и учетом особых заслуг военнослужащих перед государством. Это может включать в себя предложения по уточнению критериев применения административной преюдиции к военнослужащим, а также по разработке мер, позволяющих учитывать наличие государственных наград при назначении наказания.

Важно отметить, что применение административной преюдиции к военнослужащим, особенно к тем, кто имеет государственные награды, поднимает вопросы о справедливости и соразмерности наказания. С одной стороны, воинская служба предполагает повышенную ответственность и дисциплину, и любое нарушение может иметь

более серьезные последствия. С другой стороны, государственные награды являются свидетельством особых заслуг и вклада в защиту интересов государства. Следовательно, возникает необходимость в тонкой дифференциации правового статуса таких лиц.

Существующая практика применения статьи 264.1 УК РФ, например, демонстрирует, что законодатель стремился решить проблему неэффективности административных мер в отношении лиц, склонных к повторным нарушениям. Однако, применительно к военнослужащим, особенно к награжденным, возникает вопрос о том, насколько уголовное преследование в полной мере соответствует их общественному положению и заслугам. Не приведет ли это к демотивации и подрыву авторитета государственных наград? Кроме того, правовой статус военнослужащих отличается от статуса гражданских лиц. Они подчиняются не только общегосударственному законодательству, но и специальным нормативным актам, регулирующим воинскую службу. Это может создавать дополнительные сложности при квалификации их действий и применении института административной преюдиции. Например, как должны учитываться дисциплинарные взыскания, наложенные в рамках военной службы, при определении наличия повторного административного правонарушения?

Таким образом, анализ административной преюдиции в отношении военнослужащих, имеющих государственные награды, требует комплексного подхода. Необходимо исследовать, существуют ли в действующем законодательстве механизмы, позволяющие дифференцировать ответственность с учетом наличия государственных наград, и насколько они эффективны.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Это может включать в себя предложения по уточнению критериев применения административной преюдиции к военнослужащим, а также по разработке мер, позволяющих учитывать наличие государственных наград при назначении наказания. Цель состоит в достижении баланса между необходимостью поддержания законности и дисциплины и уважением к особым заслугам военнослужащих перед государством. Важно также рассмотреть, как другие страны подходят к регулированию подобных вопросов, и какие международные практики могут быть применимы в российском контексте. Изучение зарубежного опыта может помочь выявить наиболее эффективные подходы к дифференциации ответственности и учету особых заслуг при применении административной преюдиции.

В конечном итоге, совершенствование правового регулирования в данной области будет способствовать укреплению правопорядка, повышению эффективности правоприменительной деятельности и обеспечению справедливости в отношении всех граждан, включая военнослужащих, чьи заслуги перед государством заслуживают особого внимания.

Литература:

1. Алиев, А. А. Административная преюдиция в уголовном праве России: проблемы теории и практики: монография / А. А. Алиев. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 184 с.
2. Скибицкий, М. В. Административная преюдиция в уголовном праве Российской Федерации / М. В. Скибицкий // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 435. — С. 198–203.
3. Борзенков, Г. Н. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Г. Н. Борзенков, В. С. Комиссаров. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. — 464 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Преступления, связанные с самоубийством: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации

Минеева Елена Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Спектор Людмила Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

В статье рассматриваются преступления, связанные с самоубийством, предусмотренные уголовным законодательством Российской Федерации. Анализируются составы преступлений, закреплённые в статьях 110, 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, исследуются их объективные и субъективные признаки, особенности квалификации и разграничения между собой.

Ключевые слова: самоубийство, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, уголовная ответственность, преступления против личности.

Самоубийство представляет собой сложное социально-правовое явление, затрагивающее различные аспекты общественной жизни. Несмотря на то, что суицид как акт добровольного лишения себя жизни не является преступлением, уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за действия, способствующие принятию лицом решения о самоубийстве либо создающие условия для его совершения.

Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с распространением цифровых технологий и социальных сетей, которые могут использоваться для психологического воздействия на граждан, в том числе несовершеннолетних. Реакцией законодателя на новые угрозы стало расширение уголовно-правовой охраны жизни человека посредством введения специальных составов преступлений, связанных с побуждением к самоубийству.

Под преступлениями, связанными с самоубийством, следует понимать общественно опасные деяния, посягающие на жизнь человека путём формирования, усиления либо реализации его намерения совершить самоубийство.

В настоящее время к данной группе относятся:

- доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ);
- склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ);
- организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Все указанные составы расположены в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», что свидетельствует о признании жизни человека непосредственным объектом уголовно-правовой охраны.

Статья 110 УК РФ предусматривает ответственность за доведение лица до самоубийства либо до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Объективная сторона преступления выражается в совершении виновным действий, оказывающих длительное психотравмирующее воздействие на потерпевшего.

Законодатель выделяет три основных способа совершения преступления:

- угрозы;
- жестокое обращение;
- систематическое унижение человеческого достоинства.

Обязательным признаком состава является причинная связь между поведением виновного и последующим самоубийством либо покушением на него. Отсутствие такой связи исключает уголовную ответственность по статье 110 УК РФ.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. В юридической литературе отмечается возможность как прямого, так и косвенного умысла в отношении последствий совершённого деяния.

Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ УК РФ был дополнен статьёй 110.1, предусматривающей ответственность за склонение к совершению самоубийства либо содействие его совершению.

Под склонением понимаются действия, направленные на формирование у потерпевшего решения совершить самоубийство. Закон прямо указывает на такие способы воздействия, как уговоры, предложения, подкуп, обман и иные аналогичные действия.

Содействие самоубийству выражается в оказании помощи лицу в реализации принятого им решения, например:

- предоставлении информации о способах самоубийства;
- предоставлении средств или орудий его совершения;
- устранении препятствий для реализации суицидального намерения.

В отличие от статьи 110 УК РФ, составы, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ, являются формальными и считаются оконченными с момента совершения соответствующих действий независимо от наступления последствий.

Статья 110.2 УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства посредством распространения информации о способах его совершения либо призывов к суициду.

Появление данной нормы связано с распространением в сети Интернет так называемых «групп смерти», администраторы которых систематически воздействовали на пользователей, побуждая их к совершению суицидальных действий.

Объективная сторона данного преступления заключается в организации соответствующей деятельности, имеющей системный характер. При этом уголовно наказуемыми признаются не отдельные акты склонения конкретного лица к самоубийству, а создание и функционирование механизма массового воздействия на неопределённый круг лиц.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действующей редакции).
3. Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая и Особенная части. — М.: Норма, 2024.
5. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть. — М.: Проспект, 2024.
6. Иногамова-Хегай Л. В. Преступления против жизни и здоровья: учебное пособие. — М.: Проспект, 2023.
7. Бриллиантов А. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. — М.: Юстиция, 2024.
8. Судебная практика по делам о доведении до самоубийства и склонении к самоубийству.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, поскольку виновный осознаёт общественную опасность своих действий и желает осуществлять деятельность, направленную на побуждение к самоубийству.

Практика расследования преступлений, связанных с самоубийством, свидетельствует о наличии ряда проблем.

Во-первых, значительные сложности вызывает установление причинной связи между действиями виновного и фактом самоубийства. Необходимо учитывать психологическое состояние потерпевшего, наличие иных факторов, способных повлиять на принятие решения о суициде.

Во-вторых, возникают трудности в разграничении доведения до самоубийства и склонения к самоубийству. Если статья 110 УК РФ предполагает длительное психотравмирующее воздействие, приведшее к суициду или покушению на него, то статья 110.1 УК РФ охватывает случаи формирования или поддержки суицидального намерения без признаков доведения до самоубийства.

В-третьих, развитие цифровой среды требует совершенствования методов выявления и доказывания преступлений, совершаемых посредством сети Интернет. Электронная переписка, публикации в социальных сетях и иные цифровые следы становятся важнейшими доказательствами по данной категории уголовных дел.

Преступления, связанные с самоубийством, представляют собой особую группу посягательств на жизнь человека, характеризующихся воздействием на психическую сферу личности. Российский законодатель сформировал многоуровневую систему уголовно-правовой защиты, включающую ответственность за доведение до самоубийства, склонение к нему, содействие его совершению и организацию деятельности, направленной на побуждение к суициду.

Вместе с тем дальнейшее развитие информационных технологий и появление новых способов психологического воздействия на человека обуславливают необходимость совершенствования правоприменительной практики и механизмов уголовно-правового противодействия рассматриваемым преступлениям.

Исследование проблем перевода земель из одной категории землепользования в другую

Николенко Эдуард Николаевич, студент магистратуры
Комсомольский-на-Амуре государственный университет

В статье автор исследует проблемы правового регулирования перевода земель из одной категории в другую.

Ключевые слова: правовое регулирование, категории земель, перевод земель из одной категории в другую.

Актуальность исследования правовых аспектов перевода земель из одной категории в другую определяется стремительным ростом потребностей в изменении целевого назначения земельных участков, обусловленным развитием инфраструктуры, жилищного строительства и промышленности. В этих условиях несовершенство правового регулирования порождает дисбаланс между публичными и частными интересами, служит источником многочисленных судебных споров и существенно затрудняет эффективное землепользование.

Основная проблема, заключается в наличии пробелов и противоречий в действующей правовой базе, регулирующей процедуру перевода земель. Эти недостатки приводят к затягиванию административных процедур, создают почву для злоупотреблений со стороны органов власти и порождают правовую неопределенность для правообладателей. Наиболее остро указанные проблемы проявляются в отношении земель сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых территорий, где правовые механизмы особенно уязвимы.

Земельный кодекс РФ устанавливает общие принципы и категории земель, тогда как Градостроительный кодекс регулирует вопросы территориального планирования и зонирования, а Лесной кодекс — особенности использования лесных участков. Несогласованность этих актов проявляется в различном определении оснований для изменения категории земель, что приводит к ситуации, когда «заявитель не может однозначно определить, какой именно нормативный акт подлежит применению в конкретном случае» [1, с. 45]. Такая правовая неопределенность создает риски отказа в удовлетворении ходатайств и увеличивает количество судебных споров.

Существуют также расхождения в перечнях документов, необходимых для перевода земель, предусмотренных федеральным законом и ведомственными актами, что создает административные барьеры. Федеральный закон № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» содержит исчерпывающий перечень документов, однако на практике ведомственные регламенты нередко требуют предоставления дополнительных сведений, не предусмотренных законом. Это приводит к тому, что «органы исполнительной власти субъектов РФ зачастую запрашивают документы, не указанные в федеральном законодательстве, что существенно затягивает процедуру» [2, с. 78]. Подобная практика не только нарушает принцип за-

конности, но и создает избыточные бюрократические препятствия для участников земельных отношений.

Одним из ключевых системных пробелов в правовом регулировании процедуры перевода земель является отсутствие законодательно закрепленных и четко формализованных критериев «соответствия категории» земельного участка, а также механизма его «паспортизации». Действующее законодательство, в частности Земельный кодекс РФ, не содержит исчерпывающего перечня признаков, которым должен отвечать участок для отнесения к той или иной категории, что порождает неопределенность. Как справедливо отмечается в научной литературе, «отсутствие единых критериев отнесения земель к категориям приводит к тому, что решение данного вопроса зачастую зависит от субъективного усмотрения должностных лиц» [2, с.45]. Такая ситуация создает благоприятную почву для злоупотреблений и коррупционных рисков, поскольку органы власти получают возможность по-разному интерпретировать правовые нормы в зависимости от конкретных обстоятельств.

Другим существенным пробелом является полная неурегулированность процедуры перевода для земельных участков, которые по каким-либо причинам не отнесены к конкретной категории земель, что образует правовой вакуум. Такие участки, часто возникающие в результате неточностей кадастрового учета или реорганизации территорий, фактически выпадают из системы правового регулирования. В результате их собственники или пользователи лишены возможности легально изменить целевое назначение, что существенно затрудняет вовлечение таких объектов в гражданский оборот и препятствует рациональному землепользованию. Правовая неопределенность в отношении статуса подобных земель создает серьезные препятствия для развития инвестиционной деятельности и требует скорейшего законодательного восполнения.

Анализ правового регулирования перевода земель вскрывает существенный пробел, касающийся двух стратегически важных категорий: земель сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых территорий. Действующее законодательство, устанавливая общие процедуры межкатегорийного перевода, зачастую не содержит специальных норм, которые бы в полной мере учитывали уникальную природоохранную и агропромышленную специфику данных объектов. Такое отсутствие дифференцированного подхода приводит к тому, что ключевые особенности этих земель — их особое эко-

логическое значение или первостепенная роль в обеспечении продовольственной безопасности — остаются без должного правового обеспечения при принятии решений о смене их целевого назначения. Вследствие этого снижается общая эффективность правового регулирования перевода, так как единые правила не способны адекватно реагировать на сложность и важность защищаемых общественных отношений. «Сельскохозяйственные земли выводятся из оборота, отдаются под застройку жилых микрорайонов, общее состояние земель ухудшается, сокращается количество лесов, что негативным образом отражается на экологической ситуации территорий» [3, с.363]. Подобная ситуация демонстрирует, что игнори-

рование специфики ведет к негативным экологическим и хозяйственным последствиям, превращая формально законный перевод в инструмент деградации ценных природных ресурсов.

Существующая правовая база содержит противоречия, которые создают правовую неопределённость для участников земельных отношений. Судебные споры, возникающие при переводе земель, демонстрируют высокий уровень правовой неопределённости, особенно в случаях, затрагивающих земли сельскохозяйственного назначения и особо охраняемые территории. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

Литература:

1. Боголюбов С. А., Бутовецкий А. И., Ковалева Е. Л. и др. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный). — Москва: Проспект, 2017. — 784 с.
2. Боголюбов С. А. Земельное право. — Москва: Юрайт, 2022. — 287 с.
3. Шер М. Л., Дудник Д. В., Опрышко Е. Л. и др. Актуальные вопросы государственного управления земельными ресурсами // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2020. — № 11. — С. 362–366.

Особенности доказывания распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию в сети Интернет

Носач Дарья Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует понятия чести, достоинства и деловой репутации, особенности их защиты и опровержения порочащих сведений.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, порочащие сведения, нематериальные блага, Интернет.

С момента появления на свет люди обретают неотъемлемые права, такие как право на жизнь, здоровье, личное достоинство, безопасность, доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, семейные тайны, свободу перемещения и выбора места жительства, право на имя и авторство, а также прочие личные неимущественные права. Эти блага принадлежат человеку от рождения или по закону, они не могут быть отчуждены или переданы иным способом, согласно пункту 1 статьи 150 Гражданского кодекса РФ. [1] Нематериальные блага сопровождают индивида на протяжении всей жизни, определяя его уникальность и личностные качества. Их утрата фактически равносильна социальной или биологической смерти.

К основным признакам нематериальных благ можно отнести:

Нематериальность: отсутствие непосредственного материального или имущественного аспекта, невозможность оценки в денежном выражении. Тем не менее, они

считаются абсолютными, не подлежащими размену ценностями и являются объектами гражданских прав.

Неразрывная связь с личностью: невозможность их отчуждения или передачи другим лицам, поскольку они непосредственно связаны с носителем.

Ограниченное законодательное регулирование: главное требование заключается в том, чтобы реализация этих прав одним лицом не нарушала права другого (статья 17 Конституции РФ).

Гражданское законодательство не дает четких определений понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация». Защита этих нематериальных благ осуществляется по процедуре, установленной статьей 152 ГК РФ, при этом статья 150 кодекса также упоминает доброе имя в числе защищаемых благ. В научной среде честь трактуется как общественная оценка личности, мера ее духовных и социальных характеристик. В науке принято рассматривать честь как общественную оценку личности, меру духовных и социальных качеств гражданина, достоинство — как са-

мооценку собственных качеств и способностей, а деловую репутацию — как такое качество, которое проявляется в профессиональной деятельности.

Словарь В. И. Даля определяет честь как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистую совесть», и как «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое». [2] Современное правовое понимание чести, используемое законодателем, существенно отличается от представлений законодательства Российской Империи. Честь является оценочным понятием, отражающим морально-этические аспекты поступков личности с позиций общественных интересов.

Достоинство, согласно части 1 статьи 21 Конституции РФ, является абсолютной ценностью любой личности, под охраной государства, и не подлежит умалению. По мнению А. А. Власова достоинство является совокупностью индивидуальных ценностей конкретного человека, заключающихся в его духовных, нравственных качествах, ценных с точки зрения потребностей общества [3].

Большой юридический словарь определяет деловую репутацию как «оценку профессиональных качеств конкретного гражданина, в том числе занимающегося предпринимательской деятельностью, либо юридического лица: коммерческой и некоммерческой организации, государственных и муниципальных предприятий, учреждений и др». [4]. А. М. Эрделевский определяет деловую репутацию как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании» [5].

Основанием для применения мер, предусмотренных статьей 152 ГК РФ, является распространение ложных и порочащих сведений. Первым условием является факт такого распространения. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам. Следовательно, распространение сведений — это сообщение их третьему лицу, а не тому, кого эти сведения касаются.

Второе условие — порочащий характер сведений, касающийся морально-нравственных качеств личности. Четких законных критериев для таких сведений не установлено.

Третье условие — ложный характер сведений, то есть их несоответствие действительности. Обязанность дока-

зывать соответствие сведений действительности лежит на ответчике, а обязанность доказывать факт распространения и порочащий характер сведений — на истце.

Согласно статье 152 Гражданского кодекса РФ, если в СМИ, включая сетевые ресурсы, опубликованы сведения, ущемляющие честь, достоинство или деловую репутацию человека, они подлежат опровержению в тех же источниках. Ответственность за удаление такой информации лежит на владельце сайта и его администраторе. Такая обязанность не считается чрезмерной или несоразмерной, а выступает законным методом защиты прав граждан и организаций, а не мерой виновной ответственности. В случае отказа от исполнения судебного решения об удалении порочащих сведений, пострадавшая сторона вправе требовать возмещения понесенных убытков и компенсации морального вреда.

Порядок опровержения порочащих сведений, изложенный в п. 2 ст. 152 ГК РФ, детализирован в Законе «О СМИ». Опровержение должно соответствовать характеру сообщения: в печатных СМИ — аналогичным шрифтом и местом, на радио и ТВ — в аналогичное время и передаче. Объем опровержения не должен превышать удвоенный объем оспариваемого материала, а его минимальный размер составляет одну стандартную машинописную страницу.

Распространение информации в сети, доступность технологий для формирования общественного мнения и ведения «информационных войн» привлекают лиц с сомнительной репутацией. Интернет стал ареной противостояния технологий: с одной стороны — сбор персональных данных, с другой — развитие средств анонимизации.

Отсутствие четких законодательных критериев для разграничения «утверждений о фактах» и «оценочных мнений» требует дополнительного регулирования. Факты поддаются проверке, в то время как оценочные суждения, выражая личное мнение, не могут быть опровергнуты, хотя и поддаются оспариванию. Оценочные суждения не приравниваются к порочащим сведениям. Суждения, мнения и взгляды безусловно допустимо оспаривать, например, основываясь на тех или иных критериях, однако нельзя опровергнуть. Вследствие этого оценочные суждения в отношении конкретного лица не приравниваются к порочащим сведениям и не предполагают их опровержения, но и не исключают ответа на них со стороны заинтересованного лица.

Владельцы интернет-ресурсов, не зарегистрированных как СМИ, часто пытаются избежать ответственности через пользовательские соглашения, что незаконно. Если владельца невозможно установить, иск может быть предъявлен к авторам, при условии их идентификации. Однако, в подавляющем большинстве случаев такие сведения размещаются лицами, намеренно скрывающими свою личность, а чтобы установить и доказать факт распространения сведений конкретными гражданами, требуется проведение технически сложных и дорогостоящих процедур: просмотра протоколов доступа, проверки учетных

записей провайдеров доступа, определения телефонных номеров и их владельцев, просмотра содержимого серверов, установления владельцев серверов, зачастую проживающих за границей.

Представляется необходимым в делах об опровержении порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, сведений, размещенных в сети Интернет, применять технологии искусственного интеллекта. ИИ может быть применен для осмотра и анализа информации, размещенной в Сети. Особенности интернет-контента — не-

материальный характер, динамичность, распределенность во времени и пространстве — существенно отличают их от традиционных вещественных доказательств, на которые ранее ориентировались в процессе [6, с 35]. В условиях динамичной цифровизации общества применение ИИ-технологий в скором времени может стать необходимостью, поэтому необходимо законодательно урегулировать порядок процессуального осмотра Интернет-ресурсов, мессенджеров, социальных сетей и прочих интернет-источников.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. — 710 с.
3. Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. — 510 с.
4. Большой юридический словарь под ред. проф. А. Я. Сухарева. М.: Инфра-М., 2006—863 с.
5. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом / А. М. Эрделевский — М.: Издательская группа ФОРУМ-ИНФРА-М, 1997. — С. 233.
6. Глимейда В. В. Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025; (3): 35–39.

Правовые механизмы противодействия домашнему насилию в Российской Федерации и за рубежом

Овечкин Владислав Александрович, студент;

Кистиченко Иван Константинович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье авторы рассматривают вопросы домашнего насилия в Российской Федерации, меры по борьбе с данным явлением, а также существующие правовые механизмы противодействия как в правовой системе РФ, так и ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейное право, лишение родительских прав, опекуны, семья.

Семейное право Российской Федерации строится на ряде принципов и положений, получивших закрепление в ст. 2 Семейного кодекса РФ, в составе которых фигурирует постулат «недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи» [2], в том числе и государства. Однако не редки ситуации, когда такое вмешательство становится необходимым и вовсе не отвечает критериям произвольности. В первую очередь мы имеем в виду случаи домашнего насилия.

Как пишет М. А. Слепченко: «...в настоящее время, под влиянием различных социально-экономических факторов, проблема «насилия в семейно-бытовой сфере» в Российской Федерации достигла угрожающих масштабов. По оценкам независимых экспертов, насилие наблюдается в каждой четвертой российской семье».

В данном случае речь идет не только по отношению к женщинам и детям — наиболее распространенным случаям из всех — но и по отношению к другим членам семьи, как то: дедушки и бабушки, братья и сестры, дяди и тети, а также другие иждивенцы, кровно не являющиеся родственниками, однако ведущие совместное хозяйство. Причем даже сама форма насилия разнообразна: так С. Я. Саламова выделяет такие виды, как физическое, психологическое (эмоциональное), сексуальное и экономическое насилие, приводя при этом статистические данные в отношении детей и женщин, гласящие о том, что «было установлено, что от 20 до 75 % женщин стали жертвами одного или более актов насилия эмоционального характера» и «по данным МВД на учете в полиции стоят более 200 тыс. «семейных дебоширов» [4], однако «абсолютное большин-

ство россиян придерживаются мнения, что домашнее насилие недопустимо (90 %)» [5]. Такие факты позволяют признать ситуацию в отношении домашнего насилия требующей срочных мер реагирования, основной из которых неминуемо должно стать законодательное определение данного явления.

Федеральное Собрание уже рассматривало законопроект, касающийся данной темы в 2019 году, что вызвало определенный резонанс в обществе, однако не привело к принятию закона, несмотря на подавляющее большинство сторонников со стороны респондентов (70 %) [7]. Такое положение необходимо признать законодательным упущением, особенно учитывая выраженную населением потребность в регулировании подобных отношений, устанавливаемую правоприменителем распространенность, а также наличие достаточно полного регулирования данной проблемы в рамках законодательства зарубежных государств.

По нашему мнению, такой закон действительно необходим, хотя бы в форме такого акта, который установит, что именно следует понимать под «домашним насилием», определит круг лиц, которые могут быть «потерпевшими» и, наконец, зафиксирует меры пресечения или обеспечения защиты.

Более того российскому законодателю нет необходимости самостоятельно разрабатывать определение, продумывая все возможные злоупотребления правом при пробельности самой дефиниции, так как в Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (г. Стамбул, 2011 г.) такое определение дано: «домашнее насилие — это все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в кругу семьи или в быту или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, проживает или не проживает лицо, их совершающее, в том же месте, что и жертва» [1]. Такое определение следует признать удачным в силу достаточного объема его содержания, который не ограничивается только физическим насилием, признавая наличие и значимость других его видов. Также представляется оправданным включение такого широкого круга лиц в силу того, что само понятие семьи не всегда сводится исключительно к юридической дефиниции (которая в разных отраслях права различна), что означает возможность быть членом семьи фактически, но не юридически.

Опыт иностранных государств — стран Евросоюза показал правовую определенность и правильность с точки зрения юридической техники такого определения, поэтому его рецепция станет положительным явлением в рамках семейного права РФ. Принятие данной Конвенции вызвано также совершенно конкретной ситуацией, так как домашнее насилие проявляется не только в неблагополучных семьях, в члены которых страдают алкогольной, наркотической зависимостью, имеют сниженный культурно-образовательный уровень, но и в

обеспеченных семьях, члены которых имеют высокий социальный статус, высшее образование». В связи с чем страны-участники выработали следующие механизмы, которые с определенными оговорками предлагаем включить в новый федеральный закон, важность принятия которого подтвердила еще Австрия, приняв таковой в 1997 году [6]:

- в первую очередь, исследуя практику США, Великобритании, предлагается ввести так называемые временные запреты на приближение (*restraining orders*), которые позволяют жертвам насилия получить защиту от агрессоров. Их возможно ввести в форме полицейских (административных), а также судебных [6].

- также немаловажным нам видится введение программ для жертв и агрессоров, включая реабилитацию и поддержку. Важно сказать, что в РФ существуют кризисные центры, но 95 % населения не знает о существовании таковых [4]. Однако, по нашему мнению, принятие ФЗ о домашнем насилие способствует большей осведомленности в данном вопросе среди населения;

- определенную пользу можем наблюдать в задержании самого агрессора, полномочия по чему необходимо предоставить полиции, однако следует подробно разработать механизм задержания, его основания, чтобы не допустить не только злоупотребления правом в данной ситуации, но и недосказанности, ведущей к нарушению права человека;

- также возможно рассмотреть временное покидание жилья, закрепленное в законодательстве Германии, однако данная мера представляется дорогостоящей, так как требует оборудования специальных мест, вследствие чего ее применение будет крайне ограничено, однако необходимо в самых критических ситуациях [5].

Вместе с тем, Семейный кодекс и ФЗ «Об опеке и попечительстве» устанавливают такую меру ответственности в отношении родителей и опекунов, применяющих насилие в отношении детей, как лишение родительских прав или отстранение опекуна. Так, в ст. 69 СК РФ одним из безусловных оснований лишения родительских прав непосредственно указано «жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность» [2]. Так, в Решением Варгашинского районного суда Курганской области № 2–280/2019 отца, который применял физическое насилие к матери и дочери, угрожал жизни и здоровью семьи, даже после развода продолжил угрозы через телефон и соцсети, лишили родительских прав [9].

Аналогичный подход применяется и к законным представителям ребенка, не являющимся родителями. Пункты 1 и 2 статьи 29 Федерального закона № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» устанавливает, что «ненадлежащее выполнение опекуном или попечителем своих обязанностей», в том числе «использование опеки в корыстных целях или оставление подопечного без надзора и необходимой помощи» [3], является основанием для освобо-

ждения или отстранения их от исполнения своих обязанностей. Факт применения насилия к подопечному, безусловно, является грубейшим нарушением. Определением Ивановского областного суда Решение Фурмановского городского суда Ивановской области от 27 февраля 2025 г. по делу № 33–2579/2025 оставлено без изменения, а именно: установлен факт систематического жестокого обращения с несовершеннолетними опекаемыми, что привело к их изъятию из семьи и прекращению опеки [8].

Таким образом, на наш взгляд представляется первой необходимостью принятие ФЗ, который бы регламентировал такое явление, как домашнее насилие, ввел обеспечительные пресекающие меры, описанные в статье. Такие нововведения позволят защитить социально и экономически слабых членов семьи, а также в перспективе улучшить демографическую политику, создав в семье если и не атмосферу любви и перманентной заботы, то хотя бы безопасности и стабильности.

Литература:

1. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/420206767?section=status>
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — ст. 16.
3. Федеральный закон от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 17. — ст. 1755.
4. Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика/ Саламова С. Я. // Lex Russica. — 2018. — № 9 (142). — 129–137 с.
5. Слепченко М. А. Насилие в семейно-бытовой сфере: особенности квалификации в России и зарубежных странах / М. А. Слепченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 37 (588). — 128–131 с.
6. Симагина Н. А. Домашнее насилие в странах Европы и способы борьбы с ним/ Симагина Н. А. // Человек: преступление и наказание. — 2022.- № 4. — 575–583 с.
7. «ВЦИОМ: большинство россиян поддерживают принятие закона о профилактике домашнего насилия» [Электронный ресурс] / <https://tass.ru/obschestvo/7354891> (дата обращения: 06.06.2026).
8. Апелляционное определение Ивановского областного суда от 03.12.2025 № 33–2579/2025. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=IVN&n=25911&dst=1000000001> (дата обращения: 10.06.2026).
9. Решение Варгашинского районного суда Курганской области от 28 июля 2020 г. по делу № 2280/2019 25/2020 25/2020(2280/2019)~M261/2019 M261/2019 о лишении родительских прав. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (sudact.ru). — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ItAaJUbUJTNO/> (дата обращения: 10.06.2026).

Понятие и значение криминалистической легализации (отмывания) денежных средств

Павленко Мария Владимировна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Введение

Легализация («отмывание») денежных средств — процесс придания преступно полученным средствам и имуществу правомерного вида. Это явление возникает как необходимое условие функционирования организованной преступности и создает основу **теневой экономики** [1]. В современной России понятие «легализация доходов, полученных преступным путем» впервые закреплено в Федеральном законе № 115-ФЗ (2001 г.) [2] и Уголовном кодексе РФ (ст. 174, 174.1) [3] [4]. По разъ-

яснению Пленума ВС РФ, легализация причиняет вред экономической безопасности государства, затрудняет раскрытие преступлений и обеспечивает преступным группам финансирование противоправной деятельности [1]. Переход России к рыночной экономике 1990-х годов серьёзно расширил возможности легализации (снятие валютных ограничений, формирование теневого сектора) [5]. В данной статье рассматриваются понятие и цели легализации, этапы и методы этого преступного процесса, его криминалистическая характеристика, роль борьбы с отмыванием денег и примеры судебной практики.

Понятие легализации (отмывания) денежных средств

В праве РФ «легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем» определяется как **придание правомерного вида** владению, пользованию или распоряжению незаконно приобретенными средствами или имуществом [2]. То есть преступник стремится скрыть источники происхождения активов, чтобы свободно их тратить. В уголовно-правовом смысле легализация представляет собой совершение финансовых операций или сделок с такими средствами с целью маскировки их криминального происхождения (ст. 174 УК РФ) [3]. Российские учёные отмечают, что мотивация легализации обусловлена стремлением преступного мира к финансовому обогащению и необходимости свободно распоряжаться преступными доходами [5]. Как указывает Виктория Капарчук, термин «отмывание денег» возник в начале XX века (деятельность Аль Капоне), однако современное значение связано с международными схемами легализации незаконных доходов [5].

В социо-экономическом плане легализация денег тесно связана с организованной преступностью и теневым сектором: крупные объёмы преступных доходов аккумулируются именно через экономические преступления, что делает финансовую систему уязвимой для «узаконивания» нечистых средств [5]. В России первые заметные схемы легализации появились в 1990-е годы (после распада СССР), когда практически отсутствовало регулирование противодействия отмыванию денег [5]. Научные исследования подчёркивают, что без такой «очистки» незаконных доходов существование и расширение организованной преступности было бы существенно затруднено [1] [5].

Цели и этапы легализации

Главная **цель** легализации — скрыть истинный криминальный источник средств и обеспечить возможность их дальнейшего использования как легальных. Преступники стремятся вывести активы из-под прицела правоохранительных органов и интегрировать их в оборот легального хозяйства. По мнению экспертов, легализация — это своего рода «финансовое маскирование», необходимое для продолжения преступной деятельности, коррупции и иных правонарушений [1] [5].

Классическая модель процесса отмывания включает **три этапа**:

— **Размещение** — ввод нелегальных доходов в финансовую систему. Например, «сырые» наличные вносятся на банковские счета, покупаются ценные бумаги или другие активы. На этом этапе преступник старается «рассредоточить» деньги, чтобы не вызвать подозрений.

— **Расслаивание (стадия «слоения»)** — проведение многочисленных сложных транзакций, зачастую через офшорные компании и теневые структуры. Цель — «запутать» следы происхождения средств, разорвать цепочку «преступный доход — собственность» [5]. Это могут быть многократные переводы между разными счетами, смена валют, фиктивные сделки, инвестиции в малозаметные проекты.

— **Интеграция** — возвращение «отмытых» денег в легальную экономику. На этом этапе преступные доходы уже внешне выглядят как законные (например, прибыль от бизнеса, дивиденды или займы от «подставных» компаний) [5]. Интегрированные средства могут свободно тратиться или инвестироваться на законных основаниях.

В российской литературе и практике все три этапа также подтверждаются. Так, разработанные схемы легализации включают, в частности, банковские переводы через «конвертационные центры», приобретение имущества с использованием подставных фирм, перевод денег в юрисдикции с мягким законодательством и последующую репатриацию через торговые сделки [5]. По оценке практиков, «этап размещения» является наиболее уязвимым: обнаружить преступные деньги на этом этапе проще всего [7]. При этом Пленум ВС РФ разъяснил, что уже **одна финансовая операция** или сделка с преступными средствами может квалифицироваться как легализация, если она была совершена с целью придания правомерного вида владению ими [1]. К концу процесса (т. е. исполнению сделки или фактической передаче средств) преступление считается оконченным [1].

Признаки и способы легализации

Криминалистически за легализацией денежных средств могут «прятаться» самые разные схемы и приметы. По выявлению **признаков легализации** правоохранители анализируют необычные финансовые операции и поведение лиц. Например, в центре внимания оказываются **фиктивные сделки** без реальных коммерческих оснований, переводы крупных сумм через офшоры или «серые» обменники, частое использование наличных и т. д. Как отме-

Таблица 1. Этапы процесса легализации денежных средств (по классической модели)

Этап	Содержание	Пример операций
Размещение	Ввод «грязных» денег в финансовую систему	Внесение наличных на счёт, покупка валюты/ценных бумаг
Расслаивание	Цепочка транзакций с целью сокрытия следов	Переводы между счетами, инвестиции через офшоры, выплата зарплат «фирм-призраков»
Интеграция	Превращение «очищенных» денег в легальные	Вывод через оплату товаров, дивиденды от фиктивного бизнеса, погашение кредита

чают эксперты, характерной чертой таких схем часто является *«запутанный или необычный характер сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или законной цели»*. Схемы могут включать: приобретение и последующую продажу активов по искусственно заниженной цене, «кухонные» выдачи зарплаты через подставные компании, перемещение денег через криптовалюту или офшорные счета, а также использование номинальных (подставных) руководителей [6]. В качестве элементов часто встречаются и **конвертационные центры**, а также онлайн-сервисы и электронные кошельки.

С точки зрения уголовно-правовых критериев, основными признаками преступления по ст. 174 УК РФ являются: 1) **фактическое владение** лицом денежными средствами или имуществом, заведомо приобретёнными другим лицом преступным путем; 2) **цель** — придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению этими активами; 3) совершение **финансовых операций или сделок** с такими средствами (например, переводы, обмен валют, заключение договоров) [1] [3]. Пленум ВС РФ уточнил, что «финансовыми операциями» в данном случае являются любые действия с денежными средствами (наличные, безналичные расчёты, обмен валют), а сделками — любые действия, направленные на создание, изменение или прекращение гражданских прав, которые лишь **видимо создают правообладание** преступными средствами [1].

Криминалисты подчёркивают, что сочетание нестандартных операций на счетах, частые отклонения от обычного бизнес-цикла, попытки ухода от уплаты налогов и невозможность подтвердить законность происхождения средств — всё это косвенно указывает на легализацию. При расследовании важно установить, не совпадают ли суммы сделок с теми, что могли быть приобретены законным способом, и нет ли у участников признаков «отмывочного» поведения (использование подставных организаций, частая смена банков, получение доходов без видимой деятельности).

Криминалистическая характеристика преступлений легализации

С точки зрения криминалистики, преступления по ст. 174 УК РФ отличаются высокой латентностью и сложностью раскрытия. Как показывает судебная практика, они часто совершаются многими фигурантами (группами) и по транснациональным схемам. При этом сами операции внешне легитимны (формально финансируемы несуществующими или добросовестными предпринимательскими структурами), что требует от следствия тщательного анализа цепочки контрагентов и происхождения средств.

При расследовании подобных дел особое внимание уделяется **установлению факта преступного происхождения средств**. Пленум ВС РФ указал, что при вынесении приговора суд обязан обосновать, какими доказательствами он руководствовался при выводе, что деньги

или имущество были получены преступным путем, а также что целью обвиняемого было придание им правомерного вида [1]. К таким доказательствам относятся, например, показания свидетелей, результаты экспертиз, расшифровка финансовой документации, а также предыдущие приговоры за «основное» преступление (например, по статье о хищении) [1].

Пленум также уточнил, что ответственность наступает даже за **одну проведённую операцию** с незаконными средствами, если установлено умышленное «маскирование» преступного источника [1]. Преступление считается оконченным с момента фактического исполнения хотя бы части обязательств по сделке или непосредственного использования преступных денег (например, выдача средств другой стороне по договору [1]). Если же сделка лишь формально подписана (без реальной передачи имущества), преступление признаётся оконченным с момента оформления этой фиктивной сделки [1]. Также отмечено: при серии схожих операций с общим умыслом они квалифицируются как единое продолжаемое преступление по соответствующей части ст. 174 [1].

Таким образом, криминалистическая методика расследования легализации включает сбор и проверку разнородных данных: финансовой истории лица (банковские выписки, отчёты компаний), анализ документооборота, установление связей между участниками цепочки. Важным приёмом является установление факта скрывания источника денег — проверяется, не было ли намеренного смешения незаконных доходов с легальными, отсутствие реальной предпринимательской деятельности у компании и т. д. Как отмечают исследователи, все способы легализации состоят как минимум из двух элементов, первый из которых — фиктивные финансовые операции, идущие в связке с другими формами преступления. Для криминалистов характерен акцент на **предмете преступного посягательства** (денежные средства, ценности) и на специфике **способа совершения** (финансовые инструменты, каналы).

Значение борьбы с легализацией с точки зрения криминалистики

Противодействие «отмыванию» играет **критическую роль** в системе борьбы с организованной преступностью и экономическими правонарушениями. Как подчеркнул Пленум ВС РФ, легализация затрудняет раскрытие базовых преступлений (сбыта наркотиков, коррупции, хищений) [1], поскольку преступники планируют дальнейшие правонарушения, будучи уверенными в возможности свободно распоряжаться доходами. С криминалистической точки зрения, предотвращение операций по легализации не только изымает у преступников финансовые ресурсы, но и создаст дополнительные улики против них — ведь при выявлении «отмывательных» сделок часто обнаруживаются и первичные составы преступлений.

Отдельно Пленум ВС указал, что целью борьбы с отмыванием является защита интересов государства и общества [1]. Судебная практика показывает, что суды могут и должны выявлять **условно недобросовестные схемы** в гражданском обороте. Так, в утверждённом Президиумом ВС РФ обзоре 2020 г. отмечалось: суды вправе привлекать к участию в деле Росфинмониторинг, налоговые органы и прокуратуру при наличии признаков легализации [10]. При наличии подозрений суд может отказать в судебном приказе или утверждении мирового соглашения [10], а в случае выявления совершенного экономического преступления — сообщить об этом в органы предварительного следствия [10]. Такие механизмы обеспечивают дополнительный контроль: нарушение законодательства в сфере борьбы с легализацией (например, фиктивность сделки) может стать основанием для отмены судебных решений [10].

Таким образом, криминалистическое значение борьбы с легализацией выражается в **превентивном эффекте**: пресечение «отмывания» делает более эффективными расследование и доказывание основного преступления, служит укреплению законности финансовой системы и предотвращает вовлечение легитимных институтов (банков, бизнеса) в преступный оборот. Как показано в исследованиях, комплексный подход (включая совместную работу правоохранительных органов, банков и международное сотрудничество) позволяет отслеживать подозрительные операции, выявлять «лаборатории отмывания» и тем самым снижать общую криминальную активность в экономике [1].

Судебная практика и статистика

В российской практике доля «успешно» выявленных и доказанных дел по ст. 174 традиционно невелика, что связано с конспирацией преступников и сложностью доказательной базы. По некоторым оценкам, лишь около 11 % обвиняемых по делам о легализации доходов ранее были оправданы [10]. Однако конкретной статистики в открытых источниках немного. Из отчёта Росфинмониторинга следует, что его материалы в 2023 г. способствовали возбуждению свыше 430 уголовных дел, в том числе 39 — по ст. 174 и 174.1 УК РФ (отмывание доходов) [12]. Это свидетельствует о росте внимания к данной проблеме со стороны правоохранительных органов.

Со стороны судебной системы важным фактором является формирование единообразной практики. Так, Пленум ВС РФ 2015 г. (№ 32) дал подробные разъяснения по квалификации легализации [1]. В 2020 г. Президиум ВС РФ утвердил **Обзор судебной практики** о легализации доходов [10], акцентируя внимание судов на взаимо-

действи с Росфинмониторингом и недопущении легализации в гражданских спорах. В частности, Верховный Суд указал судьям: при обнаружении в деле признаков экономических преступлений (включая попытку отмывания) нужно информировать правоохранительные органы [10].

В региональных судах практика носит разнонаправленный характер. В одних делах обвинение по ст. 174 подерживается лишь на основании наличия операций (и без фактического возврата средств обвиняемому), в других — при отсутствии чётких доказательств источника доходов суды выносят оправдательные решения. Общим остаётся вывод: *необходимы конкретные доказательства преступного происхождения средств и умысла на придание им легального вида* [1]. Если такие доказательства отсутствуют, дело заканчивается оправданием. Обратно, при правильном сборе доказательств (финансовых отчётов, выписок, объяснений контрагентов и т. п.) нередко удаётся добиться суда, признающего легализацию деянием законным и опасным (особенно в крупных размерах) [1].

Заключение

Таким образом, легализация (отмывание) денежных средств представляет собой сложное многоступенчатое преступное явление, имеющее четкое законодательное определение [2] [5]. Целью легализации является скрытие преступного происхождения активов, а этапы процесса включают ввод «грязных» денег в систему, их запутывание в цепочках транзакций и последующую интеграцию в легальный оборот [5] [6]. Криминалистическая характеристика таких преступлений основана на выявлении фиктивных финансовых операций и сделок, анализе цепи сделок и источников средств. По словам Верховного Суда, ключевым является доказательство факта незаконного получения средств и умысла на придание им правомерного вида.

Борьба с легализацией денег имеет стратегическое значение: она подрывает финансовую базу преступности и обеспечивает более эффективное раскрытие широкого спектра экономических преступлений [1]. В судебной практике РФ к этому направлению придают всё большее внимание: выделяются специальные методы расследования и повышается контроль за финансовыми операциями. Рост числа дел, возбуждаемых по инициативе Росфинмониторинга и других органов, свидетельствует о нарастающей активности государства в этой сфере [12]. С точки зрения криминалистики, понимание сущности отмывания, его характерных признаков и способов осуществления способствует совершенствованию методики расследования и повышению правовой грамотности судов при рассмотрении таких дел [1].

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заве-

- домо добытого преступным путем». — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/documents/2015/07/13/sud-dok.html>.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Статья 3. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/7f756f0b351492331efccfd82ac5f928dcf7bbea/.
 3. УК РФ Статья 174. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4dfcfc8807c829f92212ce92efe818c4a707a3ca/.
 4. УК РФ Статья 174.1. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c10431f048782e9c62eccc5a90fc102ac7d0e812/.
 5. Капарчук В. А. Понятие легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем и социально-экономические предпосылки возникновения проблемы легализации // *Advances in Law Studies*. 2024. №. 2. С. 56–60. — URL: <https://alsj.ru/ru/nauka/article/81998/view>.
 6. Противодействие отмыванию денег (Anti-Money Laundering, AML). — Текст: электронный // Orion Solutions: [сайт]. — URL: <https://orion-solutions.ru/blog/bezopasnost/tpost/zxudcxk2g1-protivodeistvie-otmyvaniyu-deneg-anti-mo>
 7. Fazilov F. Процессы и этапы отмывания денег. — Текст: электронный // *researchgate.net*: [сайт]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/350546231_PROCESSY_I_ETAPY_OTMYVANIA_DENEG
 8. Легализация доходов: 2025–2024–2023 год: Акты, образцы, формы, договоры. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/theme-legalizaciya_dohodov/
 9. Жамбалов Д. Б. Криминалистическая характеристика легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2019. № 4 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-legalizatsii-otmyvaniya-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem> (дата обращения: 10.06.2026).
 10. Судебная практика против легализации доходов. — Текст: электронный // *DSL-Service*: [сайт]. — URL: <https://www.dsbservice.ru/2020/07/11/sudebnaya-praktika-protiv-legalizatsii-dohodov/>
 11. Арзамасцев М. В. Уголовно-правовые признаки легализации преступных доходов. — Текст: электронный // *pravoprim.spbu.ru*: [сайт]. — URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/549-ugolovno-pravovye-priznaki-legalizatsii-prestupnykh-dokhodov.html>
 12. Росфинмониторинг — Telegram. — Текст: электронный // Telegram: [сайт]. — URL: https://t.me/s/fedsfm_ru?after=2650.

Доктрина эстоппеля в английском праве: генезис, эволюция, современное значение

Попова Александра Николаевна, студент магистратуры
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье автор исследует доктрину эстоппель в английском праве, рассматривает её генезис, эволюцию и современное значение. Доктрина эстоппель зародилась в средневековом общем праве Англии и была направлена на предотвращение и пресечение недобросовестного поведения сторон. В статье также находят свое отражение различные виды данной доктрины. В заключении подчёркивается, что доктрина эстоппель является важным инструментом для обеспечения справедливости и защиты прав.

Ключевые слова: Эстоппель, английское право, принцип добросовестности, принцип справедливости, запрет на противоречие, суд общего права, суд Канилера, защита прав, недобросовестность, злоупотребление правом, добросовестное поведение.

В основе эстоппеля — одного из ключевых принципов английского права справедливости — лежит запрет на противоречивое поведение. Суть этой доктрины заключается в том, что лицо лишается права выдвигать факты или юридические доводы, идущие вразрез с его предыду-

щими действиями, заявлениями, если кто-то другой, доверившись ему, действовал добросовестно. По своей природе эстоппель является защитным механизмом: он не позволяет вести себя непоследовательно и защищает законные интересы сторон. За долгие годы своего суще-

ствования эта концепция эволюционировала от жестких и формальных правил общего права к более гибким и разнообразным инструментам справедливости.

Роор К. А. определяет эстоппель как «утрата стороной международного договора права ссылаться на обнаруженные основания его недействительности (например, ошибка, обман, подкуп представителя государства при заключении этого договора и другие), если данная сторона, узнав о соответствующих фактах, определенно или молчаливо согласилась с тем, что договор сохраняет силу» [1].

По мнению И. Суспицыной, «в наиболее общем понимании эстоппель — это запрет стороне в процессе действовать в противоречии со своим предшествующим поведением и ранее сделанными заявлениями» [2].

Исторически истоки данного принципа уходят корнями в средневековое общее право. На начальном этапе своего развития эстоппель носил сугубо процессуальный характер и служил главной цели — гарантировать честность и целостность судебного процесса

Исторически в английском праве сформировалось несколько ключевых разновидностей эстоппеля:

Estoppel by record (преюдиция): Один из первых видов эстоппеля. Его главная задача состояла в том, чтобы не допустить бесконечного пересмотра одних и тех же дел. Благодаря ему сторона не могла оспаривать факты, которые были установлены вступившим в законную силу судебным решением или зафиксированные в официальном документе, например, в королевском указе или судебном протоколе.

Estoppel by deed (эстоппель договором): Нашёл свое закрепление в праве собственности. Его суть заключалась в том, что если человек передавал имущество по официальному документу, а затем пытался заявить, что на самом деле не был его законным владельцем, закон не позволял ему этого сделать. Факты, зафиксированные в таком договоре, считались непреложной истиной между сторонами, что гарантировало стабильность прав собственности.

Estoppel in pais (эстоппель действиями): Нашёл своё отражение в судах общего права как способ борьбы с мошенничеством. Если одно лицо своим поведением (например, допуская, что другое лицо пользуется землей как собственник) намеренно вызывало у другого лица разумное заблуждение, и это заблуждение приводило к ущербу, то первому лицу впоследствии запрещалось отрицать факт, который оно «представило» как истинный. Именно этот вид эстоппеля стал основой для современного понимания сути данного принципа.

По-настоящему широкое распространение данная правовая доктрина получила в Суде канцлера, который руководствовался нормами справедливости. Судьи-канцлеры, руководствуясь принципом добросовестности, начали применять эстоппель гораздо шире, чем суды общего права.

Equitable estoppel: Судьи пришли к выводу, что сама по себе непоследовательность в поведении может быть несправедливой, даже если в ней не было прямого обмана. Ключевым элементом стала идея «представления»: если одна сторона заявляет о факте или намерении, а другая,

поверив этому, действует себе во вред, то первая сторона уже не может просто так взять свои слова назад.

Proprietary estoppel (вещный эстоппель): один из самых действенных инструментов в земельном праве. Он применяется, когда собственник земли своим поведением (например, обещанием подарить участок) убеждает другого человека в том, что тот получит на неё права. Если этот человек, поверив обещанию, начинает проводить улучшение данного земельного участка, суд может встать на его сторону. Данный вид эстоппеля способен не просто защищать права, а напрямую их создавать или передавать: суд может либо обязать владельца исполнить обещание и передать право на землю, либо выплатить компенсацию за понесённые расходы.

Promissory estoppel (эстоппель обещанием): Ключевое новшество XX века, закрепленное в знаменитом деле *Central London Property Trust Ltd v. High Trees House Ltd* [1947]. Лорд Деннинг сформулировал правило: если одна сторона обещает не настаивать на своих строгих договорных правах (например, временно снизить арендную плату), и другая сторона полагается на это обещание, то обещавшая сторона не может впоследствии требовать полного исполнения, если это было бы несправедливо [3]. Важно: этот вид эстоппеля действует как «щит, но не меч» — он может защитить ответчика от требования, но не может служить основанием для самостоятельного иска. Кроме того, он, как правило, приостанавливает права, а не аннулирует их навсегда (если не будет уведомления о возврате к прежнему режиму).

На сегодняшний день эстоппель — это не просто общая доктрина, а скорее целая система взаимосвязанных правовых принципов. Традиционно их делят на две большие группы:

Эстоппель, основанный на заявлении о факте. Для реализации данного принципа, необходимо соблюдение трёх условий: 1) должно быть сделано ясное и недвусмысленное заявление; 2) другая сторона должна была добросовестно на него полагаться; 3) и в результате ей должен быть нанесён ущерб. Такой подход часто встречается при оспаривании договоров или споров о праве собственности.

Вторая группа относится к обещаниям на будущее, то есть заявлениям о намерениях совершить какие-либо действия.

Эстоппель является по-настоящему важным институтом, который может быть эффективным при решении разных споров [4]. Значение данной доктрины для современного права трудно переоценить, она проявляется сразу в нескольких аспектах.

Защита добросовестности: Доктрина является одним из главных инструментов защиты принципа добросовестности в английском праве, которое в целом не признает общей обязанности действовать добросовестно. Эстоппель закрывает эту брешь в конкретных случаях, где непоследовательность была бы несправедливой.

Гибкость в договорном праве: позволяет сторонам гибко менять условия договора без формального пере-

оформления, давая правовую силу обещаниям, которые иначе были бы лишены юридической силы (из-за отсутствия — встречного удовлетворения).

Земельное и наследственное право: активно применяется для разрешения споров о правах на землю, особенно в семейных и партнерских отношениях, где формальные документы не отражают реальных ожиданий сторон. Он позволяет суду по своему усмотрению определить справедливую компенсацию или передачу права.

Международный коммерческий арбитраж: Принцип эстоппеля (часто называемый принцип последовательности) признается многими правовыми системами и активно используется в международных спорах для пресечения недобросовестных процессуальных маневров.

Процессуальное право: Эстоппель продолжает выполнять свою изначальную функцию — препятствовать пересмотру уже решенных вопросов, что экономит ресурсы судов и укрепляет правовую определенность.

Несмотря на все свои положительные стороны, доктрина часто подвергается критике за излишнюю запутанность и казуистичность. Суды регулярно сталкиваются с трудностями, пытаясь единообразно применять её многочисленные разновидности. Существуют и строгие рамки для использования эстоппеля:

Бремя доказывания: Пострадавшей стороне необходимо убедительно доказать в суде как факт своей добросовестной опоры на обещание или заявление, так и реальный ущерб.

Приоритет закона: Этот принцип не может отменять нормы статутного права. Например, он бессильен против законодательных требований о письменной форме сделок купли-продажи земли.

Ограничение по сути: Эстоппель работает как щит, защищая от несправедливости, но он не является мечом для создания абсолютно новых прав «с нуля».

Путь этой доктрины — это трансформация из жёсткого процессуального барьера в гибкий и многогранный инструмент справедливости. Её развитие отражает главную дилемму английского права: вечное противостояние между сухим формализмом и жизненной необходимостью быть справедливым. В современном значении эстоппель является незаменимым инструментом для защиты добросовестных ожиданий, обеспечения последовательности в правовых отношениях и исправления несправедливости там, где формальное право оказывается бессильным. Несмотря на всю свою сложность, этот институт остаётся живым и постоянно развивается, успешно подстраиваясь под реалии цифровой эпохи и сложные корпоративные споры.

Литература:

1. Роор К. А. Понятие и сущность эстоппеля / К. А. Роор // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7. — С. 71–81.
2. Суспицына И. Третьейские и государственные суды: борьба за компетенцию / И. Суспицына // Корпоративный юрист: Практикум. — 2014. — № 6. — С. 18.
3. Crabb v Arun D. C. 1976. Ch 179 (CA)
4. Низамова, Г. Х. Доктрина непротиворечивого поведения (эстоппель) как правовое средство конвалидации оспоримой сделки // Власть Закона. — 2017. — 5. № 3 (31). — С. 217–223.

Нуждаемость получателя алиментов: порядок доказывания, рекомендации с учетом судебной практики

Пухова Вероника Александровна, студент;

Икоева Сабина Олеговна, студент;

Кудаченкова Дарья Игоревна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В работе рассматривается оценочная категория «нуждаемость» как основание для взыскания алиментов с нетрудоспособных родителей, супругов, совершеннолетних детей и других членов семьи. На основе анализа Семейного кодекса РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56, судебной практики и научной литературы рассмотрены подходы к определению нуждаемости получателя алиментов, распределено бремя доказывания нуждаемости, разработаны рекомендации по формированию доказательственной базы. Отмечается, что для несовершеннолетних детей и некоторых категорий супругов нуждаемость презюмируется. На примерах из судебной практики показаны типичные ошибки заявителей, приводящие к отказу в иске. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к доказыванию и активной роли суда.

Ключевые слова: нуждаемость, алименты, получатель алиментов, прожиточный минимум, доказывание, нетрудоспособность.

The financial need of the alimony recipient: standard of proof and recommendations based on case law

The paper examines the evaluative category of «need» as a legal ground for the recovery of alimony from disabled parents, spouses, adult children and other family members. Based on the analysis of the Family Code of the Russian Federation, Resolution No. 56 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017, judicial practice and scholarly literature, the author considers approaches to determining the need of the alimony recipient, allocates the burden of proving need, and develops recommendations for building an evidentiary base. It is noted that for minor children and certain categories of spouses, need is presumed. Typical mistakes of claimants that lead to dismissal of the claim are shown using examples from judicial practice. The conclusion is drawn about the necessity of an integrated approach to proof and an active role of the court.

Keywords: need, alimony, alimony recipient, subsistence minimum, proof, disability.

Российское законодательство, в частности семейное, содержит достаточно много оценочных категорий, что особенно касается правовых институтов с диспозитивным методом регулирования. Понятие «нуждаемости» получателя алиментов не закреплено легально, а судебная практика разнится в толковании, в связи с чем, его можно отнести к оценочной категории. Это означает, что допустимость применения данной категории решается судом с учетом обстоятельств каждого дела.

Как справедливо отмечает М. Ф. Лукьяненко, «правовые нормы с оценочными понятиями, обладая субъективно варьированностью, зависимостью от конкретных ситуаций, как бы «дотраиваются» применяющими их лицами применительно к какой-то конкретной ситуации. Это объясняется тем, что правовые нормы с оценочными понятиями могут реализовывать ситуативные значения и оттенки, приобретая определенное содержание лишь в конкретной ситуации» [7].

Необходимо провести разграничение понятий «нуждаемость» и «нетрудоспособность», так как оба условия являются необходимыми для возникновения алиментных обязательств в определенных законодательством случаях. В отличие от нуждаемости нетрудоспособность не является оценочной категорией. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 56): «под нетрудоспособными совершеннолетними лицами, имеющими право на алименты (статьи 85, 89, 90, 93–97 СК РФ), следует понимать лиц, признанных в установленном порядке инвалидами I, II или III группы, а также лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста». Для возникновения алиментного обязательства в указанных случаях необходимо одновременное состояние нуждаемости и нетрудоспособности, а также факт обладания предполагаемого плательщика алиментов необходимыми для выплаты средствами.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее — СК РФ) нуждаемость является одним из необходимых условий для возникновения алиментного обязательства между:

— нетрудоспособными совершеннолетними детьми и родителями (ст. 85 СК РФ);

— супругами и бывшими супругами (ст. ст. 89, 90 СК РФ). В данном случае нуждаемость является альтернативным условием наряду с иными, указанными законодателем;

— братьями (сестрами) и нетрудоспособными совершеннолетними братьями (сестрами) (ст. 93 СК РФ);

— бабушками (дедушками) и внуками (ст. ст. 94–95 СК РФ);

— воспитанниками и воспитателями (ст. 96 СК РФ);

— пасынками (падчерицами) и отчимом (мачехой) (ст. 97 СК РФ).

При этом, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 56: «требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка подлежит удовлетворению судом независимо от трудоспособности родителей, а также нуждаемости ребенка в алиментах» [4], что, по нашему мнению, дает право говорить о презумпции нуждаемости несовершеннолетних детей. То же самое можно сказать о беременной жене, супруге, фактически осуществляющем уход за общим ребенком в течение трех лет со дня его рождения либо уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком — инвалидом с детства I группы. Нуждаемость данных лиц не подлежит доказыванию.

Обращаясь к научной литературе, К. А. Шаймарданов и В. В. Тимофеев определяют нужду как «невозможность самостоятельно обеспечить свои жизненные потребности» [8]. С. П. Гришаев утверждает, что «обычно под нуждаемостью понимается: а) невозможность обеспечить свое существование; б) недостаточность государственной помощи — пенсий и пособий в связи с инвалидностью» [6]. По мнению А. В. Вишняковой, одним из условий для удовлетворения иска получателя алиментов на основании ст. 93 и 94 СК РФ является факт того, что «ребенок нуждается в помощи, т. е. у него нет имущества, иных средств (пенсия, пособие и др.) либо их не хватает для нормального развития и воспитания» [5].

Достаточно широкое понимание нуждаемости содержится в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей,

где указано, что для установления факта нуждаемости «суды проверяли, какие расходы несут совершеннолетние нетрудоспособные дети для удовлетворения всех необходимых и жизненно важных потребностей, достаточно ли пенсии и иной социальной помощи, получаемой за счет государства, для удовлетворения этих потребностей, какие иные доходы имеются у истца, а также выясняли материальное и семейное положение родителей», а также заслуживающим при рассмотрении дела внимания обстоятельством служит «нуждаемость совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка в дополнительном лечении, питании, уходе и т. п.». [3].

Например, решением мирового судьи Центрального района г. Калининграда был удовлетворен иск К. к своему отцу о взыскании алиментов в твердой денежной сумме на период нетрудоспособности истца (до окончания срока установления ему инвалидности). В качестве оснований для установления нуждаемости истца были приняты инвалидность II группы и тяжелое хроническое заболевание, требующие неоднократного обследования и лечения, в том числе в медицинском учреждении, расположенном в г. Москве, что несет расходы также на проезд к месту лечения. Истец обучается в колледже на дневном отделении на платной основе с ежегодной оплатой около 30 тыс. руб. и источником его дохода является пенсия по инвалидности. С учетом указанных обстоятельств судья пришел к выводу о том, что истец нуждается в материальной помощи и имеет право на получение содержания от своего родителя. При этом, определяя размер алиментов, суд учел также материальное и семейное положение ответчика [3].

Поскольку нуждаемость представляет собой оценочную категорию, её установление всецело зависит от качества и полноты доказательственной базы, представленной истцом. В соответствии со ст. 56 ГПК РФ каждая сторона доказывает те обстоятельства, на которые ссылается [1, ст. 56]. Применительно к алиментным делам это означает, что именно на истце лежит обязанность подтвердить как недостаточность собственных доходов, так и реальный объём необходимых расходов. Постановление Пленума ВС РФ № 56 ориентирует суды учитывать все источники дохода лица, наличие имущества, способного приносить доход, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства [4, п. 8]. Иначе говоря, предмет доказывания охватывает совокупность доходов и расходов, а не отдельные их элементы. Суд, в свою очередь, обязан оценить относимость, допустимость, достоверность и достаточность (ст. 67 ГПК РФ). Специфика семейных дел такова, что суд вправе по собственной инициативе запрашивать сведения о счетах через ФНС и банки, так как сторона часто скрывает свои доходы или имущество, пытаясь казаться беднее.

Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда РФ 2015 года суды при рассмотрении дел о взыскании алиментов на супругов, бывших супругов, совершеннолетних детей и иных лиц, для кого состояние нуждаемости яв-

ляется обязательным обстоятельством, суды проверяли: какие расходы несёт истец для удовлетворения необходимых и жизненно важных потребностей; достаточно ли пенсии и иной социальной помощи для их удовлетворения; какие иные доходы имеются у истца; каково материальное и семейное положение родителей [3]. Данный перечень фактически образует стандарт доказывания нуждаемости, поскольку его несоблюдение, как правило, влечёт отказ в иске. К числу типичных ошибок истцов относятся абстрактные ссылки на тяжёлое материальное положение без конкретных расчётов, непредставление документов о расходах на лечение при наличии хронических заболеваний, а также отсутствие сведений о составе семьи и об иных иждивенцах.

Для практического доказывания нуждаемости рекомендуется формировать две группы доказательств. По доходам необходимо представить: справку Социального фонда России о размере пенсии или иных выплат; справку о заработной плате либо об её отсутствии; сведения о пособиях; выписки по банковским счетам за последние 3–6 месяцев. При наличии у истца недвижимости или иного имущества, следует заблаговременно подтвердить, что оно не приносит дохода (договор личного пользования либо акт о неудовлетворительном техническом состоянии). По расходам ключевыми доказательствами являются: медицинские документы с назначениями врачей, чеки на лекарства и процедуры, квитанции ЖКХ. Прожиточный минимум, установленный в субъекте РФ по месту жительства истца, служит ориентиром минимально необходимого уровня потребления в соответствии со ст. 117 СК РФ [2], хотя сам по себе не является абсолютным критерием нуждаемости.

Наглядным примером неудовлетворительного результата вследствие ненадлежащего доказывания демонстрирует дело, приведённое в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ 2015 года: апелляционным определением Междуреченского городского суда Кемеровской области было отменено решение о взыскании алиментов с отца в пользу совершеннолетнего ребенка, обучающегося в 11 классе, поскольку суд первой инстанции ошибочно признал его нетрудоспособным и нуждающимся без надлежащего исследования доказательств. Суд апелляционной инстанции констатировал, что одного указания на обучение и недостаточную материальную поддержку отца недостаточно для установления нуждаемости, так как требуется доказать невозможность обеспечить себя самостоятельно [3]. Таким образом, формальный подход к сбору доказательств систематически влечёт отказ в иске.

Важным аспектом является также исследование материального положения ответчика. Пленум ВС РФ № 56 обязывает суды учитывать имущественное и семейное положение плательщика алиментов, в том числе наличие у него иных иждивенцев [4]. Истцу следует своевременно ходатайствовать об истребовании сведений о доходах ответчика из налоговых органов и Социального фонда, если

тот уклоняется от их раскрытия. С учётом изложенного предлагается следующий алгоритм: составить расчёт соотношения доходов и расходов с первичными документами по каждой статье; при нуждаемости по состоянию здоровья приложить медицинские документы с указанием стоимости лечения; подтвердить отсутствие иных источников дохода; при необходимости ходатайствовать о запросе сведений о доходах ответчика. Соблюдение этого алгоритма позволяет существенно снизить процессуальные риски и сформировать доказательственную

базу, отвечающую требованиям, предусмотренным ст. 57 ГПК РФ.

Таким образом, категория «нуждаемость» в алиментном праве остаётся одной из наиболее сложных для правоприменения в силу своей оценочной природы и отсутствия законодательно закреплённых критериев. Законодательное закрепление понятия нуждаемости получателя алиментов, критериев ее определения, сократило бы количество судебных споров и облегчило бы процесс сбора доказательств сторонами.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ: ред. от 09.04.2026. — Текст: электронный // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026 — Текст: электронный // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015. — Текст: электронный // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 7.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56. — Текст: электронный // Российская газета. — 2017. — 29 декабря. — № 297.
5. Вишнякова А. В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Вишнякова. — 3-е изд., испр., доп., перераб. — Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2011. — 412 с.
6. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / С. П. Гришаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант», 2018.
7. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М. Ф. Лукьяненко. — Москва: Статут, 2010. — С. 47–48.
8. Шаймарданов К. А. Алиментные обязательства других членов семьи / К. А. Шаймарданов, В. В. Тимофеев. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2025. — № 10 (91). — С. 45–49.

Создание и государственная регистрация юридических лиц

Рустамов Русланбек Уткирбекович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует сущность создания и государственную регистрацию юридических лиц.

Ключевые слова: государство, регистрация, юридическое лицо.

Государственная регистрация юридических лиц в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1] (далее — Закон № 129-ФЗ). Регистрация направлена на внесение в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) достоверных и полных сведений о юридическом лице и его учредителях (участниках), а также на выдачу (направление) документов, подтверждающих факт внесения записей.

Регистрирующим органом выступает Федеральная налоговая служба и её территориальные органы в порядке,

установленном законодательством. Такая концентрация функций сопряжена с задачами налогового администрирования и снижения административной нагрузки на бизнес за счёт единого «окна» взаимодействия, но одновременно повышает значение корректности сведений, поскольку ошибки в реестре отражаются на налоговых правоотношениях.

Общий механизм регистрации включает подготовку комплекта документов, выбор способа подачи, уплату государственной пошлины, принятие документов регистрирующим органом, их рассмотрение и принятие решения о государственной регистрации либо об отказе в ней.

На этапе подготовки документов заявитель формирует заявление по установленной форме, учредительные документы (устав, решение единственного учредителя или протокол общего собрания, учредительный договор при наличии оснований), документы о юридическом адресе, сведения об учредителях, документы об оплате уставного капитала если применимо, а также иные документы, предусмотренные законом для конкретного вида организации. Существенное значение имеет корректность сведений о наименовании и адресе, поскольку ошибки в этих блоках чаще всего приводят к отказу или приостановлению регистрации.

Этап подачи документов включает проверку полномочий подписанта: при подаче через представителя необходима доверенность, а при подаче нотариусом соблюдение процедуры электронного документооборота. При электронной подаче значение приобретают квалифицированная электронная подпись, форматы файлов, целостность пакета и отсутствие вирусного заражения вложений.

Этап регистрационного учета включает присвоение регистрирующим органом учетных реквизитов и фиксацию сведений, необходимых для идентификации юридического лица в реестре. Для заявителя важно понимать различие между «принятием документов» и «государственной регистрацией»: правовые последствия наступают при внесении записи в ЕГРЮЛ.

После подачи документов регистрирующий орган проверяет их на соответствие требованиям законодательства о регистрации. При отсутствии оснований для отказа и приостановления регистрации вносится запись в ЕГРЮЛ, а заявителю направляется (выдается) лист записи. С даты внесения соответствующей записи юридическое лицо считается созданным.

Закон устанавливает сроки, в течение которых регистрирующий орган должен принять решение о государственной регистрации либо об отказе в ней. Конкретная продолжительность срока и порядок исчисления закрепляются актуальной редакцией Закона № 129-ФЗ и подзаконными актами и подлежат проверке на дату обращения. Для заявителя сроки важны при планировании банковского счёта, заключения контрактов и найма персонала; нарушение срока регистрации может повлечь административную ответственность регистрирующего органа и судебную защиту прав заявителя.

Помимо первичной регистрации при создании, механизм ЕГРЮЛ обеспечивает регистрацию изменений учредительных документов, смену руководителя, изменение адреса, увеличение уставного капитала, внесение сведений о филиалах, залоге долей и многих иных событий. Каждое такое заявление имеет собственный перечень документов и оснований для отказа, но общие принципы остаются: исчерпывающая основа для отказа, формальная определенность требований, публичность результатов.

Для реорганизации характерен особый порядок: последовательность уведомления кредиторов, промежуточные записи, регистрация правопреемников и прекращение реорганизуемых лиц в зависимости от вида реорганизации. Нарушение процедуры реорганизации может повлечь отказ в регистрации либо споры о правопреемстве.

Информационная открытость реестра усиливает роль регистрации как института доверия: контрагенты могут проверить полномочия подписантов, статус организации, сведения об адресе и участии в реорганизации.

Выписка из ЕГРЮЛ используется в банках, на тендерах, при нотариальном удостоверении сделок, в суде. Это превращает регистрацию из «внутренней процедуры учредителей» в элемент публичной инфраструктуры делового оборота. Поэтому достоверность сведений и своевременность их обновления становятся элементами репутационного и правового риска компании.

Отдельный пласт процедур связан с взаимодействием с банком при внесении сведений об уставном капитале и с открытием расчетного счёта: банк проверяет документы и реестр, а организация не может полноценно работать в безналичном обороте без счёта. Хотя открытие счёта не является актом государственной регистрации, оно демонстрирует практическую цепочку «регистрация идентификация оборот».

Важным элементом механизма является электронный документооборот: использование усиленной квалифицированной электронной подписи, электронных форм заявлений и интеграция с государственными информационными системами ускоряют регистрацию но повышают требования к технической грамотности заявителя и к корректности электронных документов.

Отдельно следует учитывать взаимосвязь регистрации с налоговым учетом: ФНС России выступает регистрирующим органом, что обеспечивает единство данных о создании юридического лица и его постановке на учет, но также означает необходимость соблюдения требований к сведениям, используемым в налоговых целях.

Для системного понимания этапов можно выделить:

- корпоративное решение и подготовка пакета;
- уплата пошлины и фиксация платежа;
- подача и присвоение входящего номера;
- формальная экспертиза комплекта;
- внесение записи или принятие решения об отказе/приостановлении;
- получение листа записи и дальнейшее использование сведений в обороте.

Это помогает распределить ответственность между учредителями, корпоративным секретарем, юристом и бухгалтерией.

Таким образом, регистрационный механизм тесно связан с противодействием недобросовестным практикам. Именно поэтому законодатель периодически ужесточает требования к адресу и к идентификации бенефициаров, балансируя между контролем и доступностью регистрации для добросовестного бизнеса.

Литература:

1. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ (последняя редакция) 8 августа 2001 года N 129-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2021. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.
4. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть. М.: Статут, 2019.
5. Габов А. В., Гутников О. В., Сеницын С. А. Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 1. М.: Статут, 2020.

Особенности уголовно-правовой квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Семёнов Арсен Умарович, студент магистратуры
Научный руководитель: Каракетова Анжела Хусеевна, старший преподаватель
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Анализируются объективные и субъективные признаки таких преступлений, проблемы установления публичности, а также сложности разграничения террористических и экстремистских деяний. Особое внимание уделяется вопросам квалификации действий в цифровой среде и установления умысла виновных лиц. Делается вывод о необходимости совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: терроризм, информационный терроризм, Интернет, уголовная ответственность, квалификация преступлений, экстремизм, цифровая среда.

Современное развитие информационно-телекоммуникационных технологий существенно изменило характер общественных отношений и одновременно привело к появлению новых форм преступной деятельности, в том числе террористической направленности. Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали не только средством коммуникации, но и эффективным инструментом распространения террористической идеологии, вербовки новых участников и координации противоправной деятельности.

Следует отметить, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит легального определения понятия «информационный терроризм», однако предусматривает ответственность за ряд преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационных технологий. В частности, речь идет о преступлениях, предусмотренных статьями 205.2, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ, а также иными нормами, направленными на противодействие террористической деятельности.

Использование информационно-телекоммуникационных сетей не изменяет сущности террористических преступлений, однако существенно влияет на способ их совершения, расширяет масштабы распространения ин-

формации и осложняет процесс выявления и доказывания. В этой связи цифровая среда выступает не только средством совершения преступления, но и самостоятельным пространством реализации террористической активности.

Особенности объективной стороны рассматриваемых преступлений проявляются прежде всего в способе распространения информации террористического характера. Размещение материалов в сети Интернет обеспечивает доступ к ним неопределенного круга лиц, что позволяет квалифицировать такие действия как публичные при условии открытого характера размещения либо возможности свободного доступа пользователей.

При этом важное значение имеет установление направленности информации на формирование террористических установок, оправдание терроризма либо вовлечение лиц в террористическую деятельность. В подобных случаях нередко требуется проведение психолого-лингвистических экспертиз, позволяющих установить смысловое содержание распространяемых материалов и их потенциальное воздействие на аудиторию.

Отдельные сложности возникают при квалификации действий, связанных с вербовкой и склонением лиц к участию в террористической деятельности посредством сети Интернет. Такие действия, как правило, осуществляются

через социальные сети, мессенджеры и закрытые интернет-сообщества. Их отличительной особенностью является поэтапный характер воздействия на лицо, включающий формирование доверительных отношений, идеологическое влияние и последующее вовлечение в противоправную деятельность.

Субъективная сторона преступлений террористической направленности характеризуется, как правило, прямым умыслом и наличием специальной цели, связанной с осуществлением террористической деятельности, оправданием терроризма либо вовлечением новых участников. Вместе с тем установление субъективной стороны в условиях цифровой среды представляет значительную сложность в связи с использованием анонимных аккаунтов, средств шифрования и иных технологий сокрытия личности.

Особую научную и практическую проблему представляет разграничение террористических и экстремистских преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях. Несмотря на схожесть отдельных признаков, данные категории преступлений различаются по направленности умысла и характеру общественной опасности. Террористическая деятельность связана с устрашением населения и воздействием на органы власти, тогда как экстремизм выражается в возбуждении ненависти или вражды.

На практике разграничение указанных составов осложняется схожестью используемых информационных материалов и форм распространения контента в сети Интернет. В этой связи решающее значение приобретают анализ контекста публикации, цели виновного лица и характер предполагаемого воздействия на общественные отношения.

Существенные трудности вызывает и правоприменительная практика, связанная с установлением личности виновного, фиксацией цифровых доказательств и оценкой

их допустимости. Использование современных технологий анонимизации и трансграничный характер информационных потоков значительно осложняют расследование преступлений террористической направленности.

Вместе с тем анализ судебной практики свидетельствует о формировании более взвешенного подхода к оценке интернет-контента, при котором учитываются не только формальные признаки публикации, но и её содержание, контекст, аудитория распространения и поведение лица.

Таким образом, информационно-телекоммуникационные сети выступают важнейшим фактором трансформации террористической деятельности, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правовых и криминалистических механизмов противодействия данным преступлениям.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Использование информационно-телекоммуникационных сетей существенно расширяет возможности совершения преступлений террористической направленности.

Цифровая среда не изменяет сущность террористических преступлений, но влияет на способы их совершения и доказывания.

Ключевое значение для квалификации имеет установление публичности и направленности информации.

Основные сложности связаны с установлением субъективной стороны и личности виновного.

Разграничение террористических и экстремистских преступлений требует учета контекста и цели деяния.

Таким образом, эффективное противодействие террористическим преступлениям в цифровой среде возможно лишь при комплексном совершенствовании уголовного законодательства, правоприменительной практики и экспертных методик исследования цифровой информации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1.
4. Антонян Ю. М. Терроризм: криминологическое исследование. М., 2019.
5. Кибальник А. Г. Преступления террористической направленности. М., 2020.
6. Коробеев А. И. Противодействие терроризму в цифровой среде // Законность. 2022. № 9.

Информационный терроризм: криминологические и уголовно-правовые проблемы предупреждения в информационно-телекоммуникационной среде

Семёнов Арсен Умарович, студент магистратуры

Научный руководитель: Каракетова Анжела Хусеевна, старший преподаватель

Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье рассматриваются актуальные криминологические и уголовно-правовые проблемы предупреждения террористической деятельности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Анализируются факторы цифровой радикализации личности, особенности распространения террористического контента

в сети Интернет, а также проблемы квалификации соответствующих деяний. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования уголовно-правовых и организационных мер противодействия информационному терроризму.

Ключевые слова: терроризм, информационный терроризм, Интернет, криминология, уголовное право, цифровая радикализация, предупреждение преступлений.

Цифровизация общественных отношений обусловила существенное изменение форм и способов совершения преступлений террористической направленности. Информационно-телекоммуникационная среда в современных условиях выступает не только инструментом коммуникации, но и самостоятельной площадкой распространения террористической идеологии, вербовки участников и координации противоправной деятельности.

В научной доктрине отмечается, что террористические организации активно используют сеть Интернет для достижения своих целей, включая пропаганду насилия, формирование идеологической базы, а также вовлечение новых лиц в преступную деятельность. При этом высокая доступность цифровых технологий и анонимность пользователей существенно расширяют возможности террористических структур.

Криминологические факторы террористической деятельности в информационной среде

Одним из ключевых факторов распространения террористической активности в сети Интернет является процесс цифровой радикализации личности. Под данным явлением понимается постепенное формирование у лица устойчивых экстремистских установок под воздействием информации, распространяемой в информационно-телекоммуникационных сетях.

Процесс радикализации, как правило, носит поэтапный характер: от формирования социальной неудовлетворенности до полного принятия террористической идеологии и готовности к участию в противоправной деятельности.

Особую роль играет воздействие социальных сетей и алгоритмов персонализированной выдачи контента, формирующих так называемые «информационные пузыри», в рамках которых пользователь получает преимущественно однородную по содержанию информацию радикального характера.

Значительное влияние оказывают и социально-психологические факторы, включая чувство социальной изоляции, кризис идентичности, низкий уровень правовой культуры и восприимчивость к манипулятивному воздействию.

Отдельного внимания заслуживает вовлечение молодежи в террористическую деятельность посредством сети Интернет, что обусловлено высокой активностью данной категории в цифровой среде и недостаточной сформированностью устойчивых мировоззренческих ориентиров.

Технологические факторы также играют важную роль. К ним относятся анонимность пользователей, использование средств шифрования, VPN-сервисов, а также

закрытых каналов коммуникации, что существенно затрудняет выявление и пресечение противоправной деятельности.

Кроме того, трансграничный характер информационно-телекоммуникационной среды позволяет террористическим организациям осуществлять деятельность вне зависимости от государственных границ, что осложняет реализацию мер уголовного преследования.

Уголовно-правовые проблемы предупреждения террористической деятельности

Существенной проблемой является отсутствие в действующем законодательстве легального определения информационного терроризма. В результате квалификация соответствующих деяний осуществляется через общие составы преступлений террористической направленности, предусмотренные главой 24 УК РФ.

На практике возникают сложности при квалификации действий, связанных с распространением террористического контента в сети Интернет, в частности при разграничении публичных призывов к террористической деятельности и иных форм выражения мнений.

Проблемным остается и вопрос определения признака публичности в цифровой среде, особенно в случаях распространения информации через закрытые интернет-сообщества или мессенджеры.

Значительные трудности вызывает доказывание преступлений данной категории, что связано с удалемостью цифровых следов, использованием технологий анонимизации и необходимостью применения специальных знаний в области информационных технологий.

Отдельной проблемой является трансграничный характер преступной деятельности, при котором серверы и пользователи могут находиться в различных юрисдикциях, что затрудняет применение национального уголовного законодательства.

Заключение

Таким образом, предупреждение террористической деятельности в информационно-телекоммуникационной среде представляет собой сложную комплексную проблему, включающую как криминологические, так и уголовно-правовые аспекты.

Ключевыми факторами распространения информационного терроризма выступают процессы цифровой радикализации, особенности функционирования социальных сетей, а также технологические возможности анонимного распространения информации.

Существующие уголовно-правовые механизмы требуют дальнейшего совершенствования в части квалификации преступлений, определения признаков публичности и повышения эффективности доказывания в цифровой среде.

Решение указанных проблем возможно только при условии комплексного развития уголовного законодательства, правоприменительной практики и профилактических мер противодействия терроризму.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях террористической направленности».
4. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. — М.: Юрайт, 2021.
5. Агапов П. В. Противодействие терроризму: уголовно-правовой и криминологический аспекты. — М.: Проспект, 2020.

Основные проблемы наследования по завещанию

Сиганов Вахтанг Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Виноградов Андрей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с наследованием по завещанию. Автор анализирует основные юридические аспекты, влияющие на действительность завещания, а также проблемы, связанные с его исполнением. Особенное внимание уделяется вопросам формальных требований к завещанию, правовой защите интересов наследников, а также возможным конфликтам между ними.

Ключевые слова: наследование по завещанию, наследство, наследники, завещание, правовые проблемы.

Основным источником права, регулирующим наследование в России, является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Четкая дефиниция наследования в нем отсутствует, однако, прибегая к толкованию ст. 1110 ГК РФ, понятие наследования можно истолковать как «переход имущества умершего к другим лицам в порядке универсального правопреемства». При этом указывается, что из данной нормы могут быть исключения.

В Гражданском кодексе перечислены различные завещательные распоряжения, включая завещательный отказ (статьи 1137 и 1138) и завещательное возложение (статья 1139). Это обозначает, что завещатель может возложить на Российскую Федерацию обязанность исполнять завещательный отказ или возложение за счёт наследственной массы. На практике это довольно часто проявляется в виде обязательства предоставить право пожизненного пользования жилым помещением, входящим в наследственную массу. Легальное право на использование жилплощади становится обременением для данного объекта недвижимости и сохраняется при сделках, опосредующих объекта в собственность или пользование в течение жизни лица, обладающего правом пожизненного пользования данным помещением.

Необходимость обсуждения проблемы обременения жилого помещения завещательным отказом является

одной из актуальных тем в юридической литературе и правоприменительной практике [2, с.28–31].

В частности, некоторые исследователи подчеркивают, что для защиты интересов наследников следует ввести компенсацию за право пожизненного пользования. [3, с.30]. Также представляется целесообразным закрепить законодательную презумпцию возмездного проживания лиц, получивших отказ, в доме наследника и обязывать их компенсировать владельцу расходы на содержание жилой площади. Т. И. Зайцева обоснованно указывает на то, что в случае перехода наследственного имущества к Российской Федерации в соответствии со статьёй 1151 ГК РФ, обязательство по исполнению завещательного отказа также переходит к ней. [4, с.190]. Для упрощения механизма исполнения таких распоряжений разумно назначить в завещании исполнителя (душеприказчика).

Говоря о наследовании по завещанию, цивилисты спорят об универсальном характере правопреемства, которое закон трактует как переход имущества «в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент». Дело в том, что в соответствии с завещанием, имущество может быть разделено на доли, то есть не представлять собою единое целое, а доли могут быть предназначенные для разных наследников, которые, в свою очередь, могут

в разное время фактически принять это имущество (не в один и тот же момент). То есть можно говорить и о сингулярности правопреемства. Сингулярный характер правопреемства по завещанию отстаивал, например, В. И. Серебровский. Он утверждал, что универсальность действительно теряется при раздроблении имущества на доли, а также при включении в завещание завещательного отказа (обременении некоторых наследников дополнительными обязательствами в пользу третьих лиц) или возложения (обременении дополнительными обязанностями нематериального характера) для некоторых наследников. [5, с.231]. Однако сингулярность здесь является исключением из правила, так как касается только имущественных отношений между наследником и откалополучателем. Для наследования по завещанию необходимо само завещание, которое будет оформлено надлежащим образом, далее — это открытие наследства и ситуация, когда наследники готовы принять наследство.

Еще одной критически важной проблемой являются возрастные ограничения для оформления завещания. Согласно действующему законодательству, лишь дееспособные граждане способны принимать решения о составлении завещания, что может вызывать определенные трудности при планировании наследства. Как правило, малолетние лица имеют законных представителей, которые действуют от их имени при наследственном принятии, вне зависимости от его формы.

Однако А. Е. Тарасова высказывает иную точку зрения, утверждая, что малолетние граждане могут фактически принимать наследство, используя все связанные с этим правовые последствия [6, с.187]. Она опирается на пункт 2 статьи 28 Гражданского кодекса Российской Федерации, который позволяет малолетним самостоятельно совершать сделки, приводящие к безвозмездному получению выгоды, не требующие нотариального удостоверения или государственной регистрации. Она предлагает уточнять условия принятия наследства для малолетних и несовершеннолетних, находящихся в возрасте от 14 до 18 лет, которое могло бы в статье 1152 Гражданского кодекса сузить действие этого пункта и устранить потенциальные правовые неопределенности.

Согласно пункту 3 статьи 37 Конституции Российской Федерации, опекун и попечитель, а также их супруги и близкие родственники не имеют права совершать сделки с подопечными. Исключение составляют лишь случаи дарения имущества или предоставления его в безвозмездное пользование. Это правило распространяется также на родителей и усыновителей, действующих как законные представители несовершеннолетних (пункт 1 статьи 28 Гражданского кодекса).

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет лишены возможности составлять завещания. В то же время, принимая во внимание, что они могут быть владельцами имущества, целесообразно внести изменения

в пункт 2 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации, чтобы расширить их права в области наследования. Предлагается дать несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет право завещать свои доходы, которые являются их личным заработком, включая средства, находящиеся на счетах в кредитных учреждениях. Ограниченно дееспособные лица должны также иметь возможность самостоятельно завещать своё имущество без необходимости получения согласия попечителя или органов опеки [7, с.51].

Актуальные вопросы, касающиеся реформы наследственного законодательства, включают в себя такой аспект, как совместное завещание супругов. На практике могут возникать сложности, связанные с последствиями недействительности этих завещаний и изменениями их содержания.

Н. А. Ешкилева отмечает, что совместное завещание предоставляет каждому супругу информацию о намерениях другого, что крайне важно, учитывая возможность скрытия завещаний [8, с.39–43]. Каждый из супругов, оформляющих совместное завещание, получает уведомление от нотариуса в случае изменений или отмены такого завещания другим супругом. Это позволяет актуализировать меры по защите имущественных прав. Несмотря на то, что сами условия нового завещания могут оставаться конфиденциальными, факт изменения документа одним из супругов может подтолкнуть другого к действиям по защите своих интересов, включая возможное расторжение брака.

Необходимо также обратить внимание на возможность существования нескольких наследников — как назначенного, так и основного. Это может привести к правовым коллизиям, поскольку современное законодательство не дает четких инструкций по распределению прав в подобных ситуациях.

Следовательно, отказ от наследства открывает двери для назначения альтернативного наследника. Гражданский кодекс также указывает, что завещатель имеет право назначить нового наследника на случай, если первоначально указанное лицо не доживет до открытия наследства.

Недостаток четкого правового регламента наследования и учета выморочного имущества вызвал в судебной практике проблемы с определением юридической судьбы невостребованных земельных долей, относящихся к общей долевой собственности на земельные участки, используемые в сельском хозяйстве.

Наконец, вопрос наследования для иностранцев остается актуальной проблемой, требующей дополнительных правовых разъяснений, включая вопросы о применении законодательства и действительности завещания, времени и месте открытия наследства, а также порядке и сроках принятия наследства. Кроме того, стоит обратить внимание на проблему недействительности завещаний от пожилых и серьезно больных граждан, что также требует выделения отдельного законодательного подхода.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 2001. 28 ноября.
2. Живихина, И. Б. Право пользования жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу / И. Б. Живихина // Наследственное право. 2015. № 2. С. 28–31.
3. Бумажникова, О. В. Компенсация при установлении завещательного отказа / О. В. Бумажникова // Нотариус. 2014. № 3. С. 30.
4. Зайцева, Т. И. Настольная книга нотариуса: в 4 т. Т. 3: Семейное и наследственное право в нотариальной практике / под ред. И. Г. Медведева / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издатель, 2015. 190 с.
5. Серебровский, В. И. Очерки советского наследственного права / В. И. Серебровский. М.: Издатель, 2003. 231 с.
6. Тарасова, А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях / А. Е. Тарасова. М.: Издатель, 2008. 320 с.
7. Ананьева, К. Я., Хлыстов, М. В. Наследники и иные лица как участники наследственного правоотношения / К. Я. Ананьева, М. В. Хлыстов // Наследственное право. 2015. № 2. С. 51.
8. Ешкилева, Н. А. Совместное завещание супругов — новый институт российского наследственного права / Н. А. Ешкилева // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3 (60). С. 39–43.

Причины и условия совершения мошенничества в сфере компьютерной информации

Сидоркин Михаил Дмитриевич, студент

Научный руководитель: Битшева Альбина Владимировна, старший преподаватель

Казанский юридический институт МВД России

В данной статье автором определен причинно-условный комплекс совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, а также основные тенденции в исследуемой области.

Ключевые слова: *мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, киберпреступность, информационная безопасность.*

Актуальность исследования причин и условий совершения мошенничества в сфере компьютерной информации предопределена совокупностью структурных изменений современного общества. Впервые, значительная часть общественных отношений переместилась в цифровую среду: в киберпространстве реализуются предпринимательские сделки, осуществляются банковские расчёты, предоставляются государственные и муниципальные услуги, формируются правовые коммуникации между гражданином и публичной властью. Вовторых, ускоренное развитие информационных технологий создало инфраструктурные предпосылки для ведения полноценной экономической деятельности посредством сети Интернет, что одновременно расширило и спектр криминальных возможностей. Втретьих, сохраняется проблема фактической безнаказанности части злоумышленников: потерпевшие нередко воздерживаются от обращения в правоохранительные органы, полагая подобные действия неэффективными; прослеживаемость электронных транзакций осложнена, а относительно небольшой размер причинённого ущерба не всегда позволяет инициировать уголовное преследование. Наконец,

способы совершения преступлений динамично трансформируются вследствие постоянного обновления программного обеспечения и аппаратных решений.

Для выявления причинного комплекса мошенничества в сфере компьютерной информации требуется предварительное определение категорий «причины» и «условия» преступности. В криминологической теории под причинами преступности понимаются социальные явления и процессы.

К числу типичных причин преступности относят влияние социального окружения (вовлечённость в криминальные группы, пребывание в конфликтной или насильственной среде), неблагоприятные экономические факторы (безработица, имущественное расслоение, нестабильность доходов), дефицит образования и социальной адаптации, а также индивидуальнопсихологические характеристики личности (низкий самоконтроль, агрессивность, склонность к девиантному поведению). Указанные элементы не исчерпывают причинного ряда, однако формируют его базовую структуру.

Отличие от причин, условия преступности не порождают преступное поведение непосредственно, однако создают благоприятную среду для его реализации.

В доктрине условия определяются как совокупность обстоятельств социальной жизни, способствующих возникновению и существованию преступности. Ряд криминологов предлагает подразделять их на сопутствующие (формирующие общий фон), необходимые (без которых событие могло бы не наступить) и достаточные (совокупность необходимых условий, обеспечивающих реализацию деяния).

Применительно к мошенничеству в сфере компьютерной информации причинно-условный комплекс включает ряд взаимосвязанных факторов.

Цифровая экспансия и рост объёма данных. Массовое распространение персональных компьютеров, мобильных устройств и сетевых сервисов привело к резкому увеличению числа пользователей и объёма цифровой информации.

Недостаточность мер информационной безопасности. Организационные и технические просчёты формируют благоприятную среду для совершения преступлений. Существенную роль играет и управленческая недооценка рисков.

Технические уязвимости программного и аппаратного обеспечения. Уязвимости проектирования, реализации и конфигурации программных продуктов, а также дефекты микропрограмм и интерфейсов создают возможности для несанкционированного доступа и манипулирования данными.

Глобальная сетевизация. Возможность трансграничного обмена информацией, заключения сделок и проведения платежей через глобальные сети облегчает реализацию мошеннических схем.

Техническая оснащённость преступной деятельности. Применение современных вычислительных средств, вредоносного программного обеспечения, автоматизированных инструментов подбора паролей и фишинговых технологий расширяет масштаб и снижает издержки противоправных действий.

Уязвимость электронной почты и коммуникационных каналов. Отсутствие гарантированной аутентификации отправителя, возможность модификации сообщений при передаче, выбор недостаточно стойких алгоритмов шифрования, а также воздействие вредоносных программ обуславливают риски компрометации данных.

Человеческий фактор. Пренебрежение базовыми правилами информационной гигиены существенно повышает вероятность виктимизации.

Кадровые и организационные риски. Недостатки в оформлении трудовых отношений, отсутствие соглашений о конфиденциальности, несоответствие фактиче-

ских условий труда локальным актам и иные управленческие просчёты формируют дополнительные угрозы утечки информации и злоупотреблений.

Недостаточная подготовка правоохранительных органов. Ограниченный уровень специализированных знаний и практических навыков в области цифровых технологий затрудняет своевременное предупреждение и расследование киберпреступлений.

Дефицит межведомственной координации. Отсутствие устойчивых механизмов взаимодействия государственных структур, финансовых организаций и операторов связи снижает эффективность противодействия киберугрозам. В научных работах предлагаются меры по созданию единой системы обмена информацией, формированию координационных центров и расширению сотрудничества с бизнесом и гражданским обществом.

Способы совершения мошенничества в сфере компьютерной информации варьируются от хищения уникальных данных и блокирования учётных записей с последующим вымогательством до внедрения вредоносных программ, изменения реестровых данных и использования фишинговых схем. Распространены подмена доменных имён, создание сайтов-двойников, распространение заражённых файлов под видом официальных документов. В этих условиях Банк России рекомендует применять комплекс профилактических мер: регулярное обновление антивирусного программного обеспечения, контроль источников загрузки файлов, проверку защищённости соединения и адресной строки сайта.

Дополнительно выделяются объективные условия (характер деятельности потерпевшего, форма собственности, категория защищённости информации) и субъективные (нарушение технологических регламентов, несоответствие средств защиты уровню конфиденциальности, управленческие просчёты). Существенное значение имеют анонимность и мобильность сетевых коммуникаций, позволяющие злоумышленникам действовать дистанционно и трансгранично при минимальных издержках.

Таким образом, причинноусловный комплекс мошенничества в сфере компьютерной информации формируется под воздействием цифровизации, технических уязвимостей, организационных просчётов и человеческого фактора, усиливаемых трансграничностью и анонимностью сетевой среды. Комплексный характер данных факторов предопределяет необходимость междисциплинарного подхода к предупреждению рассматриваемых преступлений.

Литература:

1. Афанасьева, О. Р. Криминология и предупреждение преступлений: учебник и практикум для среднего профессионального образования / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — С. 96.
2. Криминология. Общая часть: учебник для вузов / В. П. Ревин, В. Д. Малков, В. В. Ревина, Ю. С. Жариков. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — С. 88.

3. Квятковский, К. С. Преступления в сфере компьютерной информации, компьютерные преступления и киберпреступность: соотношение понятий / К. С. Квятковский // Молодой ученый. — 2022. — № 42(437). — С. 109.
4. Центробанк предупредил бухгалтеров о мошенниках // URL: <https://www.consultantkirov.ru/news/news-from-igk/tsentrobank-predupredil-bukhgalterov-omoshennikakh.html> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Винокурова, Е. А. Некоторые особенности развития мошенничества в интернете в Российской Федерации / Е. А. Винокурова // Инновации в науке и практике: Сборник трудов по материалам Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 30 мая 2020 года. — Уфа: НИЦ «Вестник науки», 2020. — С. 99.
6. Ульянов, М. В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения / М. В. Ульянов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 4(35). — С. 105.

Право пользования жилым помещением бывших членов семьи собственника: формирование практики применения

Султонова Малика Зафаржонова, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Ключевые слова: бывший член семьи собственника жилого помещения, право пользования.

Говоря об определении права пользования жилым помещением бывших членов семьи собственника, следует отметить, что проблема правового статуса данной категории лиц является актуальной в настоящее время. Несмотря на исследования, проведенные теоретиками гражданского права, ряд вопросов на сегодняшний день по-прежнему остается недостаточно разработанным. Так, например, дискуссионными являются вопросы, связанные с определением объема прав и обязанностей собственника жилого помещения по отношению к бывшим членам семьи собственника, а также с механизмом реализации жилищных прав указанных лиц при прекращении права собственности на данное жилое помещение. Дополнительно хотелось бы отметить, что отсутствие четко сформулированных критериев правового статуса бывшего члена семьи собственника жилого помещения порождает неоднозначную правоприменительную практику.

Определение категорий членов семьи закреплено в ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) [1], где указано, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Следует подчеркнуть, что действующее законодательство и сформировавшаяся судебная практика не связывают признание лица членом семьи собственника жилого помещения с обязательным наличием совместного хозяйства, материальной поддержки либо взаимной помощи между такими лицами. Законодатель также предусматривает возможность признания членами семьи собственника помещения иных родственников в том случае, если собственник жилого помещения дал согласие на вселение их в жилое помещение в качестве члена семьи. В связи с тем, что круг лиц, которые являются членом

семьи собственника жилого помещения не ограничен, в судебной практике нередко возникают споры, а также противоречия. В свою очередь бывшим членом семьи собственника являются лица, с которыми прекращены семейные правоотношения, в результате чего утрачивается правовая связь с собственником жилого помещения.

По общему правилу бывший член семьи собственника жилого помещения утрачивает право пользования жилым помещением в том случае, если семейные отношения прекращаются. Согласно позиции, отраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [2], о прекращении семейных отношений могут свидетельствовать расторжение брака, признание его недействительным, а также прекращение ведения общего хозяйства, отсутствие общего бюджета, совместного быта и взаимной поддержки между сторонами. Одним из обстоятельств, которое может свидетельствовать о прекращении семейных отношений, является переезд лица на постоянное место жительства в другое жилое помещение. Однако данный факт не имеет самостоятельного значения и должен оцениваться судом наряду с другими доказательствами, имеющимися в материалах дела. Изучение судебной практики позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто рассматриваемыми спорами данной категории являются дела о выселении бывших супругов после расторжения брака либо признания его недействительным. В подобных ситуациях прекращение семейных отношений обычно подтверждается совокупностью обстоятельств и не вызывает споров между сторонами. В связи с этим бывший супруг утрачивает право пользования жилым помещением, а его выселение осуществляется в судебном порядке без предоставления иного жилья.

Иной подход применяется в ситуациях, когда жилое помещение, хотя и оформлено на имя одного из супругов, фактически относится к объектам их общей совместной собственности. Само по себе указание в правоустанавливающих документах только одного супруга в качестве собственника не предоставляет ему права требовать выселения другого супруга, если будет доказано, что жилое помещение приобреталось в период брака за счет общих денежных средств супругов. Не влияет на правовой режим такого имущества и способ его приобретения, в том числе за счет кредитных средств, поскольку обязательства, возникшие по соответствующему договору займа или кредита, признаются общими обязательствами супругов. Вместе с тем иные правовые последствия наступают в отношении жилых помещений, принадлежащих одному из супругов на праве личной собственности. К данной категории относится имущество, приобретенное до регистрации брака, а также полученное в период брака по безвозмездным основаниям, включая наследование, дарение и другие безвозмездные сделки. В подобных случаях после прекращения семейных отношений бывший супруг, не являющийся собственником жилого помещения, утрачивает право пользования им, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон. Такое имущество признается личной собственностью супруга и не входит в состав совместно нажитого имущества.

Однако исключением из данной нормы выступают приватизированные жилые помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором. В этой связи можно сделать вывод, что не во всех случаях бывшие члены семьи собственника жилого помещения утрачивают право пользования данным помещением, что на практике порождает не единообразное применение нормы, указанной в ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, в связи с чем рассмотрение данного вопроса требует более детального исследования.

В целях совершенствования законодательства, на наш взгляд, следует внести изменения в ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, указав четкие критерии признания лица членом семьи собственника жилого помещения, такие как: наличие общего хозяйства, продолжительность совместного проживания, взаимные права и обязанности сторон. Кроме того, целесообразно законодательно урегулировать основания сохранения права пользования жилым помещением бывшими членами семьи собственника, установив исчерпывающий перечень случаев, при которых такое право может сохраняться после прекращения семейных отношений.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 02 мая 2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. № 25. — Ст. 2954; 2026. — № 54. Ст. 6930.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 70.

Проблемы природы и правового регулирования залога движимого имущества

Суплотова Анна Ивановна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Данное исследование направлено на комплексный анализ действующего законодательства и судебной практики в области залога движимого имущества. В ходе работы будут рассмотрены ключевые аспекты, касающиеся правоприменительной деятельности и проблем, с которыми сталкиваются участники залоговых отношений. Важно не только выявить существующие трудности, но и оценить эффективность правовых инструментов, обеспечивающих защиту интересов всех сторон. В конечном итоге, результаты исследования могут послужить основой для разработки рекомендаций по улучшению правового регулирования залога движимого имущества, что позволит повысить правовую определенность и защиту интересов участников залоговых отношений.

Ключевые слова: залог, движимое имущество, займодаделец, залогодержатель, договор.

Problems of the nature and legal regulation of mortgages on movable property

Suplotova Anna Ivanovna, master's student
Volgograd State University

This study aims to provide a comprehensive analysis of the current legislation and judicial practice in the field of movable property pledge. It will focus on key aspects related to law enforcement and the challenges faced by participants in pledge relations. The study

aims to identify existing difficulties and evaluate the effectiveness of legal instruments that ensure the protection of all parties' interests. Ultimately, the results of this study can serve as a basis for developing recommendations to improve the legal regulation of movable property pledge, thereby enhancing legal certainty and protecting the interests of participants in pledge relations.

Key words: pledge, movable property, lender, mortgagee, contract.

Залог движимого имущества представляет собой важный элемент финансовых и коммерческих отношений, обеспечивая надежность и безопасность сделок. В условиях динамичного развития экономики и изменения правовых реалий, вопросы, связанные с залогом, становятся все более актуальными. Эффективное правовое регулирование залога движимого имущества не только способствует стабильности делового оборота, но и защищает интересы сторон, участвующих в залоговых отношениях. Однако, несмотря на наличие законодательных норм, практика показывает, что существует множество проблем, связанных с применением этих норм.

Актуальность исследования данной темы обусловлена необходимостью выявления и анализа правовых и практических проблем, возникающих в процессе регулирования залога движимого имущества. Это включает в себя не только изучение действующего законодательства, но и оценку судебной практики, которая может служить индикатором реальных трудностей, с которыми сталкиваются участники залоговых отношений.

Важным аспектом является также необходимость защиты прав как залогодержателей, так и залогодателей, что требует критического анализа существующих механизмов и 4 инструментов. В рамках данного исследования осуществлен комплексный подход к анализу различных видов движимого имущества, подлежащего залогоу, таких как автомобили, оборудование и товарные запасы. Особое внимание уделено вопросам оценки, регистрации и реализации прав залогодержателей, что позволит выявить специфические проблемы и предложить возможные пути их решения.

Залог движимого имущества играет ключевую роль в современном финансовом и коммерческом обороте, обеспечивая защиту интересов сторон и способствуя стабильности сделок. В условиях быстро меняющейся экономики и правовой среды вопросы, связанные с залогом, становятся все более актуальными и требуют внимательного изучения. Эффективное правовое регулирование этой сферы не только способствует развитию бизнеса, но и обеспечивает правовую защиту для всех участников залоговых отношений.

Сущность залога движимого имущества проявляется в его способности сохранять за залогодателем право владения, пользования и даже распоряжения предметом залога, если иное не предусмотрено договором или законом. Например, предприниматель может передать в залог складскую технику банку под кредит на расширение производства, продолжая ею пользоваться до момента возможной реализации. Такой подход отличает его от залога недвижимого имущества, где владение часто переходит

к залогодержателю или требует иных форм контроля. Движимое имущество характеризуется высокой ликвидностью и мобильностью, что делает его привлекательным для кредиторов в сферах малого бизнеса и потребительского кредитования, но одновременно усложняет отслеживание и защиту прав.

Залог движимого имущества отличается от иных обеспечительных мер прежде всего тем, что предметом его служат вещи, не относящиеся к недвижимости, то есть подлежащие свободному перемещению без особого разрешения властей. Такие объекты, как транспортные средства, оборудование на производстве или бытовая техника, сохраняют свою подвижность, что усложняет контроль со стороны кредитора. В отличие от залога недвижимости, где фиксированность места упрощает надзор, здесь залогодатель обычно оставляет вещь у себя, пользуясь ею в повседневной деятельности или бизнесе, пока обязательство не окажется под угрозой.

Ключевой чертой выступает обеспечительный эффект: залог возникает исключительно для гарантии исполнения основного долга, будь то кредитный договор или поставка товаров. Если должник платит вовремя, имущество освобождается без каких-либо последствий, подчеркивая вспомогательную роль конструкции. Договор фиксирует не просто передачу ценностей, а приоритетное право кредитора на выручку от продажи заложенной вещи в случае дефолта, что ставит его впереди других кредиторов.

Еще один аспект — публичность через реестр уведомлений о залоге, введенный Федеральным законом от 2014 года. Регистрация не создает залог, но информирует третьих лиц о риске, делая сделку прозрачной. Без нее добросовестный приобретатель движимости рискует потерять собственность, если она уже обременена. Представьте случай с грузовым автомобилем: продавец передает его покупателю, не упомянув о залоге банка, — суд признает переход права недействующим, возвращая машину кредитору.

Специфика движимых объектов проявляется в возможности их использования залогодателем без ущерба для кредитора. Закон допускает эксплуатацию, сбыт плодов или доходов от вещи, если это предусмотрено соглашением, но с обязательным зачетом в счет долга. Плоды от аренды заложенного оборудования идут на погашение задолженности, усиливая защиту займодавателя. При этом залог не предполагает немедленной передачи владения, в отличие от неустойки или поручительства, где акцент на ответственности.

Наконец, обратимость заложенной вещи в деньги лежит в основе механизма. Кредитор реализует имущество на торгах или напрямую, получая удовлетворение

из первой руки. Для движимого это упрощено: без суда, если договор позволяет, залогодержатель обращается ко взысканию, минимизируя бюрократию. Такой подход отражает мобильность активов, где быстрая конвертация в ликвидность критична, особенно в торговле или лизинге, где техника или инвентарь быстро устаревает.

Движимое имущество, которое может служить предметом залога, охватывает широкий спектр объектов, не относящихся к недвижимости по смыслу статьи 130 Гражданского кодекса РФ. Сюда входят вещи, предназначенные для производственного или коммерческого использования, такие как станки, машины и оборудование на предприятиях. Транспортные средства: автомобили, мотоциклы, прицепы и даже морские суда малой вместимости. Товарно-материальные запасы в обороте — еще один распространенный вариант: сырье, готовая продукция на складах или в магазинах. Здесь залогодержатель нередко получает доступ к хранилищу, чтобы отслеживать оборачиваемость, как в случае с сетями ритейла, закладываемыми одежду или электронику под оборотные кредиты. Закон допускает смешанный режим, когда часть товаров реализуется, а выручка направляется на погашение долга. Животные и продукция животноводства тоже подходят: фермеры залогают скот или молоко в танках, с учетом сезонности и рисков порчи. Ценные бумаги — акции, облигации, векселя — переходят в залог через депозитории или брокеров, без физической передачи. Деньги на банковских счетах или в депозитах фиксируются как бездокументарные объекты, где залог возникает на права требования. В практике встречаются случаи залога драгоценных металлов в слитках или ювелирных изделиях через ломбарды, с оценкой по рыночным котировкам. нематериальные блага, приравненные к движимому имуществу, включают исключительные права на программы для ЭВМ, базы данных или товарные знаки. Разработчики IT-продуктов закладывают ПО под кредиты на масштабирование, регистрируя обременение в Роспатенте. Аналогично поступают с цифровыми активами вроде доменов, хотя их статус вызывает споры в судах из-за отсутствия единой квалификации. В каждом случае договор детализирует способ защиты: от хранения до страхования, минимизируя риски утраты или обесценивания.

Залогодатель, передавая движимое имущество в залог, сохраняет право владения и пользования им, если иное не предусмотрено договором или законом.

Залогодатель вправе требовать от залогодержателя передачи имущества после полного исполнения обязательства, а также получения остатка выручки сверх суммы долга при реализации залога.

Залогодержатель, в свою очередь, получает преимущественное право удовлетворения своих требований за счет стоимости заложенного движимого имущества в случае неисполнения должником обязательств.

Стороны обязаны согласовывать любые изменения в характеристиках предмета залога, такие как модифи-

кация транспортного средства или дооборудование техники, чтобы избежать споров о сохранении его ценности. Залогодержатель может обращать взыскание на залог в судебном или внесудебном порядке, но только после уведомления залогодателя. В судебной практике встречаются случаи, когда залогодатель оспаривает действия кредиторов по реализации имущества без надлежащей оценки, что приводит к необходимости экспертизы. Обязанности сторон также включают своевременное исполнение договорных условий по уведомлениям: залогодатель сообщает о переездах имущества, а залогодержатель — о намерении продать залог. Нарушение этих положений влечет ответственность в виде неустоек или возмещения убытков, как это предусмотрено статьями Гражданского кодекса.

Регистрация залога движимого имущества осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации залога движимого имущества». Этот реестр, который с 2017 года ведет Федеральная налоговая служба, позволяет сделать сведения о залоге общедоступными и опротестовывать права третьих лиц. Без такой фиксации залог сохраняет силу только между сторонами договора, но теряет приоритет при спорах с добросовестными приобретателями.

Заявление на регистрацию подают либо залогодатель, либо залогодержатель — или оба совместно. Форма унифицирована и доступна на портале Госуслуг, в МФЦ, у нотариусов или напрямую в налоговой. Нотариальное удостоверение договора не обязательно, кроме случаев с транспортными средствами, где требуется внесение в ПТС или реестр ГИБДД параллельно.

В российском законодательстве залог движимого имущества сталкивается с рядом коллизий, которые затрудняют его применение на практике. Прежде всего, Гражданский кодекс РФ в статьях 334–358 не всегда четко разграничивает границы движимого имущества, подлежащего залогоу, особенно когда речь идет о сложных объектах вроде оборудования с программным обеспечением или транспортных средств с установленными системами навигации. Это приводит к ситуациям, когда залогодатель передает имущество, а третьи лица претендуют на его составные части, ссылаясь на отсутствие специальных норм о неделимых комплексах.

В судебных спорах, таких как дело Арбитражного суда Москвы по иску банка о взыскании на грузовик, суд отказал в удовлетворении из-за несоответствия записей в реестрах, подчеркивая пробел в механизмах оперативного обновления информации.

Не менее остра ситуация с залогом оборотных активов, таких как товарно-материальные запасы на складах. Законодательство не определяет порядок контроля за их идентификацией и сохранностью, что позволяет залогодателю манипулировать остатками. Практика показывает случаи, когда складские запасы подменялись аналогичными, не обремененными залогом, а залогодержатель обнаруживал это только при обращении взыскания. Отсутствие норм о пе-

риодической инвентаризации усугубляет риски, особенно в условиях инфляции и рыночных колебаний цен на сырье.

Наконец, коллизия возникает между залоговыми отношениями и договорами финансовой аренды. Статья 668 ГК РФ приравнивает лизинг к залого, но не уточняет приоритет прав при двойном обременении одного актива, что приводит к затяжным спорам и потере времени на разбирательства. Такие несостыковки снижают привлекательность залога движимого имущества как инструмента кредитования, требуя более детальной проработки норм.

Движимое имущество, в отличие от недвижимого, легко перемещается, что усложняет его мониторинг и охрану. Залогодатель нередко передает предмет залога для пользования себе или третьим лицам, а залогодержатель, не имея права оперативного контроля без дополнительных договоренностей, рискует утратить доступ к активу. Например, случай с автомобилем в залоге: заемщик использует машину в повседневной деятельности, а при дефолте скрывает ее или продает неофициально, ссылаясь на отсутствие запрета на отчуждение в договоре. Судебные приставы тратят недели на поиски, а то и вовсе объявляют розыск, что удлинит весь процесс.

Устаревания моделей. Независимые оценщики дают разбросанные цифры, а банки, стремясь минимизировать убытки, занижают их, вызывая споры в арбитражных судах. По данным из обзоров исполнительных производств, в 2022 году около 40 % аукционов по движимому залого срывались из-за несоответствия стартовой цены реальной ликвидности. В итоге актив уходит за бесценок или остается невостребованным, а кредитор вынужден списывать долги.

В регионах добавляются локальные проблемы: удаленность хранилищ, дефицит аккредитованных оценщиков и даже сезонность — зимой техника для стройки не востребована. Банки жалуются, что затраты на хранение превышают выручку от продажи, особенно для скоропортящихся активов вроде автопарка. В итоге залог движимого имущества превращается из надежного инструмента в лотерею, где залогодержатель тратит больше на суды и исполнителей, чем получает.

Проблемы и пути их решения:

Простота оформления и риск злоупотреблений. Договор залога движимого имущества заключается в простой письменной форме, что облегчает его использование, но также создаёт возможности для мошеннических схем. Например, возможны заключение мнимых и притворных сделок, а также составление договоров «задним числом» для снятия запретов на регистрационные действия или включения требований в реестр кредиторов при банкротстве. **Решение: Введение обязательной нотариальной формы договора залога** или обязательной государственной регистрации для отдельных видов движимого имущества (например, транспортных средств). Это повысит прозрачность сделок и снизит риски мошенничества.

Отсутствие обязательной регистрации. В отличие от залога недвижимости, залог движимого имущества

не требует обязательной государственной регистрации. Учёт возможен через добровольное внесение уведомлений в реестр уведомлений о залоге движимого имущества (п. 4 ст. 339.1 ГК РФ), но это не является обязанностью сторон. Это повышает риски для залогодержателя, так как отсутствие записи не затрагивает его отношений с залогодателем, но может привести к потере прав при продаже имущества третьему лицу. **Решение: Обязательность внесения сведений о залоге в реестр уведомлений.** Сейчас это добровольная процедура, но её обязательность повысит защиту прав залогодержателя и добросовестных приобретателей.

Идентификация предмета залога. Для надлежащего определения предмета залога в договоре должны быть указаны его индивидуальные признаки. Однако на практике это не всегда соблюдается, что может привести к спорам о том, какое именно имущество было передано в залог. **Решение: Ужесточение требований к идентификации предмета залога** в договоре. Необходимо детально описывать индивидуальные признаки имущества, чтобы исключить споры о его замене.

Риск продажи заложенного имущества залогодателем. Если предмет залога остаётся в пользовании залогодателя, нет эффективного механизма, который бы полностью исключил его продажу третьим лицам в нарушение условий договора. **Решение: Совершенствование механизма проверки обременений.** Разработка более эффективных инструментов для проверки наличия залога на движимое имущество упростит защиту прав третьих лиц.

Проблемы при банкротстве. В делах о банкротстве часто встречаются схемы с использованием договоров залога, составленных «задним числом», для выведения средств из конкурсной массы. Это позволяет аффилированным кредиторам получать приоритетное удовлетворение требований за счёт продажи заложенного имущества. **Неопределённость момента возникновения залога.** Залог движимого имущества возникает с момента заключения договора, а не с момента регистрации в реестре. Это создаёт риски для залогодержателя при продаже имущества третьему лицу. **Решение: Уточнение норм о моменте возникновения залога и его приоритете.** Это поможет избежать споров при множественных залоговых обременениях и в процедурах банкротства. **Повышение осведомлённости участников сделок.** Рекомендации по проверке реестра уведомлений перед покупкой имущества и сохранению доказательств добросовестности (например, получение выписки из реестра).

Ошибки в реестре уведомлений. Некорректное внесение данных о залоге (например, неполные или неточные сведения) может привести к тому, что добросовестный приобретатель не сможет узнать об обременении. В таких случаях риск ошибок несёт залогодержатель, а не третье лицо. **Решение: Усиление ответственности за ошибки в реестре уведомлений.** Необходимо чётко регламентировать последствия некорректного внесения данных и обязанность залогодержателя актуализировать сведения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ — статьи 334–358.18.
2. Федеральный закон от 29.06.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации залога движимого имущества».
3. Бевзенко Р. С. Залог и банкротство: актуальные вопросы. — М.: Статут, [2015].
4. Белов В. А. Гражданское право: Общая часть. Т. II: Лица, блага, факты. — М.: Юрайт, [2024].
5. Ем В. С., Козлова Н. В. Залог: теория и практика. — М.: Городец, [2010].
6. Кассо Л. А. Понятие о залоге в современном праве. — М.: Статут, [1999].
7. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — М.: Статут, [2008].

Злоупотребление правом на воспитание ребенка как основание лишения родительских прав: теоретический и правоприменительный аспекты

Сухоцкая Анастасия Владимировна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется теоретическая и практическая сфера воспитания ребёнка. Рассматривается сфера, находящаяся на стыке семейного права и семейной психологии, правоприменителя.

Ключевые слова: воспитание, преимущественное право на обучение и воспитание, право и обязанность воспитывать, злоупотребление родительскими правами, использование прав в ущерб интересам ребёнка.

В соответствии со ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [1] родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами.

Интересна сама формулировка законодателя, в которой право и обязанность по воспитанию детей представлены как тесно связанные, практически тождественные категории. В теоретическом контексте право традиционно понимается как мера возможного поведения, а обязанность — как мера должного поведения. Такое совмещение в одной норме создает впечатление, что законодатель предоставляет семье определенную свободу в распределении ролей: для одного родителя воспитание может восприниматься преимущественно как право, а для другого — как обязанность. Вместе с тем, в правоприменительной практике это подчеркивает равенство родителей (ст. 61 СК РФ) и их совместную ответственность, исключая произвольный отказ от исполнения обязанностей.

Перед рассмотрением проблем злоупотребления родительскими правами при воспитании ребенка необходимо обратиться к понятию «воспитание». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [6] относит к таким спорам вопросы места жительства ребенка, порядка осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем, общения с близкими родственниками, лишения или ограни-

чения родительских прав и иные аналогичные категории дел. Однако Пленум не дает легального определения самого термина «воспитание», что объясняется нежеланием законодателя жестко ограничивать рамки этого понятия.

Семейное право тесно переплетается с психологией личности и семейной психологией, поэтому для уяснения сущности воспитания целесообразно обратиться к педагогическим и психологическим определениям. Так, М. И. Рожков определяет воспитание как «целенаправленное управление процессом социального развития личности через включение ребенка в различные виды социальных отношений в учебе, общении, игре, практической деятельности» [3]. Главной целью воспитания является формирование и развитие ребенка как личности, обладающей полезными качествами, необходимыми для жизни в обществе, в том числе духовно-нравственных ориентиров: понятий добра и зла, порядочности, гуманности, любви к природе и духовности.

Понимая эти аспекты, можно вернуться к проблематике реализации родительских прав. Статья 65 СК РФ устанавливает ключевые пределы: родители осуществляют свои права в интересах детей, с учетом мнения ребенка (если он достиг возраста 10 лет), и не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Нарушение этих требований квалифицируется как злоупотребление родительскими правами.

Злоупотребление родительскими правами (ст. 69 СК РФ) является одним из оснований лишения родительских

прав. Под ним понимается использование прав в ущерб интересам ребенка: создание препятствий в получении образования, склонение к употреблению алкоголя, наркотиков, попрошайничеству, проституции, вовлечение в противоправную деятельность или, напротив, чрезмерная авторитарность, приводящая к психологическому насилию.

В правоприменительной практике суды часто сталкиваются с ситуациями, когда один из родителей использует право на воспитание для манипуляции: ограничение общения ребенка со вторым родителем под предлогом «защиты», навязывание определенных взглядов в ущерб всестороннему развитию, игнорирование медицинских или образовательных потребностей. Анализ судебной практики показывает, что доказывание злоупотребления требует комплексной оценки: акта обследования условий жизни (орган опеки и попечительства), заключения психолога, показаний свидетелей и самого ребенка.

Проблемы осуществления права на воспитание усугубляются в семьях с раздельным проживанием родителей. Здесь нередко возникают конфликты по поводу методов воспитания (религиозное, патриотическое, творческое и т. д.), что приводит к судебным спорам. Авторы, специализирующиеся на семейном праве, такие как Н. В. Летова, подчеркивают приоритет интересов ребенка и необходимость баланса между правами родителей и защитой личности несовершеннолетнего. Аналогичные позиции встречаются и в иных доктринальных источниках по семейному праву, акцентируя внимание на профилактике злоупотреблений через медиацию и участие органов опеки.

Таким образом, реализация права на воспитание требует от родителей не только осознания его как обязанности, но и строгого соблюдения границ, установленных законом в интересах ребенка. Злоупотребление этим правом влечет серьезные правовые последствия, включая лишение прав, что подчеркивает приоритет защиты прав несовершеннолетних в российском семейном законодательстве.

Семейный кодекс Российской Федерации не содержит четкого легального определения понятия «злоупотребление родительскими правами». В связи с этим в научной литературе сформировалось множество подходов к его пониманию.

Так, по мнению П. Л. Спириденко, под злоупотреблением родительскими правами следует понимать «виновное, систематическое использование предоставленных законом родительских прав по воспитанию и содержанию детей, которое противоречит их назначению и интересам ребенка, влекущее за собой причинение ему вреда» [5].

Анализ позиций Л. В. Кудрявцевой, С. А. Куемжиевой и Л. В. Масленниковой [4] позволяет заключить, что злоупотребление родительскими правами выражается в использовании этих прав в ущерб интересам детей. К наиболее распространенным формам такого злоупотребления авторы относят создание препятствий для получения ребенком образования, склонение несовершеннолетнего к антисоциальному поведению, а также вовлечение в употребление спиртных напитков или наркотических средств.

Важное официальное разъяснение данного понятия содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 [6]. В нем злоупотребление родительскими правами определяется как «использование этих прав в ущерб интересам детей», в частности: создание препятствий к получению детьми общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ.

Необходимо привести в пример помимо теории судебную практику, так в многочисленных судебных практиках множество аналогичных и удручающих примеров, приведу один из них, где мать забирает сына не планирует. До этого сына в учреждении не навещала, по телефону не общалась, своё право на воспитание ребёнка не реализовывала. В данном случае и в аналогичных ситуациях, стоит говорить не о возможности реализовать право на воспитание детей, а о злом уклонении от родительских обязанностей [7].

Так, действующая правоприменительная практика сталкивается с такими проблемами как: отсутствие четкого законодательного определения «злоупотребления» приводит к вариативности судебных решений. Баланс интересов, ведь суды часто отказывают в лишении, если родитель демонстрирует намерение исправиться, и применяют предупреждение и контроль органов опеки. А также в спорах раздельно проживающих родителей распространены взаимные обвинения в злоупотреблении (манипуляция ребенком, ограничение общения).

Подводя итоги, отметим, что суды, рассматривая дела о лишении родительских прав, указывают исключительность данной меры, так как приоритетом в современном законодательстве являются интересы ребенка (ст. 3 Конвенции о правах ребенка, ст. 54 СК РФ). Родители реализуют право на воспитание свободно, но в строгих пределах ст. 65 СК РФ (без вреда здоровью, нравственному развитию и с учетом мнения ребенка).

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2026) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mpv24iczup653371962
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его

- жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» от 14.11.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018 г. — № 1.
3. Рожков М. И. Теоретические основы педагогики: учеб. пособие / М. И. Рожков. — Ярославль: ЯГПУ, 1994. — 63 с.
 4. Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие / Л. В. Кудрявцева, С. А. Куемжиева, Л. В. Масленникова. — Краснодар: КубГАУ, 2019 г. — 104 с.
 5. Спириденко П. Л. Злоупотребление родительскими правами как основание для их лишения // Евразийский научный журнал. 2018 г. № 10 (4). С. 172–174.
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/
 7. Решение № 2–6160/2025 2–6160/2025~М-3996/2025 М-3996/2025 от 7 декабря 2025 г. по делу № 2–6160/2025: СудАкт.ру <https://sudact.ru/regular/doc/eSK21FBxa5mb/>

Личность преступника в криминологической характеристике пиратства

Тимофеева Леокадия Сергеевна, студент;

Потиха Виктория Алексеевна, студент

Научный руководитель: Хомик Элла Владимировна, старший преподаватель
Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток)

В статье рассматривается криминологическая характеристика личности преступника в контексте современного пиратства, актуальность изучения которого обусловлена его трансформацией в одну из ключевых угроз международной морской безопасности. Анализируется личность преступника как совокупность социально-психологических свойств и качеств, детерминирующих совершение преступления. В работе выделяются и исследуются ключевые компоненты криминологического портрета морского пирата, детерминированного макро- и микросоциальными факторами, такими как принадлежность к социально-дезадаптированным стратам населения прибрежных регионов с низким уровнем экономического развития. Особое внимание уделяется деформированному правосознанию, в котором криминальная деятельность может легитимизироваться, высокой толерантностью к риску и доминированию групповой идентичности, приводящей к размыванию индивидуальной ответственности.

Ключевые слова: личность преступника, криминологическая характеристика, современное пиратство, транснациональная организованная преступность, мотивация преступного поведения, деформированное правосознание, социально-экономическая депривация, международная морская безопасность, предупреждение преступности, криминологический анализ.

Правовая система представляет собой сложный механизм, отдельные компоненты которого, в соответствии с возложенным на них функционалом, обеспечивают работоспособность и эффективность системы в целом. В данном контексте важным компонентом правовой системы является характеристика личности преступника в криминологической характеристике.

Тема научной статьи посвящена вопросу исследования личности преступника в криминологической характеристике пиратства.

Актуальность темы обусловлена глобальными угрозами современного морского судоходства (вооруженные нападения, захваты заложников). Изучение криминологического портрета пирата позволяет вскрыть причины преступности и разработать методы противодействия транснациональным организованным группам, действующим в т. ч. в Африке (Сомали) и Азии.

Личность преступника представляет собой комплекс социально-психологических свойств и качеств индивида,

выступающих в качестве причин и условий совершения им преступлений. Исследователи-криминологи, к какой бы научной школе они ни принадлежали, не могут игнорировать вопросы, касающиеся человека, совершившего противоправное деяние. В категории «человек» находит своё выражение неразрывное единство различных аспектов его бытия — социального и биологического. В то же время понятие «личность» охватывает исключительно специфические социальные характеристики [1].

Вопросы о том, обладает ли личность преступника уникальными, присущими только ей чертами и отличается ли она от личности не преступника, являются предметом отдельных дискуссий. Более того, даже в XXI веке границы и направления криминологического изучения преступника, как и во времена Ломброзо, остаются предметом споров и не имеют единого решения.

Современное пиратство охватывает широкий спектр действий, от быстрых грабежей до сложных и хорошо организованных операций. Малочисленные группы пиратов дей-

ствуют быстро и решительно, стремясь к минимальному риску и максимальной прибыли. Вооружённые банды используют тяжёлое вооружение и жестокость, чтобы захватить суда и грузы. Международные организованные группы применяют современные технологии и разветвлённые сети агентов для захвата особо ценных грузов и избегания наказания [2].

Все эти виды пиратства представляют серьёзную угрозу для безопасности международного судоходства, включая частнопроводные интересы судоходных компаний и владельцев грузов, требуя постоянных координированных усилий на глобальном уровне для борьбы с этим явлением [3].

Криминологический анализ современного пиратства как сложного, организованного и транснационального явления не может быть исчерпывающим без детального исследования личности субъекта данного преступного деяния. Актуальность данной проблематики обусловлена трансформацией пиратства из исторически-романтизированного феномена в одну из ключевых угроз международной морской безопасности и глобальной экономической стабильности. Понимание специфики личности морского пирата является методологической предпосылкой для разработки эффективных стратегий превенции, а также для совершенствования тактик противодействия и норм международного уголовного права.

Структура личности современного морского пирата детерминирована совокупностью специфических макро- и микросоциальных факторов. Как правило, субъект данного преступления принадлежит к социально-дезадаптированным стратам населения прибрежных регионов государств с низким уровнем экономического развития и ослабленными институтами государственной власти. Ключевыми характеристиками выступают:

Демографический профиль. Преимущественно мужской пол, возрастная когорта 18–35 лет.

Образовательный и профессиональный уровень. Низкий уровень формального образования и отсутствие легальных профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда.

Мотивационный комплекс. Доминирование корыстной мотивации, однако имеющей специфическую окраску. В отличие от классического корыстного преступника, для пирата материальное обогащение часто выступает не самоцелью, а средством выживания и обеспечения базовых потребностей своей референтной группы (семьи, клана). Это формирует специфическую систему ценностей, в которой криминальная деятельность легитимизируется как ответ на внешнюю эксплуатацию (например, незаконный рыбный промысел в территориальных водах).

Психолого-поведенческие особенности и дефекты правосознания. Психологический портрет личности пирата характеризуется рядом устойчивых деформаций. К ним относятся:

- Деформированное правосознание. Наличие установок, оправдывающих преступную деятельность. Пиратство может восприниматься как социально приемлемый или даже героический акт восстановления справедливости по отношению к «богатым» иностранным государствам.

- Высокая толерантность к риску и фатализм. Формирование в условиях постоянной угрозы жизни особого отношения к насилию и смерти, что снижает психологический барьер на применение оружия.

- Групповая идентичность. Преступление совершается преимущественно в составе устойчивых, иерархически организованных групп. Это приводит к размыванию индивидуальной ответственности и доминированию групповых норм над общепринятыми социальными и правовыми установками. Личность демонстрирует высокий уровень конформизма и лояльности к своей группе [4].

Структурная модель криминологической характеристики. Для всестороннего анализа личность морского пирата целесообразно рассматривать через призму многоуровневой структурной модели, включающей:

- Уголовно-правовой статус. Наличие судимостей, квалификация деяний (разбой, захват заложников), роль в преступной иерархии (исполнитель, организатор).

- Социально-демографические признаки. Место жительства (прибрежная зона), семейное положение, уровень дохода.

- Нравственно-психологическую сферу. Ценностные ориентации, уровень правосознания, отношение к содеянному (отсутствие раскаяния), волевые качества.

- Биологические (медицинские) характеристики. Как правило, хорошее физическое состояние, наличие навыков мореходства и обращения со стрелковым оружием [5].

Таким образом, личность современного морского пирата представляет собой сложный криминогенный тип, формирование которого происходит под воздействием системного социального отчуждения и экономической депривации. Эффективная стратегия противодействия пиратству должна базироваться не только на мерах военно-морской защиты, но и на глубоком понимании этих личностных детерминант. Это предполагает необходимость разработки комплексных программ социально-экономического развития уязвимых прибрежных регионов как ключевого элемента долгосрочной профилактики данного вида транснациональной преступности.

Литература:

1. Ковалева Ю. А. Личность преступника в криминологической науке // Проблемы Науки. 2015. № 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-v-kriminologicheskoy-nauke> (дата обращения: 28.05.2026).
2. Рагунштейн А. Г., Рагунштейн О. В. Развитие морского пиратства у берегов Сомали в начале XXI в. // Наука и современность. 2010. № 4–2. С. 344–347.
3. Ефимов С. Л. Морское страхование. Теория и практика. М.: РосКонсульт, 2001. 448 с.

4. Криминология: учебник для вузов / под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букаловой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 339 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–18950–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582973> (дата обращения: 28.05.2026).
5. Кадырова Н. Н. Пиратство как преступление по международному уголовному праву // Вестник ЧелГУ. 2011. № 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/piratstvo-kak-prestuplenie-po-mezhdunarodnomu-ugolovnomu-pravu> (дата обращения: 28.05.2026).

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, и их предотвращение

Устинова Дарья Владимировна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье автор исследует теоретические основы преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях. Выявляет проблемные аспекты в данной сфере и предлагает пути решения, на основании анализа основных положений и концепций о пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, исправительные учреждения, предупреждение преступлений.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации в качестве своих приоритетных целей провозглашает исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как с их стороны, так и со стороны иных лиц. Однако достижение этих целей невозможно в условиях небезопасной пенитенциарной среды.

В криминологической теории под пенитенциарной преступностью понимают массовое, социальное обусловленное явление, представляющее собой совокупность всех преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях за определенный период времени.

Структура пенитенциарной преступности включает широкий круг деяний, однако особое место в ней занимают так называемые «особо учитываемые преступления». К ним относятся:

- умышленное убийства и покушения на убийство;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшее смерть потерпевшего;
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;
- незаконный оборот наркотических средств;
- побеги из мест лишения свободы;
- групповые преступления (включая массовые беспорядки, убийства, причинение вреда здоровью, мошенничества).

Анализ показателей прокуратуры за 2024–2025 гг. свидетельствует о сохранении криминогенной напряженности в учреждениях УИС. Так, по итогам 2024 года была зарегистрирована 39 умышленных убийств и покушений, 91 факт причинения тяжкого вреда здоровью и 1749 краж. Особую тревогу вызывает рост числа осужденных за преступления против жизни и здоровья — в 2024 году

их доля увеличилась на 20,81 % по сравнению с предыдущим годом.

Отметим ключевые причины преступлений в исправительных учреждениях:

- высокая концентрация лиц с антиобщественной установкой и криминальным опытом;
- криминальная субкультура и ненормальная иерархия, сплачивающая осужденных для противодействия администрации;
- наличие групповой преступности — сплочение в группы отрицательной направленности может перерасти в формирование организованных преступных групп с ярко выраженным лидером и иерархичной структурой;
- высокий уровень латентности — многие преступления остаются незарегистрированными, что не позволяет сформировать ясное представление об уровне и структуре преступности.

Представим проблемы законодательного регулирования и пути их решения в данной сфере.

Во-первых, существует проблема двойственного характера целей уголовного наказания. Цели исправления осужденного и общего предупреждения преступлений нередко вступают в противоречие. Первая ориентирована на изменение личности, тогда как вторая требует суровости наказания для устрашения — это создает внутренний конфликт правового регулирования. Для устранения данной проблемы необходимо исключить из закона нереалистичную цель «исправления», заменив ее прагматичной задачей обеспечения законопослушного поведения осужденных во время и после отбывания срока.

Во-вторых, отметим проблему узкой ведомственной классификации преступлений. Ведомственная категоризация преступлений (ФСИН России) выступает в противоречие с категориями преступлений, установлен-

ными уголовным законом, что усложняет единообразный учет и анализ преступности, а также формирование адекватных мер предупреждения. Решением данной проблемы будет являться разработка единых критериев учета и классификации, исключающих противоречия между ведомственной и уголовно-правовой категоризацией.

В-третьих, проблема несовершенства ОРД в исправительных учреждениях. Ст. 84 УИК РФ, регламентирующая оперативно-розыскную деятельность, содержит отсылку к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, однако предусмотренная кодексом задача по выявлению и раскрытию нарушений установленного порядка отбывания наказания не соотносится с федеральным законом и является специфичной. Данный аспект влечет отсутствие оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий и невозможность использования их результатов для привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности. В связи с чем предлагаем изложить ст. 84 УИК РФ в новой редакции, четко определив задачи, основания и порядок проведения ОРМ, а также закрепив воз-

можность использования их результатов для всех видов ответственности.

Комплекс профилактических мер должен охватывать: оперативно-режимное и воспитательное воздействие на осужденных, а также устранение условий, способствующих преступлениям (инженерно-техническое укрепление, видеонаблюдение);

объявление официального предостережения о недопустимости противоправных действий;

развитие службы пробации для социальной адаптации освобожденных лиц;

повышение профессионального уровня и психологической устойчивости сотрудников УИС.

Резюмируя выше сказанное, эффективное предупреждение преступлений в исправительных учреждениях невозможно без устранения отмеченных законодательных противоречий. Совершенствование нормативной базы, внедрение современных технологий и развитие институтов постпенитенциарной адаптации — ключевые направления для снижения рецидива и обеспечения порядка в местах лишения свободы.

Литература:

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — ст. 3349.
2. Приказ Минюста России «Об утверждении Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 26.01.2026 № 17 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 26.01.2026, № 0001202601260016.

Правоприменение в отношении постоянного представительства в сфере трансграничной электронной коммерции во Вьетнаме

Фам Минь Чинь, студент магистратуры

Научный руководитель: Шмелев Иван Валерьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье анализируются практические аспекты реализации правовых норм о постоянном представительстве в сфере трансграничной электронной коммерции во Вьетнаме. На основе анализа правоприменительной практики автор выявляет системные недостатки: зависимость от традиционных критериев физического присутствия, трудности в определении дохода, связанного с вьетнамским рынком, ограниченный охват механизмов регистрации и уплаты налогов через электронный портал, недостаточную координацию между регулирующими органами. В заключении предлагаются направления совершенствования правоприменительной практики в цифровой среде.

Ключевые слова: постоянное представительство, трансграничная электронная коммерция, правоприменительная практика, административная ответственность, Вьетнам.

Legal enforcement regarding permanent establishments in cross-border e-commerce in Vietnam

The article analyzes the practical aspects of implementing legal norms on permanent establishment in the field of cross-border e-commerce in Vietnam. Based on the analysis of law enforcement practice, the author identifies systemic shortcomings: dependence on traditional criteria of physical presence, difficulties in determining income related to the Vietnamese market, limited coverage of

registration and tax payment mechanisms through the electronic portal, and insufficient coordination between regulatory bodies. The conclusion proposes directions for improving law enforcement practice in the digital environment.

Введение

Развитие электронной коммерции (ЭК) коренным образом изменило способы присутствия компаний и получения ими дохода во Вьетнаме. В традиционной модели коммерческое присутствие обычно связано с офисами, филиалами, производственными мощностями или стационарными местами ведения деятельности. Однако в цифровой среде иностранные компании могут получать доступ к вьетнамским потребителям, предоставлять услуги, продавать товары и получать прибыль без физического присутствия в классическом понимании [4].

Это изменение делает правовой институт постоянного представительства более сложным для применения на практике. Многие нормы налогового и коммерческого законодательства по-прежнему строятся на основе материальной экономики, в то время как ЭК функционирует на основе данных, платформ и цифровых потоков. Поэтому проблема заключается не только в наличии или отсутствии регулирования, но и в том, как это регулирование применяется к субъектам, не имеющим физического присутствия во Вьетнаме [1].

Во Вьетнаме регулирующие органы уже предприняли определённые шаги для адаптации к новым условиям. Налоговое законодательство недавно расширило обязанности по регистрации, декларированию и уплате налогов для иностранных поставщиков, осуществляющих деятельность через ЭК или цифровые платформы, не имея постоянного представительства во Вьетнаме [4] [5]. Одновременно компетентные органы усилили сбор данных и координацию в управлении цифровыми транзакциями. Однако между правовой базой и эффективностью правоприменения по-прежнему существует значительный разрыв [3].

Настоящая статья анализирует этот разрыв с точки зрения правоприменения в сфере постоянного представительства в ЭК во Вьетнаме. Основное внимание уделяется не теоретическому переосмыслению понятия постоянного представительства, а практическим препятствиям, которые делают применение этого понятия в цифровой среде недостаточно эффективным.

Методологическую основу статьи составляют анализ нормативных актов и правоприменительной практики, метод обобщения для выявления системных недостатков, а также анализ теоретических аспектов, включая подходы ОЭСР к понятию постоянного представительства в цифровой экономике.

1. Постоянное представительство в сфере трансграничной электронной коммерции во Вьетнаме

Понятие постоянного представительства изначально было разработано для определения порога присутствия

иностранной компании на территории государства, достаточного для распределения налоговых прав [4]. Согласно исследованию Nguyen и Nguyen (2024), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приняла значительные усилия по пересмотру понятия постоянного представительства в рамках Комплексной системы по борьбе с размыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения (BEPS) с целью адаптации к развитию цифровой экономики [6].

В традиционной модели этот критерий в значительной степени основывался на физическом присутствии и стабильности места ведения деятельности. Однако в ЭК компании могут получать значительный доход во Вьетнаме через цифровые платформы без необходимости открывать филиалы, склады или иметь постоянно присутствующий персонал [1]. Это усложняет определение наличия или отсутствия постоянного представительства, поскольку приносящая доход деятельность больше не привязана к форме физического присутствия [4]. Механическое применение традиционных критериев может привести к тому, что многие цифровые предприятия окажутся за пределами реальной сферы действия норм о постоянном представительстве.

Обсуждение в Национальном собрании Вьетнама проекта Закона о налоге на прибыль предприятий (с поправками) также показало, что определение критериев налогооблагаемого дохода, возникающего во Вьетнаме в отношении компаний, не имеющих постоянного представительства, является серьёзной проблемой, требующей конкретных разъяснений для обеспечения осуществимости и прозрачности [7].

Эта проблема имеет не только техническое налоговое значение, но и более широкий правовой и управленческий смысл. Когда иностранные компании осваивают вьетнамский рынок через цифровую инфраструктуру, но не присутствуют традиционным способом, взыскание финансовых обязательств, разграничение налоговой юрисдикции и установление юридической ответственности становятся значительно более сложными [4] [5].

2. Правоприменительная практика в отношении постоянного представительства в сфере трансграничной электронной коммерции во Вьетнаме

Управление трансграничной ЭК во Вьетнаме является межведомственной задачей. Министерство промышленности и торговли (Департамент электронной коммерции и цифровой экономики) выступает в качестве профильного координатора; кроме того, в процессе контроля участвуют налоговые органы, таможня, банки и платёжные организации [3]. Несмотря на взаимодействие многих ор-

ганов в управлении и надзоре за постоянными представителями в сфере трансграничной ЭК, на практике существует ряд пробелов, а именно:

Во-первых, механизм определения постоянного представительства в ЭК по-прежнему сильно зависит от традиционных критериев физического присутствия [4]. В то же время многие цифровые бизнес-модели функционируют не на основе офисов, филиалов или стационарных мест ведения деятельности, а на основе технологических платформ, пользовательских данных и трансграничных платёжных систем [1].

Во-вторых, определение дохода, связанного с вьетнамским рынком, остаётся сложной задачей. Иностранные компании могут получать доход от вьетнамских потребителей через различные формы, но эти потоки дохода часто распределяются через множество посредников и различных правовых систем [2]. Обсуждение в Национальном собрании также указало на эту проблему [7].

В-третьих, законодательство расширило обязанности по регистрации и декларированию для иностранных поставщиков, но правоприменение остаётся выборочным [4]. Механизм регистрации, декларирования и уплаты налогов через электронный портал в основном эффективно воздействует на крупные цифровые корпорации, в то время как более мелкие субъекты остаются труднодоступными [5].

В-четвёртых, координация между регулирующими органами по-прежнему организована скорее по функциональным направлениям, чем по цепочкам цифровых транзакций [3]. Налоговые органы, Министерство промышленности и торговли, таможня, банки и цифровые платформы владеют лишь частью необходимой информации, и эти данные редко объединяются в общую картину [2].

В-пятых, механизм контроля над цифровыми платформами и платёжными посредниками, хотя и продвинулся вперёд, всё ещё недостаточен для прямой замены определения постоянного представительства [4]. Опора на посредников показывает, что текущий механизм правоприменения больше ориентирован на контроль потока транзакций, чем на полную и последовательную идентификацию налогооблагаемого присутствия иностранных компаний [5].

В-шестых, правовые критерии постоянного представительства в цифровой среде до сих пор не получили стабильного применения на практике [4]. Вьетнам предпринял важные шаги по обновлению налогового администрирования в отношении иностранных поставщиков, но понимание и применение понятия постоянного представительства в сфере ЭК ещё не достигли необходимой стабильности [1] [4].

3. Рекомендации по устранению недостатков в правоприменении в отношении постоянного представительства

Исходя из вышеуказанных пробелов и недостатков, можно констатировать, что совершенствование законо-

дательства не должно ограничиваться дополнением норм; необходимо сосредоточиться на механизмах правоприменения, координации и управленческих инструментах, соответствующих особенностям ЭК в цифровой среде.

Во-первых, необходимо уточнить критерии определения постоянного представительства в цифровой среде, уделяя больше внимания экономическому присутствию, а не физическому [4]. Законодательство должно сосредоточиться на таких индикаторах, как степень проникновения на вьетнамский рынок, зависимость от пользовательских данных, частота транзакций и роль цифровых платформ в формировании дохода. Этот подход соответствует рекомендациям ОЭСР по пересмотру понятия постоянного представительства в цифровой экономике [6].

Во-вторых, необходимо создать механизм обмена данными между налоговыми органами, Министерством промышленности и торговли, таможней, банками и цифровыми платформами [1] [2]. Единая система данных позволит уменьшить ситуацию, когда каждый орган владеет лишь частью информации.

В-третьих, следует расширить юридическую ответственность цифровых платформ и платёжных посредников в направлении прямой поддержки идентификации постоянного представительства [4]. Помимо обязанности по удержанию или уплате налогов, платформы должны нести ответственность за предоставление данных, верификацию продавцов и содействие регулирующим органам.

В-четвёртых, необходимо усовершенствовать механизм удержания налога у источника и уплаты налогов третьими лицами для трансграничных транзакций [5]. Эта мера соответствует распределённому характеру ЭК, поскольку позволяет регулирующим органам контролировать потоки средств, а не полагаться исключительно на установление физического присутствия.

В-пятых, нужен более чёткий координационный центр между регулирующими органами для выявления и обработки случаев, свидетельствующих о возникновении постоянного представительства [3]. Чёткий координационный центр обеспечит более последовательную проверку, анализ и принятие решений.

В-шестых, необходимо принять единое руководство по применению законодательства и обеспечить профессиональную подготовку сотрудников правоприменительных органов [4]. Поскольку постоянное представительство в ЭК находится на стыке налогообложения, цифровой торговли и международного права, правоприменительные органы нуждаются в возможностях анализа бизнес-моделей и интерпретации потоков данных.

Заключение

Правоприменение в сфере постоянного представительства в ЭК во Вьетнаме сталкивается с двойным вызовом: необходимо обеспечить полное и правильное поступление налогов, одновременно адаптируясь к цифровым бизнес-моделям, которые больше не зависят от

физического присутствия [4]. Практика показывает, что проблема заключается не в отсутствии регулирования во Вьетнаме, а в том, что существующие нормы не реализуются с необходимыми инструментами сбора данных, координации и контроля [1] [3].

Таким образом, для повышения эффективности правоприменения Вьетнаму необходимо перейти от подхода, основанного преимущественно на физическом присут-

ствии, к подходу, сочетающему цифровое присутствие, денежные потоки и данные о транзакциях [4] [5], а также учитывать международные стандарты ОЭСР по рассмотрению понятия постоянного представительства в цифровой экономике [6]. Только тогда институт постоянного представительства сможет играть свою роль в условиях быстрого развития ЭК и всё более глубокого присутствия иностранных компаний на вьетнамском рынке [2] [7].

Литература:

1. EY. (2024, December 20). Vietnam introduces new and amended tax laws on foreign suppliers conducting business through e-commerce and digital platforms. URL: <https://globaltaxnews.ey.com/news/2024-2355-vietnam-introduces-new-and-amended-tax-laws-on-foreign-suppliers-conducting-business>
2. Ngô Quốc Dũng. (2024). The future of e-commerce taxation in Vietnam: A causal layered analysis approach. Journal of Financial Studies Digital. URL: <https://jfsdigital.org/wp-content/uploads/2024/12/Quoc-Dung-NGO.pdf>
3. Главное налоговое управление Вьетнама. (2023, 26 июня). Vietnam tightens tax management over foreign suppliers. VietnamPlus. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-tightens-tax-management-over-foreign-suppliers-post255347.vnp>
4. ЮНКТАД. (2026, 6 января). Viet Nam revises rules on permanent establishment and removes incentive regime. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor/measures/5063/revises-rules-on-permanent-establishment-and-removes-incentive-regime>
5. Vietnam Law Magazine. (2025, 22 января). Vietnam takes measures to tighten cross-border e-commerce. URL: <https://vietnamlawmagazine.vn/vietnam-takes-measures-to-tighten-cross-border-e-commerce-73419.html>
6. Nguyen, D. T., & Nguyen, T. N. (2024). Revision of «Permanent Establishment» in the Context of Digital Economy: The Work of the OECD and Some Implications for Vietnam. In Proceedings of the 4th International Conference on Research in Management and Technovation (pp. 501–512). Springer.
7. Vietnam Economic Times. (2024, 8 декабря). Foreign enterprises not present in Vietnam to be taxed. URL: <https://vectortv.com.vn/foreign-enterprises-not-present-in-vietnam-to-be-taxed>

Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта

Федоров Валерий Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Данная статья посвящена анализу проблем правового регулирования использования искусственного интеллекта, а именно проблемы правовой ответственности при использовании искусственного интеллекта, отсутствия специальных правовых норм, регулирующих использование искусственного интеллекта, а также проблемы соотношения интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта. В статье рассматриваются современные вызовы, связанные с активным развитием информационных технологий, колоссальным развитием сферы искусственного интеллекта. Анализируются перспективы совершенствования законодательства в сфере правового регулирования использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовой статус ИИ, сеть Интернет, интернет-отношения, цифровое право, цифровизация, машинное обучение, разрыв ответственности, автономные системы, авторское право.

Problems of legal regulation of the use of artificial intelligence

Fedorov Valery Viktorovich, master's student

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, candidate of political science, associate professor
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

This article analyzes the legal regulation of artificial intelligence, specifically the issue of legal liability in the use of artificial intelligence, the lack of specific legal norms governing the use of artificial intelligence, and the relationship between intellectual property

and artificial intelligence. The article examines contemporary challenges associated with the rapid development of information technology and the enormous growth of artificial intelligence. Prospects for improving legislation regulating the use of artificial intelligence are also explored.

Keywords: artificial intelligence, legal status of AI, the Internet, Internet relations, digital law, digitalization, machine learning, responsibility gap, autonomous systems, copyright.

В современных реалиях роль и влияние искусственного интеллекта (ИИ) на окружающую нас действительность увеличиваются каждый день. Применение искусственному интеллекту находится едва ли не в каждой сфере деятельности человека: в здравоохранении, образовании, в экономике, в искусстве, в сфере транспорта и даже на уровне государственного управления. По данным на май 2026 года, 58 % россиян хотя бы раз пользовались ИИ-сервисами, а 44 % граждан делают это не реже раза в неделю [1]. Исследование провели Школа коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ и исследовательский холдинг РОМИР на основе репрезентативного опроса 2,5 тысячи человек в возрасте 18–65 лет.

Актуальность вопроса регулирования искусственного интеллекта подтверждает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 [2]. Но, несмотря на то, что она и играет важную роль в определении целей и задач развития ИИ в России, не создала полностью сформированной комплексной правовой базы для регулирования этой сферы. В стратегии акцент делается на стимулировании инноваций и использовании ИИ для обеспечения национальных интересов, но конкретные нормы, регулирующие применение ИИ в различных аспектах, в ней не детализированы.

Исходя из вышеизложенного, можно смело сказать о том, что в 2026 году искусственный интеллект окончательно перешел из категории экспериментальных технологий в инструмент массового использования, охватывающий практически все сферы жизни. Как следствие, проблемы правового регулирования использования ИИ в интернете предстают перед обществом как одни из наиболее насущных и острых, поскольку охватывают значительную его часть. Также, данные проблемы являются исключительными и в некоем смысле беспрецедентными, а значит, могут требовать инновационных и экстравагантных решений.

Одной из актуальных проблем в сфере правового регулирования использования ИИ в интернете, которую хотелось бы рассмотреть, является проблема «ответственности искусственного интеллекта». Кто, в случае с совершением правонарушения искусственным интеллектом будет нести ответственность — сам искусственный интеллект, разработчик, владелец или пользователь?

Искусственный интеллект, согласно законодательству Российской Федерации, не является субъектом правоотношений, поэтому не может быть привлечён к правовой ответственности в принципе. И так будет до тех пор, пока

ИИ не начнёт обладать самостоятельным целеполаганием и осознанием результатов своих действий.

Сложным и дискуссионным является вопрос об ответственности разработчика за действия систем с искусственным интеллектом (ИИ). Осложняющим фактором является то, что ИИ представляет собой компьютерную систему, самообучающуюся с помощью анализа обширных баз данных и поиску закономерных связей между найденными элементами. То есть, искусственный интеллект в момент самообучения может «научиться» чему-то, что будет противоречить закону. Ответственность может быть возложена на разработчика искусственного интеллекта, поскольку именно он выбирает базы данных, откуда ИИ при обучении будет черпать информацию. Наличие противоречивой информации в базе данных повышает риск того, что ИИ может начать применять её в своих алгоритмах, что не исключено при обучении на таких данных. Это подобно тому, как если бы мы дали ребёнку книгу с нецензурной лексикой, а затем удивлялись бы, что он начал ругаться. Стоит отметить, что добросовестные разработчики нейросети тщательно следят за тем, как она размышляет и «запрещают» мыслить противоправно.

Ответственность же владельца или разработчика искусственного интеллекта (либо устройства, в котором данная система применяется) может варьироваться в зависимости от степени вины. Если противоправное поведение было заложено в систему умышленно, ответственность явно должен нести злоумышленник. Но если такое поведение заложено по неосторожности, будет ли ответственность лежать на разработчике и (или) владельце?

Ситуация получается двоякой — принятие непосредственного и окончательного решения лежит на искусственном интеллекте, но допуск к принятию им такого решения осуществляется владельцем искусственного интеллекта. На наш взгляд, разработчик при создании, а владелец и пользователь при использовании искусственного интеллекта должны осознавать и принимать потенциальные риски ИИ, а также нести ответственность за его действия.

Ещё одной проблемой правового регулирования использования искусственного интеллекта, которая уже была затронута ранее в данной статье, является отсутствие законодательства, чётко регулирующего ответственность лиц за ошибки используемого ими искусственного интеллекта. На текущий момент в таких ситуациях, как правило, применяются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), согласно которым ответственность, как правило, возлагается на пользователя ИИ.

К таким нормам относятся положения ст. 1064, ст. 1068 и ст. 1079 ГК РФ. Первая из указанных статей посвящена общим обоснованиям ответственности за причинение вреда. Согласно норме, «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [3]. В контексте использования искусственного интеллекта, «лицом, причинившим вред», будет считаться пользователь, применивший результаты работы ИИ, ставшими причиной ущерба.

Безусловно, правило является общим и имеет ряд исключений, перечисленных в пунктах ст. 1064 ГК РФ. Но, тем не менее, правоприменительная практика показывает, что именно эта юридическая норма и используется чаще всего.

Согласно же ст. 1068 ГК РФ, если ошибку совершил ИИ, используемый сотрудником компании при исполнении обязанностей, и это повлекло за собой вред, ответственность за вред будет нести работодатель как юридическое лицо.

Стоит обратить внимание и на содержание ст. 1079 ГК РФ, посвященной ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Положения данной статьи также применяются в наши дни во время рассмотрения судебных дел, осложнённых фактором фигурирования в них искусственного интеллекта, а именно случаев, когда вред был нанесён автономной системой. Под автономной системой здесь подразумеваются беспилотные автомобили или сложные роботы, функционирующие на базе искусственного интеллекта. Согласно ст. 1079 ГК РФ, владелец источника повышенной опасности (коим и является автономная система) несёт ответственность за причинённый им вред, кроме случаев, когда вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно отметить, что российское законодательство содержит общие правила, к сфере регулирования которых можно отнести и искусственный интеллект в случаях с нанесением ущерба. Одна из проблем в регулировании актуальных сфер заключается в том, что законодательство часто ограничивается общими нормами, не охватывая в полной мере специфику и детали, необходимые для эффективного регулирования в конкретных случаях. Исключения составляют единичные нормы, такие как ст. 18.1 Федерального закона от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [4]. Данная статья посвящена рассмотрению случаев причинения вреда жизни, здоровью физических или имуществу физических либо юридических лиц «в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта». Как следует из названия Федерального закона, иметь силу данная статья будет лишь в случаях реализации данного эксперимен-

тального правового режима, т. е., когда субъектом будет являться участник такого режима.

Согласно нашему мнению, решить эту проблему можно, обратившись к зарубежному правовому опыту государств, являющихся лидерами в освоении технологий искусственного интеллекта, например, КНР (Китайская Народная Республика). В Китае государство активно выпускает законопроекты, четко регулирующие и ограничивающие использование искусственного интеллекта, а также законы, чётко устанавливающие ответственность за причинение вреда.

Также особенно острой в наши дни является проблема коллизии интеллектуального права и искусственного интеллекта. Здесь важно отметить, что согласно гражданскому законодательству ИИ не может выступать в качестве субъекта интеллектуального права. В контексте данной сферы искусственный интеллект является инструментом, но никак не автором цифрового продукта [5]. Принадлежность прав на результаты деятельности искусственного интеллекта определяется в соответствии с нормами законодательства об интеллектуальных правах, учитывая степень участия человека в процессе создания и другие факторы. **Важно учитывать, что в российском законодательстве (ст. 1228 ГК РФ) автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого этот результат создан.** Это означает, что если результат создан исключительно ИИ без участия человека, он может не подпадать под действие авторского права в традиционном понимании.

При создании произведения каким-либо лицом с помощью ИИ право на авторство, в теории, мог бы оспорить разработчик или владелец нейросети. Ведь, действительно, это именно она (нейросеть), в таком виде, в каком её создал разработчик, сгенерировала произведение по инструкции лица в виде пользователя. Но, как уже было сказано ранее, ИИ в сфере российского авторского права считается лишь инструментом. Поэтому, со стороны разработчика оспаривать право на авторство сгенерированного его нейросетью контента всё равно, что создателю скрипки оспаривать право авторства на сочинённую с её помощью музыкальную композицию.

Стоит рассмотреть и иную ситуацию: лицо при помощи искусственного интеллекта создало произведение, в котором другое лицо увидело чрезмерное сходство с произведением, уже созданным им. Как следует разрешить данный вопрос? Согласно ст. 1252 ГК РФ, посвящённой защите исключительных прав, если ИИ сгенерировал контент, нарушающий чужое авторство, претензии предъявляются лицу, использующему этот результат.

Однако отметим, что при закреплении права авторства на произведение, созданное с помощью нейросети, степень признания зависит от того, насколько значим творческий вклад человека по сравнению с ролью искусственного интеллекта. Оно зависит от того, кто внёс больший вклад при создании произведения (написание сценария,

алгоритм выполнения, детализация, концепция, внешний вид и т. д.) [6]. На деле эта грань довольно размыта и в случае судебных тяжб правоприменителю будет достаточно тяжело оценивать разницу творческого вклада искусственного интеллекта и лица, его использовавшего.

Открытым в наши дни также остаётся вопрос правомерности использования защищенного авторским правом контента для обучения ИИ без согласия на то авторов такого контента.

При рассмотрении каждого нерешённого вопроса в сфере правового регулирования использования искусственного интеллекта красной нитью проходит главная проблема — отсутствие в российском законодательстве конкретных норм, регулирующих применение искусственного интеллекта. В результате для разрешения дел, связанных со сферой ИИ, приходится оперировать общими правовыми нормами, использовать метод аналогии закона.

Литература:

1. Исследование: россияне практически применяют ИИ, но активнее обсуждают риски // РИА-Новости: официальный сайт. 2026. 26 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260609/ssha-2097821597.html> (дата обращения: 09.06.2026).
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации — 2020. — № 31 (Часть I). — Ст. 5017.
5. Потехина К. А. Нейросеть как новый объект интеллектуальной собственности / К. А. Потехина, Е. О. Ананьева // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 6 (222). — С. 105–107.
6. Рассказова С. А. Нейросети в предпринимательской деятельности: правовые аспекты использования сгенерированного контента и ответственность за нарушение авторских прав // Актуальные исследования. — 2025. — № 23 (258). — Ч. II. — С. 51–54.

Аренда жилья как экономико-правовой институт: понятие, признаки, функции

Хакимова Ксения Александровна, студент

Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается аренда жилья как комплексный экономико-правовой институт, занимающий особое место в системе гражданско-правовых отношений. На основе анализа норм Гражданского кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ и доктринальных источников выявлены сущностные признаки арендного договора, проведено разграничение понятий «аренда» и «наём» жилого помещения, а также определены социально-экономические функции аренды жилья в современном обществе.

Ключевые слова: аренда жилья, договор найма жилого помещения, экономико-правовой институт, гражданско-правовой договор, социальная функция аренды, жилищная потребность.

Цель настоящей статьи — на основе синтеза правового и экономического подходов раскрыть понятие, сущностные признаки и социально-экономические функции аренды жилья как комплексного института.

Институт аренды жилья является одним из наиболее востребованных и одновременно сложных в системе российского гражданского права. Его значимость обусловлена тем, что жилищная потребность относится к числу первичных, базовых потребностей человека, а аренда выступает одним из основных способов её удовлетворения

для миллионов граждан, не имеющих возможности приобрести жильё в собственность [1].

В последние годы внимание к институту аренды жилья со стороны законодателя и исследователей значительно возросло. Это связано как с социальными факторами (рост мобильности населения, развитие образовательной и трудовой миграции), так и с экономическими (недоступность ипотеки для значительной части граждан). Однако, несмотря на возросшую практическую значимость, теоретическое осмысление аренды жилья

как целостного экономико-правового института остаётся фрагментарным.

Понятие договора аренды: нормативное определение и доктринальные подходы. Легальное определение договора аренды (имущественного найма) содержится в статье 606 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно данной норме, по договору аренды арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование [2].

Как справедливо отмечает исследователь В. Н. Жильченко, в самом Гражданском кодексе отсутствует развёрнутое определение термина «договор аренды», однако анализ нормативной конструкции позволяет выделить его сущностные признаки. К числу таких признаков автор относит: наличие взаимных обязательств сторон; обязанность арендодателя предоставить имущество во временное владение и (или) пользование; обязанность арендатора вносить плату за переданные ему правомочия; а также срочный характер возникающих отношений [7].

А. А. Багманов определяет договор аренды как «самостоятельный вид гражданско-правового договора, условия которого определяют обязанность арендодателя с одной стороны по предоставлению арендатору с другой стороны во временное владение и (или) пользование имущества на определенный срок за установленную плату» [6]. Данное определение акцентирует внимание на трёх ключевых элементах: временный характер, возмездность и передача правомочий владения и (или) пользования.

И. В. Кушнир, в дополнение к указанным признакам, отмечает такую особенность договора аренды, как принадлежность арендатору плодов, продукции и доходов, полученных в результате использования арендованного имущества [8]. Это положение также закреплено в статье 606 ГК РФ, согласно которой «плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью» [2].

Сущностные признаки договора аренды как экономико-правовой конструкции. Анализ нормативных источников позволяет выделить следующие признаки, характеризующие договор аренды как самостоятельный правовой институт.

Первый признак — двусторонний характер обязательства. Договор аренды порождает права и обязанности у обеих сторон. Арендодатель обязан передать имущество, а арендатор — принять его и вносить арендную плату. Как отмечает Жильченко, «арендодатель является одновременно и должником арендатора в связи с обязанностью передать в аренду определённую вещь, и его кредитором в отношении права требовать арендную плату» [7]. Эта двусторонность отличает аренду от односторонних договоров (например, договора дарения).

Второй признак — возмездность. Арендные отношения всегда предполагают встречное предоставление со стороны арендатора в виде арендной платы. Бес-

платное пользование чужим имуществом оформляется договором ссуды (безвозмездного пользования), а не договором аренды [2]. Возмездный характер аренды имеет важное экономическое значение: аренда для арендодателя выступает способом извлечения дохода, а для арендатора — способом удовлетворения потребности без единовременных крупных затрат.

Третий признак — срочность. Договор аренды заключается на определённый сторонами срок. По истечении этого срока договор либо прекращается, либо (при наличии соответствующего волеизъявления сторон) возобновляется на новый срок. Для договора найма жилого помещения статьёй 683 ГК РФ установлен максимальный срок — 5 лет, после чего договор может быть заключён на новый срок [2]. Срочность принципиально отличает аренду от института собственности, который носит бессрочный характер.

Четвёртый признак — временный характер перехода правомочий. При аренде к арендатору переходят правомочия владения и пользования, но не распоряжения. Собственником имущества остаётся арендодатель, который сохраняет за собой право распоряжения (включая право продажи арендованного имущества). В случае смены собственника арендованного имущества договор аренды сохраняет силу в силу действия принципа следования, закреплённого в статье 617 ГК РФ: переход права собственности на сданное в аренду имущество к другому лицу не является основанием для изменения или расторжения договора аренды [2].

Пятый признак — наличие внутренней типизации. Гражданский кодекс закрепляет ограниченное количество видов арендного договора: аренда транспортных средств, аренда предприятий, аренда зданий и сооружений, финансовая аренда (лизинг), прокат [7]. Каждый из этих видов имеет особенности правового регулирования, обусловленные спецификой объекта аренды.

Соотношение понятий «аренда» и «наём» жилого помещения. В быденном сознании и даже в профессиональной среде понятия «аренда» и «наём» жилого помещения часто используются как синонимы. Однако с точки зрения российского гражданского законодательства между ними существует принципиальное различие, которое необходимо учитывать как при заключении договоров, так и при разрешении споров.

Для регулирования отношений по передаче жилого помещения в пользование Гражданский кодекс РФ содержит две отдельные главы: глава 34 «Аренда» и глава 35 «Наём жилого помещения» [2]. Такое разделение неслучайно.

Ключевое различие заключается в субъектном составе сделки. Договор аренды (в том числе аренды жилого помещения) заключается с участием юридического лица. Договор же найма жилого помещения заключается между физическими лицами-гражданами [9].

Второе различие касается цели использования имущества. При договоре аренды переданное имущество может использоваться как для предпринимательских, так и для иных целей, не связанных с проживанием. Договор же

найма жилого помещения заключается исключительно для проживания граждан. Статья 671 ГК РФ прямо устанавливает: «Юридическому лицу жилое помещение может быть предоставлено во владение и (или) пользование на основе договора аренды или иного договора. Юридическое лицо может использовать жилое помещение только для проживания граждан» [2].

Таким образом, если собственник квартиры сдаёт её другому гражданину для проживания, должен заключаться договор найма жилого помещения. Если же квартира сдаётся организации для использования в качестве общежития для своих сотрудников или гостевого дома — заключается договор аренды.

Виды договора найма жилого помещения. Жилищный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс РФ предусматривают несколько видов договора найма жилого помещения, различающихся по основаниям предоставления, целям и правовому режиму.

Первый вид — договор социального найма. Данный договор заключается в отношении жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда. Предоставление жилья по договору социального найма осуществляется нуждающимся в улучшении жилищных условий гражданам в порядке очерёдности [4]. Плата по такому договору является льготной, а сам договор носит бессрочный характер (за исключением случаев выселения за нарушения).

Второй вид — договор коммерческого найма. Это наиболее распространённый вид договора на рынке частного арендного жилья. Наймодателем выступает собственник жилого помещения (как правило, гражданин), а нанимателем — другое физическое лицо. Условия договора (размер платы, срок, права и обязанности сторон) определяются соглашением сторон. Максимальный срок договора коммерческого найма — 5 лет [2].

Третий вид — договор специализированного найма. Данный договор заключается в отношении специализированного жилищного фонда — служебных жилых помещений, общежитий, маневренного фонда и др. Категории граждан, имеющих право на получение такого жилья, ограничены законом [4].

Четвёртый вид — договор найма жилого помещения жилищного фонда социального использования. Этот институт был введён Федеральным законом от 21.07.2014 № 217-ФЗ и закреплён в статье 91.1 Жилищного кодекса РФ. Данный договор занимает промежуточное положение между социальным и коммерческим наймом. Он предназначен для граждан, которые не являются малоимущими (а значит, не имеют права на социальный наём), но при этом не могут арендовать жильё по рыночным ставкам [5]. Договор заключается на определённый срок, плата по нему устанавливается ниже рыночной.

Права и обязанности сторон по договору найма жилого помещения. Институт найма жилого помещения детально регламентирует права и обязанности его сторон, обеспечивая баланс интересов наймодателя и нанимателя.

Обязанности наймодателя. В соответствии со статьёй 676 Гражданского кодекса РФ, наймодатель обязан: передать нанимателю свободное жилое помещение в состоянии, пригодном для проживания; осуществлять надлежащую эксплуатацию жилого дома; предоставлять или обеспечивать предоставление нанимателю необходимых коммунальных услуг; обеспечивать проведение ремонта общего имущества многоквартирного дома [3]. Эти обязанности корреспондируют праву нанимателя требовать от наймодателя выполнения указанных действий.

Обязанности нанимателя. Статья 678 ГК РФ устанавливает следующие обязанности нанимателя: использовать жилое помещение только для проживания; обеспечивать сохранность жилого помещения и поддерживать его в надлежащем состоянии; производить текущий ремонт; своевременно вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги [2].

Права нанимателя. К числу важнейших прав нанимателя относятся: право вселять в жилое помещение других граждан (супруга, детей, родителей, а также иных лиц с согласия наймодателя) (ст. 679 ГК РФ); право сдавать жилое помещение в поднаём (с согласия наймодателя) (ст. 685 ГК РФ); преимущественное право на заключение договора на новый срок (ст. 684 ГК РФ) [2].

Экономическая сущность и социально-экономические функции аренды жилья. С экономической точки зрения аренда жилья представляет собой форму временного перераспределения правомочий собственности, позволяющую более эффективно использовать существующий жилищный фонд. В отличие от купли-продажи, которая требует единовременных крупных затрат, аренда «дробит» плату за жильё на небольшие регулярные платежи, делая его доступным для широких слоёв населения.

Анализ экономической природы аренды жилья позволяет выделить несколько её ключевых функций.

Первая функция — социальная. Аренда обеспечивает жильём те категории граждан, которые не могут приобрести его в собственность в силу объективных причин: молодёжь, начинающая карьеру и ещё не накопившая стартовый капитал; студенты, обучающиеся в другом городе; трудовые мигранты; граждане, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Без развитого рынка аренды эти категории оказались бы в критическом положении.

Вторая функция — экономическая. Аренда позволяет собственникам жилья получать регулярный доход от использования принадлежащего им имущества, что стимулирует инвестиции в жилищную сферу (ремонт, модернизация). Кроме того, при легализации арендных отношений формируются налоговые поступления в бюджеты разных уровней.

Третья функция — мобилизационная. Аренда обеспечивает мобильность трудовых ресурсов. Человек, имеющий возможность легко сменить место жительства, более гибко реагирует на изменения на рынке труда: он может переехать в другой город ради более высокой зар-

платы или интересной работы, не будучи обременённым необходимостью продавать собственную квартиру.

Четвёртая функция — градостроительная. Развитый рынок аренды снижает остроту жилищной проблемы в крупных городах — центрах притяжения мигрантов. Без возможности снять жильё приток рабочей силы был бы существенно ограничен, что негативно сказалось бы на экономике этих городов.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что аренда жилья представляет собой сложный межотраслевой институт, сочетающий в себе элементы гражданско-правового регулирования (Гражданский кодекс РФ), жилищного законодательства (Жилищный кодекс РФ) и экономических механизмов рынка недвижимости.

К существенным признакам договора аренды (найма) жилого помещения относятся: двусторонний характер, возмездность, срочность, временный характер перехода правомочий владения и пользования при сохранении

права собственности за арендодателем, а также наличие внутренней типизации видов договора.

Ключевое различие между арендой и наймом жилого помещения определяется субъектным составом: договор аренды заключается с участием юридического лица, договор найма — между физическими лицами.

Социально-экономические функции аренды жилья (социальная, экономическая, мобилизационная, градостроительная) обуславливают её важную роль в современном обществе, особенно в условиях роста мобильности населения и периодических кризисов на рынке ипотечного кредитования.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на сравнительный анализ регулирования арендных отношений в России и зарубежных странах, а также на разработку практических рекомендаций по совершенствованию правового механизма защиты прав нанимателей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Ст. 40.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025). — Ст. 606, 617, 671–688.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025). — Ст. 676.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026). — Ст. 49–91, 91.1.
5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Ст. 1.
6. Багманов А. А. Договор аренды: понятие, содержание, особенности / А. А. Багманов // Академическая публицистика. — 2020. — № 5. — С. 326–328.
7. Жильченко В. Н. Понятие и признаки договора аренды / В. Н. Жильченко // Актуальные проблемы права: сборник научных трудов. — 2022. — С. 3–9.
8. Кушнир И. В. Гражданское право: учебник / И. В. Кушнир. — М.: Волтерс Клувер, 2016. — 547 с.
9. Цуканова Е. Ю. Соотношение договоров найма и аренды жилых помещений: нормативно-правовые и доктринальные аспекты / Е. Ю. Цуканова // Семейное и жилищное право. — 2015. — № 2. — С. 43–46.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (627) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 24.06.2026. Дата выхода в свет: 1.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.